

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Российский химико-технологический университет
имени Д. И. Менделеева

А. П. Жуков, Н. Ю. Денисова

Застывшие
«Зачем» и «Почему»

Добровольцы-менделеевцы на финской войне

1939 – 1940

Москва
2016

УДК 947.084(666)
ББК 63.3(2) 722
Ж86

Рецензенты:

Доктор химических наук, профессор Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева **В.Ф. Жилин**;

заведующая Музеем истории Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева
А. К. Акылакунова

Жуков А. П.

Ж86 Застывшие «Зачем» и «Почему». Добровольцы-менделеевцы на финской войне (1939–1940): монография/ А. П. Жуков, Н. Ю. Денисова. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2016. –204 с.

ISBN 978-5-7237 -1369-7

В монографии рассказывается о событиях зимы 1939 – 40 гг.: финской войне и участии в ней добровольцев-менделеевцев. Рассмотрены вопросы создания отдельных лыжных батальонов – специальных формирований на базе различных округов СССР.

Книга полезна для историков высшего профессионального образования страны и Москвы, интересна студентам, сотрудникам Университета Менделеева.

УДК 947.084(666)
ББК 63.3(2)722

Фото на 1-й странице обложки: *«Добровольцы МХТИ перед отправкой на фронт в декабре 1939 г.»*.

Слева направо: Иван Дубин, Семен Павлов, Валентин Поляков, Роман Эпштейн, Иван Василевский, Анатолий Нюнин, Владимир Александров, Игорь Тужилкин, Михаил Оськин, Юрий Королев, Павел Мушулов.

ISBN 978-5-7237-1369-7

© Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, 2016
© Жуков А. П., Денисова Н. Ю., 2016

Письмо из 1972 года

В комитет комсомола МХТИ пришло письмо:

«Уважаемые товарищи! В 1972 году по поручению Карельского областного совета по туризму я проводил поиск братской могилы 38 добровольцев-москвичей, погибших на территории Суоярвского района. Я, как председатель детского клуба «Аэлита» г. Суоярви, провел несколько поисковых походов. Но безуспешно, могилу мы не обнаружили. На наши запросы архивы отвечают, что сведений о 10-м отдельном легкочыжном батальоне, бойцами которого были эти 38 парней, нет. Судьба батальона неизвестна. Бойцами этого батальона были и студенты Московского и института имени Менделеева, коренные москвичи...

С уважением, Ракитский Николай»

«Менделеевец» № 20/1974

Ни у кого и ни за что не спросим
Про то, что не расскажем никому...
Но кажутся кривые сучья сосен
Застывшими «Зачем» и «Почему».

Сергей Наровчатов

Потерпела Россия поражение в Японской войне, был разгромлен флот в Цусимском проливе. Ну и что? С каждым воюющим государством может это случиться. Наполеон – и тот потерпел поражение. Скрывать ли всё? Бояться ли огласки? Зажать ли рот этому случаю? Ничуть не бывало. Россия скорбит, конечно, но ничего не боится и не стыдится. Тотчас возникли популярные песни: «На сопках Маньчжурии», «Плещут холодные волны» и «Гибель «Варяга», которые поются с эстрады, выпускаются на пластинках.

Что-то о советско-финской войне 1940 года я не слышал по-добных песен.

Владимир Солоухин
«Последняя ступень»

Некий полковник первым заметил, как далеко простерся взгляд всевышнего. Этот полковник был начальником одного армейского штаба, и, размещая свои войсковые соединения, он увидел, что бывшее лесное пожарище исключительно хорошо подходит для дислокации его войск. Зимняя война Финляндии закончилась; это была лучшая из всех бывших дотоле войн, потому что в ней победили обе стороны. Победа финнов была поменьше, потому что им пришлось уступить кое-что из своей территории и соответственно отойти за возникшую таким образом новую границу. Остатки войск были распущены по домам, а на их место призваны новобранцы. И досталось же пожарищу от этой пехоты! В весеннюю теплынь ушли домой старые солдаты. Они уносили с собой меховые шапки, рваные тулупы, шерстяные рубашки и теплые сапоги. Они возвращались домой и без всяких проблем включались в мирную жизнь.

Конечно, вначале по-фински основательный хмель, а уж потом – за работу. Была ли их жертва напрасной? Об этом пусть думают те, кого не ждет посевная; и то, что они об этом думали, заставляло сомневаться, что жертва эта была слишком уж велика.

Линна Вяйне
«Неизвестный солдат»

ЗАЧИСЛИТЬ НАВЕЧНО

ПРИКАЗ
РЕКТОРА МХТИ им. Д. И. Менделеева

Студенты Московского ордена Ленина химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, откликаясь на зов партии и советского правительства, не раз с оружием в руках защищали нашу Родину, проявляя при этом героизм и отвагу.

6 февраля 1940 года студент II курса инженерного химико-технологического факультета, рядовой 10-го отдельного легколыжного добровольческого батальона Анатолий Нюнин, доставляя во время боя срочное донесение командира, был тяжело ранен. Несмотря на ранение, товарищ Нюнин нашел в себе силы доставить донесение по назначению и только после этого согласился пойти в госпиталь, где скончался.

20 февраля 1940 года студент II курса факультета технологии органических веществ, пулеметчик 10-го отдельного легколыжного добровольческого батальона рядовой Иван Василевский в разгаре боя заметил раненых политрука и рядового пулеметчика. Товарищ Василевский, передав пулемет второму номеру, под губительным огнем противника пополз к раненым, перевязал их и оттащил в укрытие. При этом он был тяжело ранен и через несколько дней скончался в госпитале.

Подвиг студентов Анатолия Нюнина и Ивана Василевского, отдавших жизнь при выполнении воинского долга, должен служить примером доблести и героизма для студенческой молодежи.

Для увековечения памяти студентов товарища Нюнина и товарища Василевского приказываю зачислить навечно в списки учебных групп: товарища Нюнина Анатолия в группу II курса инженерного химико-технологического факультета, товарища Василевского Ивана в группу II курса факультета технологии органических веществ.

Н.М. Жаворонков
Ректор МХТИ
1960 г.

ЗАСТЫВШИЕ «ЗАЧЕМ» И «ПОЧЕМУ»

Мы держим в руках ветхий бесценный номер «Московского технолога» из волею случая и стараниями ветеранов сохранившейся подшивки 1940 года. Номер уникален уже вот этим рисунком на первой полосе, выполненным пером молодого Михаила Карапетьянца, о чем свидетельствует его личная подпись. Он заполнен информацией о финской войне, но нет главной для нас – о менделеевцах.

Рисунок М.Х. Карапетьянца
«Московский технолог» 1940 г. 23 февраля

Сегодня, 60 лет спустя, немало написано о тех днях «Зачем? Почему? Кто виноват?» Часто невооруженным взглядом видно, что авторы отрабатывают свои «исследовательские гранты», полученные в фунтах или другой какой валюте. Ответы на все про все давно даны самой историей. Уже 22 июня 1941 г. в 12-05 по Москве, когда прозвучало по радио «Коминтерн», что фашистские бомбардировщики взлетели с территории Германии, Румынии и Финляндии... Затем концлагри в районе Петрозаводска.

В августе 1943-го вместо Смоленщины, воспетой Твардовским и Исаковским, солдаты Красной Армии увидели перед глазами квадратные километры выжженной земли, сплошное пепелище. Среди факельщиков, в основном, как говорит народная молва – прибалты и финны.

Оставшиеся в живых смоленские ветераны и сегодня помнят об этом, поэтому ответ на вопрос о делах осени 1939 г. на Карельском перешейке для них однозначен. Умирая, они по-библейски жалеют, что так и не воздали всем и за всё.

Историки Запада утверждают, что отказ правительства Р. Рюти, вопреки рекомендациям, в частности, фельдмаршала К. Маннергейма, принять к рассмотрению сначала просьбу, затем предложения, под конец требования советской стороны о передаче в аренду, продаже либо обмене пограничных участков в непосредственной близости от Ленинграда на большие по площади и природным ресурсам территории, Иосиф Сталин использовал как предлог для крайне непопулярной и столь же неудачной военной операции против Финляндии. В памяти наших семей не только имена Сталина, Ворошилова, Мерецкова, Тимошенко, Кирпоноса, Маннергейма и Таннера, но и много терминов из разговорного словаря тех лет: «коктейль Молотов», «кукушка», «волокуша», КВ, ОЛБ (ОЛЛБ).

Вот в таком 10-м отдельном легко-лыжном батальоне, 10-м ОЛБ воевали в жестокую стужу января 1940 года студенты-менделеевцы (о выпускниках и сотрудниках информации практически нет в материалах, доступных нам). До сих пор нельзя однозначно ответить на вопрос «Зачем понадобились на зимнем фронте студенты». Да, добровольцы, но разве в военкоматах не видели, что из себя представляли эти необученные мальчишки. Снайперы – быть может, но «ворошиловских стрелков» тогда было полстраны. Говорят, были нужны лыжники, но вся страна сдавала нормы ГТО, и в снежных районах все ходили на лыжах.

Так почему же все-таки оказались студенты на фронте? Дело и в том, что на Карельском перешейке, рассыпалась популярная парадигма тех лет о том, что «будущая война – это война моторов». Моторы моторами – техники на перешеек нагнали немеряно – но главным, как на любой войне, был человек, солдат. Солдат умный, умелый, обучаемый. Видно потому оказались в зимнем карельском лесу даже студенты из Литературного института и ИФЛИ – двое из них погибли, двоих «отогревали» в дальнем госпитале, где и родились в 1940-м эти вопрошающие строки-вопросы – «Застывшие Зачем и Почему»...

В 1960-е годы в коридоре новенького четвертого этажа основного корпуса висел стенд с приказом ректора (стр.5). Его никто не отменял.

Из выпускников не вернулся с боев на Карельском перешейке Наум Червинский (138-й факультет, выпуск 1939 г.). Боевое крещение получил там и Иван Палилов, будущий Герой Советского Союза, долгие годы сотрудник общих отделов Менделеевского института.

Модное ныне, применительно к истории, слово «неизвестная», на мой взгляд, никак не применимо к делам тех лет. В своей скромной до-

машней библиотеке я сразу же нашел несколько десятков серьезных источников. В народе той поры ужаснулись, узнав о жестокости боев на перешейке, да и непомерно высокой цене в итогах кампании.

Неудивительно, что рельефнее всех сказал о той войне поэт – ее участник, студент Сергей Наровчатов. Эти строчки 1940 года тоже можно считать неизвестными: кто же сегодня читает стихи (знаю – спрашивал своих студентов):

Здесь мертвецы стеною за живых!
Унылые и доблестные черти,
Мы баррикады строили из них,
Обороняясь смертью против смерти.
 За ними укрываясь от огня,
 Я думал о конце без лишней грусти.
 Мол, сделают ребята из меня
 Вполне надежный для упора бруствер.
Куда как хорошо с меня стрелять.
Не вздрогну под нацеленным оружием...
Все, кажется, сослужено... Но глядь,
Мы после смерти тоже службу служим.

В далекие теперь уже годы своего киржачского послевоенного детства запомнил символический памятник той войне: в семью не вернулся красноармеец, а жестокие морозы зимы 1940 г. загубили мичуринский, как тогда говорили, сад, который юный боец посадил. Старики не стали вырубать погибшие деревья. И надо же, после войны сад ожил, зацвел, обильные красивые яркие яблоки висели в нем осенью. Правда есть их было нельзя – дички. Только сейчас я понял, почему берегли деревенские этот вроде бы бесполезный сад. Земли и болот на Руси хватало всегда, а людей...

А.П. Жуков
«Менделеевец» № 1/2006 г.

P.S.

А что потом? Как дальше все было в Менделеевском?

22 июня 1941 г.: «Нам сообщили Харьков бомбили...»

23 июня – митинг в БАЗе, 26 июня последний выпуск «Московского технолога»: «Собственными руками задушим фашистскую гадину!»

Подписались и слово свое сдержали...

Глава первая

Исторический след или Путь к войне

Былое

Академик Ж. Алферов, наш Нобелевский лауреат по физике, человек мыслящий, в телепередаче о своей жизни, большая часть которой прошла по адресу «СССР – XX век», заметил, что наша страна Россия в XX веке все войны проиграла: начиная с Русско-Японской 1905 г. и кончая Афганом, включая и финскую. (Сразу замечу, что тезис академика о поражениях строился на антитезе – нашей Великой Победе в Великой Отечественной войне). Здесь далее речь пойдет о «той войне незначительной», чьи 105 дней пришлось на жестокую зиму 1939-1940 годов, и включили день календарной осени, всю зиму и 12 1/2 дней весны. Рождество, Новый год, 60 лет Сталину, 15 лет со дня смерти Ленина, прощенное воскресенье (масленица), день РККА, 8 марта – можно перечислять праздники и даты еще и еще – только для того, чтобы показать как долга зима, особенно если это зима войны.

Задача автора, непрофессионала-историка (как говаривали краеведы, порой диву даешься, копаясь в напечатанном о былом, где же наши «профи», видно в каких-то спецгрантах от некоего Сороса погрязли, кругом одни дилетанты...) предельно сжато, хотя бы в первом приближении вспомнить и попытаться понять, что делали наши менделеевцы на той войне – в первую очередь студенты, но не забыть и сотрудников университета (института и училища) разных лет, вольно или невольно оказавшихся на той войне, да и о наших родных хорошо бы рассказать.

В начале исследования попытаемся вспомнить азы истории с географией, не уходя далеко от XX века.

1917 г. 18(31) декабря – постановление СНК РСФСР о признании независимости Финляндской республики.

«Перед вторым наступлением генерала Н.Н. Юденича на Петроград, –

пишет чешский историк Михаил Райман (*Райман М. и др. Рождение державы. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 839 с.*), – осенью 1919 г. фактический правитель Финляндии генерал К.Г.Э. Маннергейм сообщил Колчаку, что финская армия готова присоединиться к наступлению, но поставил условием, чтобы Колчак признал независимость Финляндии, что Советская Россия сделала еще в конце 1917 г.»

Далее комментарий специалиста, политолога и дипломата («че мнение как всегда компетентно и оригинально», с этой фразой из аннотационной справки не согласиться невозможно: и эрудиция, и трезвость мысли сквозят через исторические труды) В.М. Фалина. «После акта провозглашения Советской Россией независимости Финляндии государственная граница была проведена по реке Сестре, в неполных 30 километрах от Ленинграда, а не по исторической линии, установленной Петром I и существовавшей до момента присоединения Финляндии к России в 1809 году. Инициатива этого нововведения, зафиксированного в Тартуском договоре, связывается с именем Сталина, бывшим в ту пору Наркомом по делам национальностей».

Сталин уже на политической арене, а где же любимый незабвенным «Крокодилом» лорд Керзон (Великобритания). Здесь же и сейчас же: 21 июня 1919 года министр иностранных дел Его величества короля Бальфур из Парижа сообщил по телеграфу Керзону текст соглашения, которое было заключено между правительством Финляндии и генералом Юденичем в Гельсингфорсе по вопросу о нападении Финляндии на Петроград. (Documents on British Foreign Policy, Ser. I, V.III London, 1949, p.394-395).

Зарубка сделана, и где же – в рассекреченных бумагах Foreign Office (F.O.), знатного гигиениста в делах мировой политики. Ох, уже этот F.O., не без его политических стараний началась организация «санитарного кордона» вокруг нашей страны. Одним из штатных кордонщиков записалась/записали/ Финляндия.

В «Истории внешней политики СССР» (1980) не забыли о трудностях для советской дипломатии в деле установления мирных отношений с Финляндией: «В кругах властей Финляндии вынашивались планы захвата русских территорий. Не только Карелии и Печенги, но даже Петрограда, Онежского края и Кольского полуострова».

Планы планами, но из песни слов не выкинешь: «С весны 1919 г. финская буржуазная печать стала активно пропагандировать идею похода на Петроград. В апреле финские добровольцы (*не шюцкор ли* – А.Ж.) и регулярные части финской армии вторглись в пределы Олонецкой губернии. Финские самолеты совершили налеты на Петроград». Откуда самолеты у юной «демократии»? Но и опровержений у ее поклонников даже в дни «большой гласности» не отыскалось.

8 июля 1919 г. в газете «Правда» И.В. Сталин четко обрисовал положение на Петроградском фронте. Во-первых, плацдармы для атаки на Петроград, угрозы реальные: «Подступы к Петрограду – это те пункты, отправляясь от которых противник, в случае успеха, может окружить Петроград, отделить его от России и, наконец, овладеть им.

Таковы: а) Петрозаводский участок, имеющий направление на Званку, цель – охват Петрограда с востока; б) Олонецкий участок с направлением на Лодейное Поле, цель – заход в тыл нашим петрозаводским войскам; в) Карельский участок, имеющий направление прямо на Петроград, цель – захват Петрограда с севера; г) Нарвский участок с направлением на Гатчину и Красное Село, цель – взятие Петрограда с юго-запада, или, по крайней мере, взятие линии Гатчина-Тосно и охват Петрограда с юга; д) Псковский участок с направлением на Дно - Бологое, цель – отрезать Петроград от Москвы; е) наконец, Финский залив и Ладожское озеро, открывающие возможность высадок противника с запада и с востока от Петрограда».

Как видите, из шести направлений военных угроз советскому Петрограду – четыре связаны с Финляндией. И.В. Сталин оценил силы противника на плацдармах, возможных для нападения со стороны Финляндии: «Силы противника на этих участках разношерстны и разнокалиберны. На Петрозаводском участке действуют сербы, поляки, англичане, канадцы, группа русских офицеров-белогвардейцев. Все они содержатся на средства так называемых союзников. На Олонецком участке – белофинны, нанятые финским правительством по контракту на два-три месяца. Во главе белофиннов стоят оставшиеся после немецкой оккупации немецкие офицеры. На Карельском участке стоят финские так называемые регулярные части. На Нарвском участке – русские части, на вербованные из русских военнопленных, и ингерманландские части, на вербованные из местного населения. Во главе этих частей стоит генерал-майор Родзянко. На Псковском участке стоят тоже русские части из военнопленных и местных жителей во главе с Балаховичем. В Финском заливе действуют миноносцы (от 5 до 12) и подводные лодки (от 2 до 8), по всем данным, англо-финские».

В том же 1919 году финляндское правительство отклонило советское предложение об открытии мирных переговоров, сделанное 11 сентября, в момент, когда Антанта старалась поднять против Советской России «14 государств», включая и Финляндию. Более того, финская реакция пыталась практически осуществить свои территориальные притязания, организовав новое вторжение белогвардейских отрядов в Карелию.

1920 г. 14 октября – подписание мирного договора между РСФСР и Финляндией. Как памятная ремарка: в этих переговорах принимал участие будущий директор ЕМХТИ (1931-1933) Николай Сергеевич Тихмеев, его портрет в ректорской галерее нашего Музея.

1921 г. 13 октября – протест правительства РСФСР против решения вопроса об Аландских островах без его участия.

Питерский историк Алексей Лазарев в преамбуле к диссертации на тему о советско-финляндской войне 1939–1940 гг. так выделяет исторические корни соседских отношений, вызвавшие пожар войны:

«Советско-финляндская война 1939-1940 гг. являлась логическим итогом длительных российско-советско-финляндских отношений. В результате русско-шведской войны 1808-1809 гг., согласно Фридрихсгамскому мирному договору, Финляндия (включая Аландские острова) была отделена от Швеции и стала Великим княжеством в составе Российской империи. В этот же период – период правления Александра I – в 1811 году Великому Княжеству Финляндскому была подарена Выборгская губерния, в связи с чем до русско-финляндской границы от столицы России осталось всего 32 километра, что и стало в дальнейшем главной проблемой, приведшей к зимней войне. Пока Финляндия оставалась частью Российской империи, перенос русско-финской границы не давал повода для серьезной опасности, но в декабре 1917 года, в связи с выходом Финляндии из состава России, столица РСФСР превратилась в приграничный город, фактически не защищенный ни с моря, ни с суши.

Истоки конфликта, приведшего к войне, в большей степени кроются не во внешней политике сторон, а в особенностях на уровне менталитета двух соседних народов. Политика русификации, проводимая в Финляндии Николаем II, в этом контексте сыграла решающую роль. Подобная политика «вызывала сопротивление и пробудила движение финнов за независимость». Впоследствии подобные настроения имели свое развитие в советский период. В сознании финского народа закрепилось представление о Советском Союзе, как о «враге». Истоки такого отношения можно найти в следующем: во-первых, «определенную роль играли, конечно, сложившиеся ранее предубеждения в отношении Советского государства, непонимание мотивов его политики, отождествление с царской Россией и вытекание отсюда представления о стремлении СССР «присоединить» к себе Финляндию». Во-вторых, «в основе недружественного отношения к Советскому государству лежала классовая неприязнь, боязнь воздействия его примера на трудящихся Финляндии и, в силу этого, не заинтересованность в таком соседстве». Все это нашло свое подтверждение в период гражданской войны в Финляндии 1918 года, когда общество раскололось на два лагеря. Причем, южная часть Финляндии оказалась в руках красных, а остальная часть – в руках белых. В результате поражения красных в начале апреля в г. Тампере и высадки в это же время германских экспедиционных войск на юге Финляндии в войне победили белые, что определило на все оставшееся довоенное время характер советско-финляндских отношений.

Ф

Вместо сноски

Ф – эф(фэ) – исторически юный звук в фонетике (говоре) русских. Посмотрите в словарях, как мало слов, наших, коренных, русских на «Ф». Еще в конце 1960-х на севере Смоленщины, где сегодня дремучие дебри опустошения от реформ и перестроек, в небольшой деревушке Быхово, что пережила страшные дни еврофашистской оккупации (немцы с челядью и прихвостнями), в разговоре перед застольем я услышал почти музыкальную (с особой фонетикой) фразу: «Хведька, дай- ка мне хвинку – сала покрошить». *Хведька* (Федор Акимович в реальной жизни) *хвинку* передал, я присмотрелся к ножу – то была не бандитская, есенинская финка (финский нож...), а еще круче – кинжал эсэсовца (персональный), тот самый с деревянной ручкой.

В школьном «Орфографическом словаре» Ушакова (1953 г.) всего четыре «финских» слова: *финка, финляндский, финн, финский*.

Финляндия - 1940

Взгляд с Миусской площади из Политиздата

Финляндия – государство на севере Европы. Омывается на юге Финским, на западе Ботническим заливом Балтийского моря, на севере имеет выход к Баренцеву морю. Площадь – свыше 380 тыс. кв.км. Население – 3 млн. 650 тыс. чел., главным образом, финны; шведов меньше 10%. Столица – Хельсинки (Гельсингфорс). Важнейшие города: Тампере (Таммерфорс), Турку (Або). Климат Финляндии суровый; в ней много болот, озер, порожистых рек. Главное богатство – лес; важная отрасль хозяйства – лесная промышленность и деревообработка. В сельском хозяйстве главное место занимает молочное животноводство, хлеба не хватает. Большая часть земли сосредоточена в руках кулаков и помещиков.

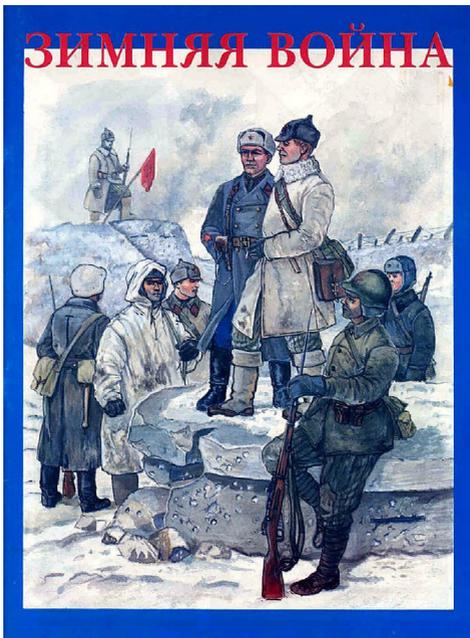
До 1809 г. Финляндия принадлежала Швеции, потом входила в состав царской России. Государственную независимость Финляндия впервые получила на основе ее признания Советским Правительством 31 декабря 1917 года. Территория Финляндии была определена мирным договором между РСФСР и Финляндией, заключенным 14 октября 1920г. После поражения революции 1918 г. в Финляндии утвердилось правительство клики генералов, помещиков и капиталистов. Белофинское правительство установило внутри страны режим буржуазной диктатуры и белого террора.

В своей внешней политике на протяжении последующих 20 лет оно

поддерживало тесную связь с империалистическими державами, враждебными Советскому Союзу и стремившимися использовать Финляндию в качестве плацдарма для нападения на СССР. Для этой цели Финляндия снабжалась средствами и вооружениями. Особенно сильное экономическое и политическое влияние оказывала на Финляндию Англия. Английский империализм стремился закрепить в Финляндии свои позиции, чтобы утвердить свое господство в бассейне Балтийского моря, натравить на Советский Союз его ближайших соседей, а затем столкнуть СССР с Германией. В начале 1939 года по внушению подстрекателей-империалистов Финляндия открыто поставила вопрос о вооружении Аландских островов, с очевидной целью использовать этот архипелаг как опорный пункт против СССР.

*Политический словарь.
Гос. издат. полит. лит-ры. М., 1940. – С. 604-605*

P.S. Справка, безусловно, «политизированная» (см. источник), но это же документ 1940 г. История только подтвердит вывод, что для Запада Финляндия была и «санитарным кордоном», и плацдармом. С историей не поспоришь.

Глава вторая

«Зимняя война» по учебникам

Политический словарь 1940 г.

Осенью 1939 г. под воздействием враждебных Советскому Союзу империалистических держав финляндское правительство отклонило предложение Советского Правительства о заключении между СССР и Финляндией пакта о взаимопомощи, который должен был обеспечить безопасность в восточной части Балтийского моря и установить дружественное сотрудничество Советского Союза с Финляндией. Несмотря на все миролюбие, проявленное Советским Правительством при переговорах о заключении советско-финляндского пакта о взаимопомощи, правительство Финляндии заняло непримиримо враждебную СССР позицию и стало на путь провокационных действий. 26 ноября финляндские воинские части произвели через границу злодейский обстрел советских войск, повлекший человеческие жертвы. На предложение правительства СССР отвести финляндские войска от границы правительство Финляндии ответило отказом. Усматривая в действиях финляндского правительства систематическое нарушение пакта о ненападении между СССР и Финляндией, Советское Правительство нотой от 28 ноября заявило, что считает себя свободным от обязательств этого пакта. 29 ноября, ввиду продолжавшихся провокационных нападений финляндских воинских частей на советские войска, правительство СССР нотой уведомило правительство Финляндии, что не может больше поддерживать с ним нормальные отношения и отзывает из Финляндии своих дипломатических и хозяйственных представителей.

Президент Финляндии Каллио 30 ноября объявил состояние войны с Советским Союзом. Война между Советским Союзом и Финляндией продолжалась в течение трех с лишним месяцев. Военные действия показали, что Финляндия и, прежде всего, Карельский перешеек, была уже

к 1939 г. превращена империалистами в готовый военный плацдарм для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград.

Поблизости от Ленинграда, на всем Карельском перешейке, Финляндия с помощью иностранных империалистов, на их средства соорудила многочисленные и мощные железобетонные и гранитноземляные укрепления с артиллерией и пулеметами, так называемую «линию Маннергейма» (по имени командующего финской армией генерала Маннергейма).

Империалисты Англии, Франции, США и некоторых других стран помогали финляндской буржуазии в ее войне против СССР всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом «добровольцев», своим золотом. Война с Финляндией была не просто столкновением с финскими войсками, а столкновением с соединенными силами империалистов ряда стран. Красная Армия сокрушила «линию Маннергейма» и разгромила финскую армию, которая потеряла убитыми и ранеными более половины своего состава. 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был заключен мирный договор. Договором установлена новая государственная граница между СССР и Финляндией. В состав территории СССР включены весь Карельский перешеек с городом Выборгом и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с городом Куолаярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего. Финляндия согласилась сдать в аренду Советскому Союзу на 30 лет полуостров Ханко с прилегающими островами для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, причем, в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставлено право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил. Финляндия обязалась, как это было предусмотрено мирным договором 1920 г., не содержать в водах своего побережья Северного Ледовитого океана военных и прочих вооруженных судов, кроме мелких единиц, также не содержать подводных лодок и вооруженных воздушных судов, не устраивать на этом побережье военных портов, баз для военного флота. СССР получил право транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно, как и право транзита товаров между СССР и Швецией. В результате победы Красной Армии ликвидирован очаг антисоветской войны, надежно укреплена безопасность северо-западных границ Советского Союза и прежде всего величайшего в мире рабочего центра – Ленинграда.

Учебник «История КПСС» 1985 г.

Не столь популярный, как «Краткий курс ВКП(б)», но тоже известный многим поколениям советских студентов учебник писал:

«Первое время после начала Второй мировой войны авторы мюнхенского сговора в Англии и Франции, а также в США надеялись повернуть фронт войны против СССР. Французские и английские войска на Западном фронте *почти бездействовали*. (выделено мною – А.Ж.) В то же время Англия и Франция стремились вовлечь в войну против СССР пограничные с ним государства». (Очень мягко сказано в «Истории КПСС» – почти бездействовали, если говорить по-русски, без обиняков, – «сиднем сидели», чего-то ждали, активничая в сфере дипломатической натаски. Но кого готовили и натаскивали фашистских псов – ясно без комментариев).

Некоторого временного успеха империалисты смогли добиться в Финляндии. Им удалось в конце 1939 года спровоцировать финских реакционеров на войну против СССР. Англия и Франция активно помогали поставками оружия и готовились послать в помощь войска. Скрытую помощь финской реакции оказывал и германский фашизм.

Но Советский Союз дал крепкий отпор финскому агрессору. Поражение финских войск сорвало планы англо-французских империалистов. В марте 1940 года война между Финляндией и СССР закончилась подписанием в Москве мирного договора.

История коммунистической партии Советского союза. М., ИПЛ, 1985. Изд. седьмое, дополненное. С. 432-433

Школьный учебник XXI века – 2004 г.

Война с Финляндией (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.)

Финляндия по пакту с Германией считалась сферой советских интересов. Сталин решил форсировать события... Советско-финская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда. Попытки мирными средствами отодвинуть границу на 150 км Финляндия отклонила. Ее руководство надеялось, что безопасность страны обеспечивается линией Маннергейма, глубина которой достигала 90 км.

Министр иностранных дел Финляндии решительно заявил: «Мы ни на какие уступки Советскому Союзу не пойдём и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция».

В октябре 1939 г. переговоры о границе прекращены, в ноябре СССР разорвал договор о ненападении с Финляндией от 1932 г. и начал военные действия. В декабре Лига Наций в ответ на жалобу Финляндии объявила СССР агрессором и исключила его из своего состава. США наложили запрет на торговлю некоторыми товарами с СССР.

Англия и Франция поставили Финляндии около 300 самолетов, 400 орудий, объявили набор добровольцев в 150-тысячный корпус для участия в войне. 19 декабря высший военный совет союзников принял

решение о нападении на СССР. К середине января 1940 г. разработан подробный план войны Англии и Франции против Советского Союза. Он предусматривал не только военные действия в Финляндии, но и непосредственное вторжение на Кавказ, бомбардировки нефтяных промыслов Баку, привлечение к войне Югославии, Румынии, Греции и Турции — всего до 100 дивизий.

Страшная опасность угрожала СССР (подумайте, почему): наша страна была на грани войны с западными державами на стороне... фашистской Германии.

Красная Армия, обескровленная репрессиями, оказалась не подготовленной к боевым действиям в зимних условиях. Огромные массы войск пытались в лоб взять неприступные укрепления и несли жестокие потери от небольшой финской армии. К 1 января 1940 г. Линия Маннергейма не была прорвана.

Советское командование развернуло еще две армии и готовилось к решительному штурму. Наша авиация бомбила мирные города.

На территории СССР уже было создано правительство будущей «Демократической Финляндии». О чем говорят эти факты?

Приходилось спешить — приближалась весна, карельские леса могли сделаться непроходимыми. Англия и Франция, завершив подготовку к вторжению, заявили, что пошлют войска после обращения Финляндии за помощью. 4 марта 1940 г. по льду залива комдив М. П. Кирпонос провел своих солдат в тыл Выборгского укрепленного района, и 7-я армия завязала бои за Выборг. Дорога в Финляндию казалась свободной. Но открывалась и дорога к большой войне с западными державами. Сталин к этому не был готов. Красная Армия понесла огромные потери: почти 260 тыс. убитых, раненых, обмороженных, пленных.

12 марта был подписан мирный договор с Финляндией. Она обязалась не участвовать во враждебных СССР коалициях. Граница отодвигалась на 150 км от Ленинграда. Отодвинулась она и от Мурманска. Часть островов в Финском заливе, часть полуострова Рыбачий и некоторые другие территории перешли к Советскому Союзу. Секретный протокол действовал. Англия и Франция перенесли начало нападения на СССР на лето 1940 г. Их планы нарушил Гитлер.

Долуцкий И.И. Отечественная история XX век.

Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений.

М. Мнемозина. 2001. С.341-342

Конец цитаты из учебника И. Долуцкого остался «за Гитлером». В начале XXI века в Европе выросло /вырастили/ племя поклонников Адольфа Г. Из недобитых... Сегодня трудно понять – может быть все это родом из того самого «нелепого» Версальского договора 1918 г.

Комментировать материал учебников и пособий разных лет и разных даже веков о советско-финляндской войне смысла нет. Основной повод войны – безопасность второго по масштабам и значению в жизни страны города Ленинграда – очевиден. Великая Отечественная война лишь подтвердила всю необходимость действий конца 1939 года. Вопрос лишь в том, были ли какие-то иные возможности для решения проблемы жизнебезопасности Ленинграда. Здесь можно долго рассуждать о прошлом...

См. Приложение №1 (стр.195)

Журнал «Юность» – 1989 г.

Следует процитировать мнение о советско-финской войне из популярного отечественного издания второй половины XX века журнала «Юность» (отметим, что журнал издавался, т.е. проплачивался, говоря сегодняшним языком полудикого капиталистического рынка, издательством ЦК КПСС «Правда». Это ответ к расхожему в недавнем прошлом вопросу – «где деньги партии?» В 413-м выпуске журнала «Юность» (октябрь, 1989 г. С.50) в очерке о социологии культа личности «Идол» (автор Игорь Агильдеев) читателям объясняют «мифы» советского периода:

«Еще один миф — «мы самые миролюбивые». Эта иллюзия внедрялась разными методами — от прямого обмана до эстрадных песен, от кинофильмов до выступлений с высоких трибун. А теперь посмотрим, как началась советско-финская война.

Официальный миф, изложенный в справке «Фальсификаты истории»: Финляндия развязала войну с Советским Союзом.

Возьмем в руки двухтомник «Бои в Финляндии», изданный в 1941 году. Здесь собраны воспоминания участников войны, которые «отредактированы» под официальный миф:

– И вдруг оттуда, с угрюмой финской стороны, резко гукнула пушка. Еще и еще. По воздуху с нарастающим воем пронеслись снаряды.

После чего, как утверждают авторы и редакторы двухтомника, началась война.

Прошли годы, и вот воспоминания одного из участников совещания у Сталина в 1939 году, приведенные К. Симоновым: «Как началась финская война? Ленинградский фронт начал войну, не подготовившись к ней...» Такова реальность. До сих пор, правда, неизвестно, кто организовал провокацию, выстрелив из пушек.

Что бы мы сегодня сказали о политическом деятеле, вздумавшем решать территориальные проблемы таким образом?»

Публицист упрощает ситуацию до геополитического эскиза, и к при-

меру, что мы можем сказать о демократах и республиканцах из президентуры США XX-XXI века, у которых за плечами только после Второй мировой войны: Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Панама, Куба, Гренада, Ирак, Кувейт, Югославия, Ливия, Украина, Сирия ... – где остановка? При любом упрощении возможный ответ публицисту становится доступнее и проще.

История тех событий не всегда мифична, как взгляд Агильдеева – вначале были просьбы, предложения, переговоры, требования... Разве не так? А мифы? Нет истории без мифов.

Писали ли о финской войне в СССР?

Первое впечатление, что о финской войне мало писали, но твердили об этом (о том, что мало писали) много, а в последние годы (конец XX века), когда объявились «тьмы» историков, не только много, но и часто. Были ли историки на фронте в те 105 дней войны – вопрос для самих историков. Вот людей, кто мог написать о днях незначительной войны (да и написал об этом), исключая даже политиков, военных и профессиональных историков, было много. Во-первых, в действующей армии оказался целый полк писателей и журналистов. Ленинград, вторая столица СССР был рядом. Вторая причина (вроде бы неожиданная да и нелепая, на первый взгляд) это ярко выраженный трудоволизм руководителя ПУР РККА Льва Мехлиса. Имя затасканное, даже затисканное до личной неприязни, но одного отнять у Льва Захаровича нельзя, он не только бдиль, но и «пахал» на своей «армейской ниве» неустанно: он и на Халхин-Голе, он и под Белостоком, он и в 9-й армии, в финских скалах и снегах (кстати, рядом с героем Сталинграда В.И. Чуйковым).

Сколько славных имен из пишущих (писавших да и написавших) на финской – Николай Тихонов, Александр Твардовский, Всеволод Вишневский, Виссарион Саянов, Петр Павленко, Сергей Михалков, Михаил Дудин, Сергей Наровчатов, Николай Рыленков, Алексей Сурков... Не все они проходили по ведомству Л.З. – но ведь и были, и участвовали, и написали. «Да кто же их читал?» – спросит мой современник. Вариантов ответов – и с вопросами на вопрос, и с утверждениями – не перечить. Отчего же верные поклонники «Нового мира» и прочих толстых литмиров СССР – «Звезды», «Невы», «Ленинграда», «Октября» – не читали постоянных авторов этих и других изданий? В почти миллионных тиражах толстых журналов и многотысячных томах собраний сочинений? Какой-то мифической трусостью русских (по-бердяевски) здесь объяснения не ограничишь – лень, не любопытно, без клюквы, да не из-за «железной занавески» – в этом наборе версий ответа – просвета нет.

Вот строчки Николая Тихонова:

*Не луна Оссиана смотрела на них,
И шюцкора значок на мундире
Говорил, что стоим мы у сосен живых
В мертвом финском полуночном мире.*

Написано поэтом в 1940 году, напечатано в сборниках 1943 и 1945 гг., в известном цикле «Палатка под Выборгом». В собрании сочинений 1985г. есть комментарий (Н. Гринберг, М. Земская): «Поэт показал, как отразился в сознании и чувствах его лирического героя переход от мирной жизни к войне, – остроту этой произошедшей перемены, нравственную силу и стойкость защитника социалистической родины, который и в огне боев остается верен высоким, благородным побуждениям».

*Пересчитай людей моей земли -
И сколько мертвых встанет в перекличке.*

Николай Тихонов вспоминал: «Не прошло и месяца после вторжения фашистов в Польшу, как отчетливо выяснилось, что белофинское правительство идет на все провокации, чтобы создать угрозу Ленинграду. 30 ноября 1939 года, чтобы пресечь провокации финских реакционеров, войска Советской армии вынуждены были перейти финскую границу. Я прошел с армией от местечка Липпола до Выборга и стал участником тяжелых боев на так называемой линии Маннергейма, соорудившейся свыше пятнадцати лет.

Суровая зима с небывалыми морозами, штурм мощных укреплений даров-миллионеров, штурм Выборга, смерть друзей в упорных боях – все это нашло отражение в цикле стихов, как воспоминание тех жестоких дней. Я назвал его «Палатка под Выборгом» и посвятил своему сердечному другу, поэту-фронтовику Виссариону Саянову.

После этого прошел год с небольшим, я вернулся из армии, написал книгу рассказов о войне с белофиннами. В этой книге я не допускал никакой патоки о легком геройстве, я рассказал правдиво и доступно школьнику о людях на войне, о смешном и страшном, о роли техники, о бойцах Красной Армии, о том, за что они воевали.

Но не успела эта книга лечь на книжные прилавки, как события начали приближаться к новому огненному рубежу».

Н. Тихонов. Собрание сочинений Т. 1, 1985 г.

Вечерняя Москва – 1941 г.

Автор знаменитой фронтовой песни «Землянка» Алексей Сурков также был в ведомстве Льва Мехлиса, работал корреспондентом армейской газеты «Героический поход». В «Вечерней Москве» 5 мая 1941 года

в День большевистской печати он вспоминал, как газета застучала финских «дятлов»: «Декабрь 1939 года застал нас, группу советских писателей, в редакции фронтовой армейской газеты «Героический поход». Вспыхнувшая война с белофиннами подсказала нам, что должен делать советский литератор. Три с половиной месяца прошли в горячей журналистской работе. Сразу же по приезде на фронт мы рассыпались по широкому простору северо-финской тайги, отмеривая вместе со своими читателями бесчисленные километры пути по беспокойным лесным дорогам. Сама жизнь страховала ее от шелухи трескучего суесловия. Если передовая — так телеграфно-краткая. Если заметка — так осколок живой жизни. Если очерк о герое — так правдивый.

Работа коллектива журналистов кончалась в 10 утра, когда самолеты авиапочты принимали на борт пахнущие свежей краской пачки газет, а начиналась еще до окончания верстки предыдущего номера. Газетчик должен был уметь делать все, что требуют обстоятельства: перевязать раненого, провести политинформацию, и, если так сложатся обстоятельства, заменить в бою командира.

Редко кому из поэтов доведется достигнуть такой любви и популярности, какой окружена была фамилия фельетониста «Васи Гранаткина» (коллективный псевдоним поэтов Безыменского, Прокофьева, Суркова). Строчки Васиных фельетонов расходились на цитаты, в бытовую речь. Вася назвал финских снайперов, стреляющих с деревьев, «дятлами», и понятие «дятел» вошло в армейский обиход.

P.S. «Дятлов» А. Суркова «перебили» кукушки. О них разговор особый.

Финляндская Демократическая республика 1939–1940 гг.

Еще немного политической истории.

В учебнике «Отечественная история. XX век» для 10-11 классов общеобразовательных учреждений, рекомендованного Министерством Российской Федерации, школьникам сообщают и возражают одновременно: «На территории СССР уже было создано правительство будущей демократической Финляндии. О чем говорят эти факты?»

Дело давнее, раньше, да и теперь, чаще всего об этом вспоминают лишь историки. 2 декабря 1939 года газета «Правда» № 333 (8018) опубликовала сообщение о создании в небольшом курортном городке Терийоки (Териоки, Зеленогорск, известном еще со времен Российской империи. Вспомним хотя бы о веселых сатирических стихах Саши Черного о Петре Петровиче:

Жил на свете анархист
Красил бороду и щеки,

Ездил к немке в Териоки

И при этом был садист.)

народного правительства Финляндской Демократической республики, сформированного по соглашению ряда левых партий». В состав правительства вошли видный деятель Коминтерна и ВКП(б) Отто Куусинен (председатель правительства и министр иностранных дел), Маури Роденберг (министр финансов), Туре Лехен (министр внутренних дел), Адмас Эйкия (министр земледелия), Инкори Лехтинен (министр просвещения), Пааво Прокконен (министр по делам Карелии).

2 декабря в Москве прошли переговоры В.М. Молотова и О.В. Куусинена о заключении договора о взаимопомощи и дружбе. СССР признал ФДР и установил дипломатические отношения сразу, без раскочки с 01.12.1939 г.

Текст договора «Правда» опубликовала 3 декабря 1939 г. На следующий день практически все советские газеты его перепечатали и карту территориальных изменений на границе СССР – Финляндия. Менделеевцы могли прочитать эти документы в институтской газете «Московский технолог» от декабря 1939 года.

В статье № 1 договора Советский Союз выражал «согласие передать Финляндской Демократической республике районы советской Карелии с преобладающим карельским населением – всего в размере 70 000 квадратных километров, с включением этой территории в состав государственной территории Финляндской Демократической республики и установлением границы между СССР и Финляндской Демократической республикой согласно карте. Идя навстречу пожеланиям Советского Союза об укреплении безопасности СССР, и особенно города Ленинграда, Финляндская Демократическая республика выражает согласие на некоторую передвижку границы на Карельском перешейке в северном направлении от Ленинграда, с передачей Советскому Союзу территории в размере 3970 квадратных километров, причем СССР считает себя обязанным возместить Финляндии стоимость железнодорожных участков на территории Карельского перешейка, переходящей к СССР, в размере 120 миллионов финских марок».

Ключевая проблема разногласий и длительных советско-финляндских переговоров в 1939 году решалась статьей №1 этого договора, а еще была и статья №2 об аренде полуострова Ханко и продаже Советскому Союзу нескольких островов в Финском заливе и части полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Северного Ледовитого океана за условленную сумму в 300 миллионов финских марок.

И что бы произошло, если бы было выполнено положение Статьи VIII договора между СССР и ФДР – «настоящий договор вступает в силу со дня его подписания и подлежит последующей ратификации. Обмен ра-

тификационных актов будет произведен в возможно короткий срок в столице Финляндии Хельсинки».

Думаю, толкователей текстов в статье №8 смутит строка «Столица Финляндии» – договор же заключили СССР и ДФР. Историк Александр Широкопад тоже комментирует текст договора от 02.12.1939 г. (комментирует смысл, а не буквы): «Как видим, это примерно то, что требовало правительство СССР от Финляндии до войны и получило в 1940 г. Ряд русофобствующих авторов как за рубежом, так и у нас утверждают, что Сталин в 1939 г. хотел присоединить Финляндию к СССР. Но как согласовать между собой такие планы и договор от 2 декабря 1939 г.?»

Тезис ответа самого А. Широкопада неожиданен и даже парадоксален, но строго логичен: «В этом случае, чтобы укрепить позиции Куусинена, Сталин мог ничего не брать, а только дарить, как тот же Александр подарил Великому княжеству Финляндскому русскую Выборгскую губернию, а Н.С. Хрущев подарил Крым Украине».

Вот комментарий на организацию ДФР с финской (точнее, в рамках модной, чаще односторонней, толерантности начала XXI века, с финно-американской стороны, перевод с английского, имя переводчика неизвестно). «Тем временем «где-то в Финляндии» неизвестная радиостанция сообщила, что Коммунистическая партия Финляндии сформировала «Демократическое правительство Финляндии» во главе с товарищем Отто Куусиненом. Штаб-квартира для этого марионеточного правительства находилась в Териоки, первом городе, «освобожденном» Красной Армией. На самом деле Териоки – курортный город на берегу Финского залива в нескольких милях от советско-финской границы – был оставлен пограничниками без боя. Советское правительство сразу же установило дипломатические отношения с правительством Куусинена. Молотов, (к Молотову даже у финно-американок благоговейное отношение: «яйцеголовый Молотов в своих очках» – яйцеголовые – давний высший эпитет американских СМИ в отношении непостижимых уму янки-обывателя – интеллектуалов. Яйцеголовые – Эйнштейн, Оппенгеймер, Ферми, да и Ферма тоже, и т.д. Здесь «яйцеголовый Молотов» даже «в своих очках», (! –А.Ж.) по-видимому, был очень доволен своими переговорами с финским марксистом Куусиненом, ибо в один из дней ему удалось (неужели в библиотеке конгресса США, внучка «жандарма из Москвы» не могла отыскать для авторов текст договора от 02.12.1939 г. На библиотеку конгресса и внучку российского жандарма ссылаются авторы, как на источник информации – А.Ж.) убедить главу нового «народного правительства» отдать в аренду полуостров Ханко, уступить часть территории на Карельском перешейке и продать один из островов в Финском заливе и финскую часть полуострова Рыбачий за 300 миллионов финских марок. Куусинен, возглавлявший красный мятеж во время Гражданской войны, после победы белофиннов

бежал в Россию, и есть предположение, что он вообще не покидал Россию, пока Кремль не поручил ему «дело» в Териоки». (Обратите внимание – и американские авторы используют термин «белофинны». Толерантно...)

Много чернил и типографской краски израсходовали на пропаганду своих воззрений на ситуацию вокруг организации Демократической Финляндской республики и белые, и «нейтралы», и финны. Вмешалась даже Лига Наций, когда в ответ на предложение Лиги заключить перемирие на советско-финском фронте Москва заявила, что правительство «буржуазной Финляндии» Советский Союз не признает, и оно бежало в неизвестном направлении! А СССР предлагает все возможные для развития добрососедских отношений с Демократической Финляндской республикой. Собственно об этом писала «Правда» (№ 336) 5 декабря 1939 года в сообщении о приеме В.М. Молотовым шведского посланника г. Винтера: «Советское правительство не признает так называемого «финляндского правительства», уже покинувшего г. Хельсинки, и потому о переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос».

Возвращаясь к Лиге Наций 1939 г., в политтерминологии тех лет Лигу следует, чего и скрывать, назвать марионеткой Англии и Франции, ибо лишь под ритмы интересов этих стран дергалось «демократическое большинство» организации. Какова роль Лиги Наций в решении советско-финских пограничных проблем (то, что проблемы были, сегодня видят и согласны все стороны). Есть информация, что советские претензии признавал и генерал Маннергейм. Но Лига была в шорах, санитарные и не только, кордоны вокруг красных (по сути дела, вокруг наших сограждан) были ей по нраву. В итоге 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций, это дата физической смерти организации, в коме с «фигой» Лига формально числилась в живых до 1946 г.

Разные точки зрения на ДФР высказаны определенно, разногласия во взглядах время не замажет и не отлакирует. И доказывать свое кому-то нужно ли? Ныне никому ничего не докажешь. Каждый (повторюсь, белый, красный или бесцветный) есть, какой он есть. Как бы он ни хитрил при этом!

На глаза попала книжечка с текстом пьесы Константина Тренева «Любовь Яровая» (издана в 1973 г., в Петрозаводске издательством «Карелия»). Вот такой диалог о правде истории между «яйцеголовым» профессором Горностаевым и человеком из народа – «мобилизованным» солдатом Пикаловым. Профессор идет под конвоем мобилизованного Пикалова:

Горностаев: Дорогой друг! Сколько люди придумали правд?

Пикалов: Не слышал.

Горностаев: (останавливаясь и трясая Пикалова за полы). Тысячи... И когда из тысячи маленьких правд хотят сложить одну большую, это все равно что ... из тысяч крыс сложить одного слона.

Жарким летом 2010 г. московские телеканалы отвлекали изнывающих от жары москвичей всякой всячиной (pele-mele): а вот у них, мол... Вот ушла в отпуск канцлер ФРГ А. Меркель и с собой прихватила почитать на досуге биографию И. Сталина объемом 900 страниц. Из любопытства взглянул, что там в современной биографии И.В. Сталина (ЖЗЛ, выпуск 1419 (1219) на русском о «незнаменитой» «зимней» войне СССР с Финляндией, ситуация с организацией ДФР – всего один спокойный (да и язык книги предельно хладнокровный) абзац: «Сталин в процессе подготовки войны принял предложение Коминтерна и санкционировал создание правительства Финляндской Демократической республики во главе с секретарем исполкома Коминтерна О.В. Куусиненом. На занятой финской территории учреждались комитеты Народного фронта. Однако особого результата это не дало. На сплочение финнов поспособствовали и бомбардировки Хельсинки, за которые СССР был исключен из Лиги Наций». (С. 551)

Более резко оценивает ситуацию с ДФР и отвечает на (порой не исторические) спекуляции авторов заметок о событиях тех лет историк Александр Широкоград: «Сейчас создание правительства и армии Финляндской Демократической республики стало предметом ерничанья всевозможных «аптекарей». В связи с этим возникает естественный вопрос: почему Отто Куусинен не мог стать во главе финского правительства в Хельсинки с помощью Красной Армии, точно так же, как Маннергейм пришел к власти с помощью немецких и шведских штыков? Только в отличие от Маннергейма для Куусинена финский язык был родным. Что касается «буржуазного финского правительства», то оно действительно бежало из Хельсинки, и теперь уже известно куда – в глухую деревушку Миккели. Там Маннергейм разместился в здании сельской школы, а затем недалеко был построен специальный бункер». Чем занималась разведка советского НКВД и РУКА в Финляндии не ясно – пропало из столицы страны пребывания (агентуры) правительство, а информации нет.

P.S. В солидном 12-томном академическом издании «История СССР» (М. «Наука», 1971. Т.10. С. 493-495) описанию советско-финляндской войны отведено чуть меньше трех страниц. Это из 6000 страниц об истории нашей страны (СССР!) – всего три страницы, т.е. не больше 7500 печатных знаков, включая точки, тире, запятые и даже пробелы. Ответа для школьника в этой «Истории» нет.

P.P.S. В учебном пособии «Отечественная история», подготовленном в РХТУ им. Д.И. Менделеева (2007 г.), о ДФР ни слова, да и о войне наши коллеги дают всего три строчки: «Часть территории Финляндии, в том числе и Карельский перешеек до Выборга, отошла к Советскому Союзу после тяжелой советско-финской войны (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.)».

Глава третья

ОЛБ

Требуются подразделения лыжников

К началу военного конфликта между СССР и Финляндией северозападную границу СССР от Баренцева моря до Финского залива прикрывали четыре армии, входившие в состав Ленинградского военного округа. В Заполярье – 14-я армия. Зимы в Финляндии, да и в Карелии, и уж тем более в Лапландии, всегда снежные, об этом известно всякому школьнику. Зимний транспорт гужевой – олени упряжки, крестьянские сани, лыжи, санки, волокуши. До сих пор создается впечатление, что наши генштабисты, занимавшиеся планированием операции в Финляндии, узнали об этом только в ноябре 1939 года, когда боевые действия уже начались. О логистике в академии Генштаба будто бы и не слышали. Вот взгляд на наши атакующие порядки в снегах Финляндии комбрига Н.Д. Яковлева (Заметим, что дело происходит уже на Северо-Восточном фронте): «Батов подвел меня к амбразуре НП (он у него находился на скате высоты, обращенном к противнику, едва ли не сразу за боевыми порядками батальонов), показал вперед:

- Видите?

- А чего видеть? – Сразу же от высоты начиналось ровное поле, упирравшееся дальним своим концом в густой лес. И ничего больше...

- Да вы не туда смотрите. Вот сюда, ближе, приглядитесь.

Теперь я увидел. На снегу почти ровной цепочкой лежали наши бойцы. И постреливали в сторону леса. Им оттуда же отвечали довольно плотным огнем.

- В том лесу финны, – начал пояснять П.И. Батов. – Засели в нем крепко. Каждый участок предлесного поля ими пристрелян. Да так, что подчас и головы не поднимаешь. Наши роты продвигаются к нему в основном по-пластунски, используя темное время суток. Много ли так

навоюешь?.. И еще, – после короткой паузы продолжил Батов. – Артиллерия корпуса, не имея точных разведданных, совершает, как правило, огневые налеты по площадям. Но что это дает в густом лесу? Одна лишь трата снарядов.

Да, комкор был прав. В лоб здесь не возьмешь, надо искать обходные пути, действовать, например, через озерные дефиле, находившиеся на флангах. *Требовались и подразделения лыжников (выделено мною – А.Ж.):* пешим бойцам по такому глубокому снегу продвигаться очень трудно.

Поделившись своими выводами с П.И. Батовым и поговорив с начальником артиллерии корпуса, я вернулся в Ленинград, где и доложил обо всем увиденном С.К. Тимошенко. Заодно напомнил ему и о сроке моего пребывания на фронте, данном мне наркомом».

Немного странно, что после первых недель войны особенно важно было наличие маневренных отрядов лыжников. Здесь вопросы и еще раз вопросы. В итоге в боевых действиях на стороне РККА приняли участие различные подразделения, сформированные из лыжников – отдельные лыжные батальоны (ОЛБ), отдельные лыжные эскадроны (ОЛЭ), в 9-й армии пытались сформировать лыжную бригаду.

Исследователи истории финской войны отмечают трудности поиска документов и материалов о боевых действиях советских подразделений тех лет. Ларчик открывается очень просто: дело в особенностях, точнее в различии масштабов, бюрократического документооборота в финской армии и РККА. В финской армии журналы боевых действий вели командиры рот, полков, а в Красной Армии документооборот начинался только с уровня штаба полка.

Баир Иринчеев, на книгу которого идет ссылка, заметил: «Необходимо также помнить, что в боевых условиях невозможно было вести документооборот с той же строгостью и регулярностью, что и в мирное время. Потеря командирского состава, интенсивность и мобильный характер боевых действий, стрессы, хаос, захват или уничтожение документов противником – все это привело к тому, что зачастую документы просто отсутствуют в наших архивах».

Другая сторона дела в рядах РККА – ни офицерский, ни красноармейский контингент не вели личных дневников, солдатских книжек. Домашние архивы, где можно было обнаружить письма с фронта, не пережили, в большинстве случаев, большой войны...

Для нас интересна судьба отдельных лыжных батальонов, да и эскадронов, их короткие, часто трагические мгновения «жизни» в дни Финской войны. На их базе мы могли бы смоделировать дофронтную, да и абрисами возможную боевую деятельность 10-го ОЛБ, того самого батальона, где воевали наши менделеевские добровольцы, что и служит целью нашего поиска.

Формирование отдельных лыжных батальонов

24 декабря 1939 г. в Красной Армии было начато формирование 40 отдельных батальонов и 200 отдельных лыжных эскадронов. Основная их часть была использована только в феврале – марте 1940 г. Однако из-за плохой лыжной подготовки наши лыжники действовали неэффективно и несли большие потери – такова оценка Бориса Соколова.

8 февраля 1940 г. заместитель начальника управления устройства и службы войск докладывает начальнику Генштаба РККА о сформированных в военных округах, в том числе и отправленных в действующую армию, лыжных батальонах и лыжных эскадронах.

В действующей армии (нельзя сказать точно, что на передовой) на 8 февраля 1940 г. находились 24 лыжных батальона (среди них и наш, тот в котором служили и воевали менделеевцы-добровольцы – 10-й Отдельный лыжный батальон) и 28 лыжных эскадронов. Все они были распределены в пяти армиях 7, 13, 8, 9 и 14-й.

Уральский военный округ сформировал и отправил на фронт 5 лыжных батальонов (1, 2, 3, 4 и 5-й по генштабовской нумерации). Калининский военный округ сформировал один – 6-й ОЛБ. Ленинградский военный округ направил к местам боев с финнами 7 батальонов – 9, 65, 67, 97, 98, 99 и 100-й. Московский военный округ сформировал и направил в снега Карелии и Финляндии 11 батальонов – 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 22, 23, 34 и 37-й. Еще раз подчеркнем, что добровольцы из Менделеевского института были зачислены в 10-й ОЛБ (место формирования г. Подольск).

Особые военные округа – Белорусский (БОВО) и Киевский (КОВО) – сформировали и направили на фронт по 14 лыжных эскадронов каждый. КОВО – 5, 6, 7, 8, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 35, 36, 37 и 38-й лыжные эскадроны. БОВО – 1, 2, 3, 4, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19-й лыжные эскадроны.

В пунктах сосредоточения (по пути на фронт, выражаясь гражданским языком) на начало февраля находилось еще 26 лыжных батальонов:

В Вологде – 114, 116, 115, 118, 119, 120 и 121 батальоны из Сибирского военного округа.

В Калининне готовились к боям 38, 39, 46, 109, 110, 111, 112 и 113-й батальоны из Приволжского округа; 60, 61, 62, 63, 64-й батальоны из Забайкальского военного округа; 44, 45-й батальоны из Сибирского военного округа.

В Череповце были сосредоточены 105, 106, 107 и 108-й батальоны из Уральского военного округа.

В пути следования (на 08.02.1940 г.) на станции Кишертъ (18.00) находился 117-й батальон из СибВО.

В этот день в феврале 1940 года в пунктах формирования по округам находились:

МВО

- 35-й батальон (г. Кострома)
- 36-й батальон (г. Арзамас)
- 70, 126 и 127-й батальоны (г. Подольск)
- 71-й батальон (пос. Дубровицы под Подольском)
- 72-й батальон (г. Серпухов)
- 124-й батальон (г. Горький)
- 125-й батальон (г. Кострома)
- 126-й батальон (г. Белев)

ЛВО - 7, 8 и 40-й батальоны (г. Вологда)
- 41 и 43-й батальоны (г. Архангельск)

БОВО - 102 и 103-й батальоны (г. Орша)

КОВО - 73 и 74-й батальоны (г. Киев)

ХВО - 130 и 131-й батальоны (г. Харьков)

КалВО - 122-й батальон (г. Калинин)

СибВО - 27-й и 75-й батальоны (г. Новосибирск)

К третьему месяцу боев с Финляндией было сформировано 77 лыжных батальонов и 28 лыжных эскадронов (ОЛЭ). Можно сказать, что ориентировочная численность лыжных подразделений, учитывая, что в ОЛБ (например, в 12-м ОЛБ – С. Наровчатов вспоминал «нас было 970 человек») до 1000 человек, а в ОЛЭ около 100-150 человек, превышала 75000 бойцов и командиров.

Постановлением военного совета Северо-Западного фронта о боевой подготовке запасных частей (№ 08 от 14 января 1940 г.), подписанного Тимошенко (командующий), Ждановым, Смородиновым, Птухиным, Мельниковым (члены Военного совета), установлен срок обучения лыжных батальонов из добровольцев – 15 дней. Две недели на все про все – на лыжах бегать не научишь, но увидеть, кто есть кто на лыжне, можно.

«Самой большой слабостью русских войск, – отмечал в своих мемуарах Карл Густав Маннергейм, – было неумение ходить на лыжах. Хотя этому обучать стали уже с начала войны, помогло это не очень, ибо технике хождения на лыжах, особенно военной, не научишь за несколько недель. Кроме того, отсутствовало по большей части необходимое зимнее снаряжение, но в этом отношении мы находились в таком же положении».

Б. Соколов – один из специалистов по «тайнам» советско-финской войны, отмечает (без указания источника информации), что было создано 40 отдельных батальонов и 200 эскадронов лыжников, насчитывающих более 45000 человек. Однако многие бойцы этих подразделений

впервые встали на лыжи и никак не могли вести борьбу на равных с опытным противником. Далее специалист подытоживает – «лыжные батальоны и эскадроны несли обыкновенно наибольшие потери, поскольку финские лыжники особенно превосходили противника в лыжной, огневой и тактической подготовке».

«Наибольшие потери» – оценка эмоциональная, увы, данных о потерях в ОЛБ в литературе найти пока не удалось; откуда такой вывод, не ясно. Превосходство финнов в опыте «лыжной, огневой, тактической подготовки» по состоянию дел на декабрь 1939 года отрицать не приходится. На это указывает многое – от устных рассказов красноармейцев, вернувшихся домой, до официального доклада по итогам войны Маршала Советского Союза, наркома обороны К.Е. Ворошилова:

«Финская армия, неплохо организованная, вооруженная и обученная применительно к местным условиям и задачам, оказалась весьма маневренной, устойчивой в обороне и хорошо дисциплинированной. Тактическая подготовка финских войск в целом хорошая. Тактика мелких подразделений отработана со всей тщательностью, а отдельный боец обучен неплохо.

(Упоминание о таком тактическом варианте маневра или атаки в 1970-е годы автор слышал на занятиях по переподготовке офицеров запаса со ссылкой на условия борьбы вьетнамцев с армией США, как о новом в тактике ведения боя. Судя по опыту советско-финляндской войны, финны в тех условиях владели такими тактическими уловками еще в 1939 г. Вопрос – отчего не намотали на ус этот прием наши военные методисты, и не отсюда ли пришли наши страхи, да и страшные трагедии окруженных частей РККА в лето 1941 года?)

Финны широко пользовались лыжами и отлично ориентировались в лесах, что давало им известное преимущество».

О спортивном ориентировании на лыжах в СССР 1930-х годов говорить трудно, о соревнованиях по спортивному ориентированию тогда слухом не слыхали – ходили больше в противогазах по городу и не только в ильфо - петровском Черноморске, но и у нас в Менделеевском: от студенческого общежития на Соколе до Миус – прямиком по Ленинградскому шоссе, благо какая роскошная аллея была высажена посреди шоссе. Вот лыжи, слабая лыжная подготовка в армии, удивляют. Картину Исаака Бродского «Ворошилов на лыжной прогулке» в цветных иллюстрациях «Огонька» видели миллионы. Лыжные агитпробеги по стране, кто только не «ходил» на лыжах, даже жены комсостава РККА из района Читы дошли до столицы. ГТО довоенных городских лет – это же не показуха времен конца Брежнева и периода Ельцина – недаром в определенных анкетах добровольцев финской войны была графа – «Оборонный значок». Чаще всего в этой графе стояло четкое ГТО (возможные вари-

анты «Ворошиловский стрелок», член ОСОАВСАХИМа, значок противохимической обороны и т.д.)

Сведения о выполнении норм ГТО были обязательными для вузовских коллективов. Почему? Что это были за нормативы? Вот короткая справка о комплексе ГТО.

«Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (комплекс ГТО) был введен в стране в 1931 году. Каждый молодой человек имел возможность и должен был стремиться сдать испытания, которые подтверждали бы уровень его физического развития и подготовленности. Комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) вводился во всю сеть военного обучения комсомольцев и особенно допризывников. Испытания проводились районными советами физической культуры по заявкам (или спискам) кружков физкультуры. Лица, успешно прошедшие испытание, награждались значком ГТО разных степеней. Значок был красив, на груди молодого человека был похож на первый орден.

Программы и технические правила предусматривали 23 вида зачетных испытаний на результат, в том числе

- Бег на короткие и длинные дистанции
- Метание гранаты
- Плавание
- Упражнения на силовую выносливость
- Лыжные гонки
- Греблю на лодке
- Езду на велосипеде 10 км по шоссе и проселку
- Для мужчин был введен норматив – поднятие груза (мешка) весом 32 кг с земли на плечо.

Об этих двух пудах из реестра норматива ГТО вспомнили на Совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14-17 апреля 1940 г. в диалоге А.В. Хрулева (начальника управления снабжения РККА) со И.В. Сталиным:

Хрулев: Я хотел бы сказать несколько слов относительно нагрузки нашего бойца. Нагрузка безусловно велика. Солдат царской армии (правда, он не носил противогаза и стального шлема) он все же имел нагрузку в летние время примерно в 28 кг.

Сталин: Много.

Хрулев: Много, товарищ Сталин. Но наш боец, который был на финляндском фронте, носил на себе 33,5 кг.

Сталин: Безобразие.

Хрулев: Безобразие.

Голос: В зимнее время.

Сталин: Все равно.

Так что норматив ГТО – поднятие двухпудового мешка песка с земли

на плечо для красноармейца-стрелка – это лишь ягодки, его почти повседневная походная амуниция весила больше.

В нормативах ГТО также оценивались навыки, знания и умения:

- Пребывание в противогазе в течение 10 мин.
- Оказание первой помощи в объеме, предусмотренном в особом положении.
- Знакомство с основами советского физкультурного движения.
- Знание основ самоконтроля.
- Умение правильно выполнять комплекс упражнений без снарядов (зарядкового и гигиенического значения).

Таким образом, для добровольцев, которые отбирались в лыжные батальоны, обладание значком ГТО было очень важным свидетельством как умений и навыков ходьбы на лыжах, так и общей физической выносливости.

К сожалению надо заметить, что сдача норм ГТО в довоенном СССР – дело городское (заводское, фабричное, вузовское, полных средних школ и армейское, конечно же), крестьянская молодежь в колхозах мало занималась и физкультурой, и спортом. Из жизненного, бытового опыта моих предков, которые крестьянствовали под Киржачом (Покровский уезд Владимирской губернии, менее 100 верст от первопрестольной) знаю, что на лыжах (коротких, обитых мехом, без палок) ходили в лес на охоту. Беговых лыж даже подмосковная деревня не знала, так что красноармейцы из колхозников овладевали лыжами только в рядах РККА.

Инспектировавший организацию боевых действий на петрозаводском направлении 8-й армией (там, где были в составе 10-го ОЛБ наши менделеевцы) полковник Н.П. Раевский в докладной записке на имя наркома обороны особо отмечал проблемы с делами лыжными в нашей армии: «Удивительно мне слышать, что наши войска несут огромные потери и не имеют никакого успеха из-за того, что не умеют ходить на лыжах и не обучены лыжному делу.

Как же это случилось, почему же кто-то не выполнил Ваши неоднократные приказы о лыжной подготовке, и почему же в войсках не выполнили требования ПУ-36 (Полевой устав РККА 1936 года –А.Ж.) глава десятая? Ведь в этой главе десятки раз и без конца напоминает о применении лыж. И почему же войска северных округов не овладели лыжным делом, когда им на все 100 процентов положено было выполнять требования ПУ-36 и других Ваших приказов?»

Полковник В. Раевский поставил серьезный вопрос о деле подготовки к войне в условиях Севера... Экипировка, спецвыучка, преармейская спецподготовка – большая (будущая) война – «война моторов» – формула простая и доходчивая, но воюют люди и только они, их подготовка, решают исход боя.

Полковник Н. Раевский направил свою докладную записку наркому Ворошилову 31 декабря 1939 г. (В этот день наши менделеевские добровольцы следовали, по неуточненным данным, в эшелоне к неизвестному и неведомому в своих судьбах, на фронт.) Полковник Раевский предлагает: «Срочно из всех спортивных организаций мобилизовать всех мастеров лыжного спорта и лыжников-спортсменов, срочно направить их в действующую армию или создать из них специальные, самостоятельные подразделения, прикомандировать к ротам и взводам для обучения бойцов под руководством комначсостава».

Лыжные батальоны (эскадроны) к этому времени уже созданы, пытаются (в 9-й армии командарм В.И. Чуйков) создать даже лыжные бригады. Из проекта приказа № 027 от 3 февраля 1940 г. (был отменен) командующего 9-й армией (подписано Чуйковым и Мехлисом):

«Приказываю командиру лыжной бригады полковнику Долину к исходу 3.02.1940г. сосредоточиться южнее Лентира 5-10 км...»

Однако Ставка Главвоенсовета посчитала предложение о создании лыжных бригад ошибочным. Директивами Ставки Главного военного совета №01582 и 01583 определены задачи и вероятные пути использования лыжных батальонов.

Документы проливают свет на трудности использования лыжных батальонов на финском фронте, и мы приводим их содержание полностью, поскольку в этих директивах сделана первая попытка, всего лишь сиюминутная попытка, анализа действий отдельных лыжных батальонов. Обратите внимание, зная прочное буквоедство штабных бюрократов (в хорошем смысле) ни в заглавиях директив, ни в тексте нет термина – Отдельный лыжный батальон. Такой пробел говорит только о сиротской доле этих подразделений в той войне, и это просматривается.

Директива

*Ставки Главного Военного Совета
командующему 9-й армией о порядке использования
лыжных батальонов*

*Копии: командующим 8-й армией, Южной группой войск 8-й армии
№ 01582, 6 февраля 1940 г. 02 ч. 20 мин.*

Ваши жалобы на неподготовленность лыжных батальонов вскрывают неумение понять их роль и значение. Вы обычно бросаете лыжные батальоны в условиях действий в чужой стране при отсутствии знакомства с местностью и рассматриваете их как самостоятельную силу в отрыве от наших пехотных частей.

Ставка считает такое отношение к нашим лыжбатам неправильным. Финские лыжбаты можно пускать в ход в отрыве от пехотных частей, так

как они действуют в своей стране, где каждая тропинка известна им, а каждая избушка представляет для них укрытие и источник снабжения. Наши лыжбаты, действуя в чужой стране, лишены этих преимуществ.

Поэтому наши лыжбаты должны быть использованы не как самостоятельная сила, а как подсобная сила основных пехотных частей. Они могут и должны быть разведчиками наших пехотных частей, они должны охранять фланги этих частей, они должны заходить в тыл противнику, разрушать его тылы, но они должны быть тесно связаны с пехотными частями, как с их базой и источником их питания, и действовать совместно с этими частями, находясь в постоянной связи с ними. Без исполнения этих условий вы можете загубить даже лучшие лыжбаты. Лыжбаты пожалуй, чуточку слабее лыжэскадронов, так как последние взяты из кадровых частей, а лыжбаты набраны как добровольцы из бывших бойцов. Эту разницу также можно учитывать при использовании лыжбатов. Но если лыжбаты не сразу бросать на фронт, а дать им несколько дней, чтобы освоиться, осмотреться, ознакомиться с местностью, то они быстро превратятся в хорошие и крепкие части, не уступающие лыжэскадронам.

*Ставка Главного Военного Совета
(РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 182. 183.)*

На сегодня самое важное в этой директиве – это «подсобная сила основных пехотных частей». Для истории важна строка, что «лыжбаты набраны из добровольцев». Но как понять конец фразы – «из бывших бойцов»?

В директиве № 01582 интересны адресаты – командующие 9-й армией (В.И. Чуйков), 8-й армией (Г.М. Штерн), южной группой 8-й армии (М.П. Ковалев). Отдельные лыжные подразделения имелись и в других армиях РККА (7, 13, 14-й), но им почему-то не адресована эта директива.

На следующий день 14-я армия была включена в список очередной директивы об организации, задачах и применении лыжных подразделений. Что-то тревожило Ставку ГВС в делах ОЛБ, меньше, как видно из текста директивы, это касалось ОЛЭ.

Директива

*Ставки Главного Военного Совета
командующему 9-й армией
об организации, задачах и применении
лыжных подразделений*

*Копии: командующим 8-й армией, Южной группой войск 8-й армии
№ 01593, 7 февраля 1940 г. 00 ч. 40 мин.*

Ставка Главвоенсовета считает ваше предложение о создании лыжных бригад ошибочным. Ставка №01582 уже указывала, что наши лыжотряды в условиях войны в Финляндии нельзя рассматривать как самостоятельную боевую силу. Проводимая вами аналогия лыжотрядов с конницей несостоятельна, так как конница имеет дивизионную и всякую другую артиллерию, в силу чего конница может иметь самостоятельные боевые задачи, тогда как наши лыжотряды не в состоянии взять с собой полковую и даже мелкокалиберную артиллерию, не говоря уже о том, что у конницы есть свои самостоятельные органы снабжения, чего нет и не может быть у лыжотрядов.

Главной задачей лыжотрядов является разведка, обход противника с тыла, и разрушение его тылов всякими диверсионными способами, в том числе и подрывными действиями, и охрана флангов наших пехотных частей. Для выполнения этих функций Ставка считает наиболее целесообразной формой лыжотрядов – лыжный эскадрон 100-150 человек максимум. По вашему сообщению, лыжэскадроны действуют лучше лыжбатальонов. Вполне возможно, что это объясняется легкостью и большей поворотливостью лыжэскадронов.

Ставка считает, что за исключением хорошо организованных и крепко сколоченных лыжбатов, все остальные лыжбаты следовало бы разбить на лыжэскадроны. От этого дело только выиграло бы. В настоящее время лыжбаты, вступая на фронт и двигаясь вперед, обычно упираются в укрепленный пункт противника, где они терпят урон от противника, ввиду отсутствия в лыжбатах более сильных огневых средств. Это означает, что нельзя заставлять лыжбаты брать укрепленные пункты противника. Если ограничиться задачами разведки, диверсиями в тылу противника и охраной флангов наших частей, то лыжэскадроны являются наиболее подходящей формой лыжников. При этой системе остающиеся наиболее организованные лыжбаты и некоторая часть лыжэскадронов следовало бы передать штабам дивизий для использования, всю же остальную массу лыжэскадронов подчинить командам стр. полков.

Ставка требует от 9, 8 и 14-й армии срочное представление своего мнения по изложенному.

Ставка Главного Военного Совета
(РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 107. 108.)

Методом проб и ошибок стоимостью в тысячи человеческих жизней начала нащупываться канва оперативных действий ОЛБ (что там говорилось о них в Полевом уставе РККА 1936? Да ничего). Подчеркнем задачи ОЛБ в условиях боевых действий в Финляндии:

«Лыжбаты должны быть использованы не как самостоятельная сила, а как подсобная сила основных пехотных частей, они должны охранять

фланги этих частей, они должны заходить в тыл противнику, разрушать его тылы, но они должны быть тесно связаны с пехотными частями, как с их базой и источником их питания, и действовать связанно с этими частями, находясь в постоянной связи с ними. Без исполнения этих условий вы можете загубить даже лучшие лыжбаты. Лыжбаты, пожалуй чуточку слабее лыжных эскадронов, так как последние взяты из кадровых частей, а лыжбаты набраны как добровольцы из бывших бойцов. (Последнее не очень ясно, какие это добровольцы из бывших бойцов. А как быть с добровольцами из студентов. Создается впечатление, что многие лыжбаты набраны из студентов добровольцев. Может быть это лишь впечатление – А.Ж.) Эту разницу таки нужно учитывать при использовании лыжбатов. Но если лыжбаты не сразу бросать на фронт, а дать им несколько дней, чтобы освоиться, осмотреться, ознакомиться с местностью, то они быстро превратятся в хорошие и крепкие части, не уступающие лыжным эскадронам».

Пожалуй, вот в таком, мягко сказать «нерациональном» использовании отдельных лыжных батальонов как пехотных подразделений и выводится причина «наибольших» потерь ОЛБ. Сравнение лыжной подготовки финнов и советских бойцов в первую очередь относится к стрелковым подразделениям РККА – здесь все ясно. Ряд дивизий прибыл на фронт из южных (безлесых) районов СССР. В воспоминаниях бойца ОЛБ Павла Шилова нет ни намек, что добровольцы не умели ходить на лыжах.

Вот еще одна неприятная история с лыжниками: из 163-й дивизии (9-я армия) комкору Василию Чуйкову 20 января 1940 г. сообщают: «Никак не можем получить перчаток. Люди отмораживают руки, особенно лыжники в разведке...» История просто вредительская, присущая почти всем временам существования отечественной армии, но имеет ли она отношение к организации ОЛБ.

О лыжах и лыжной подготовке в РККА отчего-то яснее и проще всех на апрельском 1940 г. Совещании в ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии сказал начальник управления снабжения РККА: «Мне кажется, что лыжная подготовка есть чисто боевая подготовка. Неслучайно, что армия оказалась неспособной ходить на лыжах. Это произошло потому, что лыжная подготовка находилась в руках физкультурных организаций. Это есть чистая военная учеба армии, а не физкультурное дело. За это дело должен отвечать командир. (Смысл этой части цитаты Хрулева сегодня уловить сложно – А.Ж.). Мало того, лыжи изготавливает Обозно-вещевое управление, которое само не знает, какие нужны крепления, какая ширина лыж и т.д. Я считаю, что для этой войны нужны были широкие охотничьи лыжи, простые крепления, и наш боец ходил бы прекрасно. Нашему бойцу не нужно ходить по 30 км в сутки...»

Читаешь и думаешь – не мысли ли это летящего над лестницей, но нет, рациональное зерно (на календаре весна 1940 года) в выступлениях Хрулева заметить можно. Хотя, после драки...

В директиве №01539 (7 февраля 1940 г. 00 ч.40 мин.) Ставка еще раз подчеркнула, что «нельзя заставлять лыжбаты брать укрепленные пункты противника».

Интересно для гражданского слуха окончание текста этой директивы: «Ставка требует от 9,8 и 14-й армий срочного представления своего мнения по изложенному».

Известен еще один приказ Ставки о лыжных батальонах от 10 февраля 1940 года.

Приказ

Ставки Главного Военного Совета командующим

8, 9 и 14-й армиями, южной группой войск 8-й армии

О формировании из лыжных батальонов лыжных эскадронов

Копии: начальникам Политического управления, Главного управления Красной Армии

№ 01625, 10 февраля 1940 г. 01 ч. 30 мин.

Практика показала, что использование лыжбатов в качестве обычных пехотных частей не достигает цели и ведет к большим потерям в этих батальонах.

Не только в 9-й армии, но и в составе 8-й армии целый ряд лыжбатов разбиты противником, так как эти лыжбаты, не вооруженные хотя бы мелкокалиберной артиллерией, действовали по заданию командования как нормальные пехотные части против противника, имеющего кое-какие укрепления и снабженного по меньшей мере мелкокалиберной артиллерией..... Тем более нет оснований объединять лыжбаты и лыжбригады, не имеющие артиллерии, но получающие вполне самостоятельные задания по атаке противника, как это проектирует Военный совет 9-й армии. Практика 14-й армии показала, что наиболее целесообразной формой организации лыжников лыжотряд и лыжэскадрон в 130-150 человек своей задачей имеющих разведку сил противника перед фронтом наших частей, диверсионные действия по ближним тылам противника, взрывы мостов, железнодорожных станций ит.д. и, наконец, охрану флангов действующих полков.

Ставка Главвоенсовета приказывает:

1. Разбить все лыжбатальоны на лыжэскадроны численностью 150 человек каждый.

2. Лыжэскадронам ставить задачи разведка перед фронтом наших

частей, подрыв ближайших тылов противника, охрана флангов наших полков.

3. Придать штабам дивизий и корпусов по два лыжэскадрона для охраны командных пунктов и разведки вокруг них.

4. Остальные лыжэскадроны придать нашим стр. полкам, минимум по три на полк, для использования их согласно п.2 настоящего приказа, подчинив их командиру полка и обязав последнего снабжать их и кормить. имеющих.

5. О принятых мерах по исполнению донести.

Ставка Главного Военного Совета

Вот и думай, какова дальнейшая судьба нашего 10-го отдельного лыжного батальона в составе 15-й армии. 30 дней еще до перемирия.

Загадка проста – южная группа войск 8-й армии, та группировка, где воевал 10-й ОЛБ, т.е. если был бы выполнен приказ Ставки № 01625, то 10-й ОЛБ перестал бы существовать как боевая единица в феврале 1940 г. Почему загадка? Во-первых, потому, что по приказу Ставки №01663 от 11 февраля 1940 г. в состав 15-й армии переданы “1, 10, 4, 5, 6 и 37-й” лыжные батальоны. Во-вторых, и далее – 23 февраля 6-й ОЛБ пытается деблокировать наши окруженные части в районе Леметти.

Авторами сделана попытка экстракции материалов о лыжных батальонах на финском фронте. О тех батальонах, которые приняли участие в боевых действиях. Проведено исследование мемуаров, документов, публикаций у нас в «Менделеевце». К трагическим моментам судеб лыжных подразделений следует отнести и то обстоятельство, что документы об их боевых действиях практически отсутствуют в архивах. Учет погибших, раненых, пропавших без власти в этих воинских подразделениях. Часто соединение в результате «успешного выполнения боевого задания» просто выпадало из поля зрения. Нелегко через 75 лет восстанавливать вехи, собственно недолгого (если приказ о сформированных ОЛБ вышел 24.12.1939 г, а война закончилась 13.03.1940 г.) боевого пути отдельного лыжного батальона. Посмотрим на список воинских частей, отмеченных за образцовое выполнение боевых заданий командования «на фронте борьбы с финской белогвардейщиной» – здесь и дивизии, полки, танковые бригады (пехота, авиация, танковые части, газета «На страже родины» и т.д.). Нас интересуют отдельные батальоны:

227-й отдельный саперный батальон,

4-й отдельный батальон связи,

6-й отдельный понтонно-мостовой батальон,

32-я отдельная разведно-военная авиационная эскадрилья

57-й отдельный саперный батальон...

Лыжных батальонов нет, в герои не вынесли. Человеку со стороны из

другого поколения даже трудно понять – кто-нибудь отвечал за ОЛБ? Если да, то кто этот неведомый потомкам человек?

О лыжных батальонах (слово – *отдельных* произнесено не было, но речь шла о них самых) упомянул на апрельском совещании 1940 г. в ЦК ВКП(б) сам член ставки ГВС (так упоминается в документах той войны) И.В. Сталин. Выступал командующий 9-й армией комкор В.И. Чуйков, речь шла о неудачных попытках армии разорвать блокаду и соединиться с подразделениями 54-й дивизии. Василий Иванович пытался оправдаться.

Чуйков: Здесь говорили, что противник окружал слабыми силами. Докладываю, что 59-я дивизия была окружена 14 стрелковыми батальонами (финские источники утверждают, что батальонов было пять).

Сталин: У Вас сколько было частей против противника?

Чуйков: В моменты окружения было 8 рот, 2 батальона и полк НКВД. Потом вся 54-я горно-стрелковая дивизия и 163-я стрелковые дивизии плюс полк НКВД, всего 4 полка.

Сталин: А лыжные батальоны? (Помнил, помнил член ставки ГВС об отдельных лыжных батальонах).

Чуйков: Их прибыло 5 батальонов.

Это были и те самые 9, 13, 34 ОЛБ, которые входили в «лыжную бригаду» полковника Долина, детище 9-й армии Чуйкова и Мехлиса.

Дальше разговор Чуйков В.И. (докладчик) – Сталин И.В. (слушающий) принял очень неприятный для Чуйкова, жесткий оборот.

Сталин: У Вас дотов перед собой не было? У Вас было много камня, земли, могли быть в этих местах граниты, было около трех дивизий, окружена была лишь одна дивизия, а сюда телеграммы шлете партии Ленина – Сталина, герои сидели, окружены, требуют хлеба. Кормить людей нужно. Снаружи еще дивизия, затем около тысячи пограничников – старых солдат, затем четыре или больше батальонов. Батальон – это сто человек?

Чуйков: 750 человек.

Сталин: Лыжные батальоны, артиллерия, а у противников меньше артиллерии, а они пренебрегают артиллерией.

Чуйков: Артиллерия была использована.

Сталин: Была использована, а все-таки ничего не добились, посылались телеграммы партии Ленина-Сталина, сидели, кормили дармоедов. Как у Вас еще героев нет.

Баир Иринчеев, автор нескольких книг-исследований о советско-финской войне в аннотации к изданию «Оболганная победа Сталина. Штурм линий Маннергейма» подчеркивает: «Хотя информация о зимней кампании 1939/40 г. никогда не была под полным запретом – есть все же основания считать ее самой неизвестной, секретной, оболганной войной в советской истории». Неизвестность и секретность в указанной

книге отражена автором даже в приложении 2: «части сухопутных войск РККА, участвовавших в советско-финской войне» – ни единого упоминания о 40 (точно известно) отдельных лыжных батальонах. Испарились куда-то ОЛБ из военных архивов, а точнее применительно к метеословиям войны – сублимировались.

Кирилл Якимович в приложении №1 к книге «На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале»: «Боевой состав воюющих сторон в восточной части Карельского перешейка» (это Северо-Восточная особая группа в составе 7-й армии с 4.12.1939 по 26.12.1939 г., а с 26.12.1939 г. – 13-я армия (командующий комкор В.Д. Грендаль отмечает наличие в армии – 60, 97, 98-го) ОЛБ. В тексте книги есть лишь фрагментарное упоминание о 97-м ОЛБ. Что-то можно прочесть между строчек приказов и директив. О лыжных подразделениях в 9-й армии думали... (Вернемся к «допросу» Сталиным комкора Чуйкова.)

Чуйков: Никак нет.

Комментарии и односторонняя «пикировка» продолжалась. Текст стенограммы сегодня хорошо известен любому, кому интересны события зимы 1939/40 г. По поводу лыжных батальонов складывается, что отзыв Сталина «Как у Вас, еще героев нет», – лег (вольно или невольно) на репутацию лыжных батальонов. Не могу припомнить, был ли награжден кто-то из менделеевцев: добровольцев или других участников войны, кроме К.А. Мерецкова.

Василий Иванович Чуйков, принявший командование 9-й армией от комкора Духанова М.П., удачно пережил итоги (дела и слова) финской войны. Впереди у него (специалиста по японской армии) была командировка в Китай и только в 1942 г., боевой маршрут по битвам Великой Отечественной: Сталинград – Берлин. Маршал Советского Союза оставил большое и добротное литературное наследие и воспоминания. Его книги прекрасно отредактированы и с литературной, и с политической позиции. «Современному читателю, – писал В.И. Чуйков в дни своего 80-летия, – важно знать логику мышления, чувства, переживания, сомнения и радости участника событий легендарных лет». Только вот о финской кампании (отнюдь не легендарной), о трагедии 9-й армии в снегах Карелии – ни логики мышления, ни чувств, ни переживаний, ни сомнений комкора Василия Чуйкова, да и члена Военного Совета, армейского комиссара 1 ранга Льва Мехлиса, мы никогда не узнаем.

Боец – разведчик ОЛБ 17-й ОЛБ Павел Шилов (один из десятков тысяч добровольцев) опубликовал в журнале «Родина» (12/1995, С. 64) свои воспоминания под названием «Тогда не было моды награждать». Однако это утверждение не соответствует действительности. Известно, что только как Героев Советского Союза по итогам боев отмечено 405 красноармейцев и командиров. Даже американец Г. Сандер не без

ехидства отмечает: «Страницы “Правды” были полны портретов новых Героев Советского Союза, которых дала эта славная война».

Сегодня среди героев Финской войны находим бойцов ОЛБ. Герой Советского Союза Иванов В.И. из 8-й армии. Вот краткая биография Василия Ивановича Иванова.

«Родился в 1901 году в деревне Леонтьево (ныне Вяземский район Смоленской области) в крестьянской семье. Окончил начальную школу. Был пастухом, работал конюхом. В Красной Армии в 1920—1922 годах. Участвовал в гражданской войне на Западном фронте. После её окончания вернулся в Вязьму, где работал на железной дороге. Участник советско-финской войны 1939—1940 годов, воевал стрелком отдельного лыжного батальона 56-й стрелковой дивизии (8-я армия).

С 4 декабря 1939 года по 10 марта 1940 года на территории современного Суоярвского района Карелии 56-я и 75-я стрелковые дивизии начали наступление на станцию Лоймола с целью выхода в тыл Питкярантской группировке финских войск и развития наступления на Сортавала. В.И. Иванов отличился в боях в январе 1940 года у железнодорожной станции Лоймола (Суоярвский район): отражая контратаку противника, будучи контуженым, он связкой гранат уничтожил танк противника. За бои 21-27 января был представлен командованием к ордену Красного Знамени.

В районе 30-го километра шоссе Суоярви-Лоймола находился мощный опорный пункт финской обороны — высота «Чёрная» (гора Колла). 2-7 марта 1940 года в боях за неё, когда был выведен из строя командный состав, красноармеец В. И. Иванов принял командование ротой на себя. Он дважды пытался поднять роту в атаку на врага, но бойцы, утомлённые четырьмя предыдущими атаками, не поднимались. С ещё одной попытки высота, наконец, была взята. Погиб в бою 10 марта 1940 года. Похоронен в Карелии в районе высоты «Чёрная».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1940 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» красноармейцу Иванову Василию Иванович посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Не ясно, можно ли отнести к категории лыжных батальонов «особый лыжный отряд», где сражался командир взвода Владимир Мягков, чемпион страны по лыжным гонкам. Владимир добровольцем ушел на фронт в январе 1940 г. Был командиром взвода особой диверсионно-разведывательной бригады 9-й армии под командованием Хадахи Мансурова. 6 марта, выполняя разведывательное задание командования в районе г. Кухно, был окружен, ранен, но остался на поле боя и прикрыл отход отряда. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.05.1940 г.

Достаточно трезвую оценку действий, а точнее задач ОЛБ, можно отыскать на сайте (lyzbat1040.narod.ru):

«Лыжные батальоны Зимней войны не функционировали как отдельные боевые подразделения, а были приданы стрелковым полкам. В составе этих подразделений они использовались в качестве разведывательных дозоров, фронтовой разведки, а также ударной силы при штурме укрепленных районов обороны противника. Как только на фронте действия части назревала «мясорубка», туда направлялся лыжбат, чтобы принять на себя основной удар врага.

«Комсомольские» лыжные батальоны – это вообще отдельный разговор. В них набирали только отличников физической культуры, как правило студентов вузов, имевших либо отличия в лыжной подготовке, либо (по возможности) «разряд» по лыжам. Набор добровольцев местами был довольно своеобразным: «Ты комсомолец? Значит не можешь НЕ ХОТЕТЬ на фронт!»... (Из рассказов менделеевских добровольцев видно, что были отказавшиеся и без каких-либо последствий).

Ветеран Великой Отечественной из Гатчины Владимир Силаненок вспоминал: «Через неделю после начала войны началась запись добровольцев в лыжные батальоны в Ленинграде, Москве, Вологде, Перми. В первую очередь брали спортсменов–лыжников и студентов. Я со своим другом Виктором Кветкевичем пошел в наш горвоенкомат с просьбой взять нас добровольцами в лыжный батальон, но нас не взяли. Я учился, друг работал. Из моих соседей и друзей на фронт попали Берхатовы: Борис на Балфлот, а Федор в 370 стрелковом полку служил. Гриша Щекотов воевал танкистом, с войны пришел с медалью «За отвагу». Толя «граф» Корнеев погиб.

После того, как лыжбат был сформирован, он эшелонами со сборного пункта отправляется на фронт. Где, перед тем как вступить в активные действия, проходил 2-3 недельные «сборы». То есть обучение основам военного дела. Грубо говоря, учили, как держать винтовку, куда целиться, на что нажимать. Многим такая «ускоренная» подготовка стоила жизни, хотя более–менее подготовленному человеку этого действительно достаточно, чтобы суметь не только выжить на фронте, но и успешно выполнять поставленные задачи. Основная тяжесть функции лыжного батальона была именно в его штурмовом характере. Часто «свежий» батальон терял в первом же бою большую часть своего состава. В батальонах, которые формировались в январе-феврале 1940 г., эти «минусы» были уже учтены, их подготовка и введение в боевые действия были грамотными и верными».

Глава четвертая

Абрисы отдельных лыжных батальонов

Рассмотрим первичную информацию об отдельных лыжных батальонах на финской войне (от 1-го до 236-го ОЛБ).

1-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Киров. Воевал в составе 8 армии (Южная группа). На 08.02.1940 г. в действующей армии. 11 февраля 1940 г. передан в состав 15-й армии. Согласно «Перечню №8» М., Мин. обороны. 1956. (Рассекречено по директиве ГШ ВС СССР №46 от 30.8.90 – далее при ссылке – «Перечень №8» - см. стр. 88) : «1-й лыжный батальон находился в составе действующей армии с 17.1.40 по 18.2.40. Переформирован в 101 и 102 лыжные эскадроны».

2-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Котельнич. На 08.02.1940 г. в составе 8-й армии. Был переформирован в 231-235 лыжные эскадроны. По «Перечню №8» в составе действующей армии с 17.1.40 по 13.3.40.

3-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Свердловск. На 08.02.1940 г. в действующей армии. Известно, что 30 января 1940г. 3-й ОЛБ участвовал в вырубке частей окруженной 54-й дивизии (9-я армия). На помощь дивизии были брошены все резервы армии, в том числе «импровизированные» сводные группы и только что сформированные батальоны (на календаре конец января 1940 г.). Первой такой группой стала группа помощника начальника штаба 54-й дивизии майора Кутузова, состоявшая из 3-го и 17-го отдельных лыжных батальонов и 11-го саперного (инженерного) батальона. Группа майора Кутузова начала наступление от Летувоаара на прорвавшиеся финские части уже 30 января 1940 г., но успеха не добилась. Майор Кутузов не успел перейти в контрнаступление, и враг почти полностью уничтожил его группу. Сам майор Кутузов погиб в бою. Как видите, в этой справке информации немного – неизвестно, каковы потери

ОЛБ из Уральского военного округа. В действующей армии с 22.1.40 по 13.3.40 («Перечень №8»).

4-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Свердловск. На 08.02.1940 г. в действующей армии (8 армия). 11 февраля 1940 г. передан в состав 15-й армии (по другим данным находился в составе 13-й армии). В действующей армии с 22.1.40 по 13.3.40 («Перечень №8»).

5-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Пермь. На 08.02.1940 г. в действующей армии (8 армия). 11 февраля 1940 г. передан в состав 15-й армии. В действующей армии с 18.1.40 по 13.3.40 («Перечень №8»).

6-й ОЛБ. Сформирован в Калининском военном округе. Пункт формирования – г. Калинин. На 08.02.1940 г. в действующей армии (8 армия). 11 февраля 1940 г. передан в состав 15-й армии. Через несколько дней командование армии (командующий командарм 2-го ранга М.П. Ковалев) силами 8-го стрелкового корпуса в очередной раз (раньше этим занималась 8-я армия) попыталось прорвать оборону противника и деблокировать нашу группировку (168 с.д.) в районе Лементти. Прошли всего полтора-два километра, не решив задачу и «заплатив» огромную цену, к примеру, только 72 стрелковая дивизия потеряла 612 человек убитыми, 2465 ранеными, 286 пропавшими без вести и 83 обмороженными.

Павел Аптекарь отмечает, что фактически все операции закончились провалом, не могли исправить положения и действия 6-го отдельного лыжного батальона, пришедшего на помощь окруженным. Наткнувшись на многочисленные засады противника, и к тому же потеряв ориентировку, он вынужден был вернуться к главным силам армии, причем отнюдь не в полном составе: за неделю боев 143 человека были убиты, 142 ранены, 430 пропало без вести и 239 обморожено, то есть батальон вернулся недееспособным. Происходило это 23-28 февраля, и трудно сказать о дальнейших боевых действиях 6-го ОЛБ в оставшихся 2 недели войны.

Тот же Павел Аптекарь, архивист по 6-му ОЛБ по долгу службы в начале XXI века, рассуждает о тактических вариантах действия командарма Ковалева. «Вероятно, командованию 15-й армии следовало бы провести операцию по деблокаде или выводу окруженных частей силами военно-воздушных бригад, обладавших хорошей лыжной подготовкой, хорошо ориентировавшихся на местности и решительно действовавших в сложных ситуациях, усилив их артиллерией и танками. А вот захват островов можно поручить и лыжным батальонам, разумеется, обеспечив надлежащую артиллерийскую и авиационную подготовку. Речь идет об островах Ладожского озера. Лыжным батальонам нередко не хватало умения ориентироваться в лесистой местности. А операция по захвату

островов требовала в основном решительного движения вперед, на которые, кличный состав лыжных батальонов был вполне способен.

(Жаль, что П. Аптекарь не дал описания действий ОЛБ в «последующих событиях». Напомним, что до конца финской войны оставалось 12 из 105 дней – А.Ж.). Кроме того, при хорошей огневой поддержке они приобрели бы незаменимый боевой опыт, а вместе с ним уверенность в своих силах». (Последнюю фразу военного архивиста трудно комментировать, просто сложно понять её смысл).

В действующей армии с 20.1.40 по 13.3.40 («Перечень №8»).

7-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Вологда). 8-я армия. Переформирован в 187-191 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

8-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (Вологда). 8-я армия. В «Перечне №8» информация отсутствует.

9-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Архангельск. В действующей армии с 20.1.40 по 13.3.40 («Перечень №8»). 9-я армия.

В конце 11-13 февраля батальон в составе лыжной бригады (9-й, 13-й, 34-й ОЛБ) был выдвинут на выручку 54-й дивизии 9-й армии. Бригада вышла в район 65-го финского пехотного полка и продолжала движение на юго-запад в направлении Садна-Ярва. 13 февраля передовые части лыжной бригады полковника Долина достигли хутора Ветко на озере Кальканер. До окружения части 54-й дивизии оставалось порядка семи километров по тайге и льду озера. В этот момент финны нанесли по передовым частям бригады удар с трех направлений силами двух рот 65-го полка финнов (4-й роты 27-го полка и 3-й роты 5-го батальона спецназа). Лыжники полковника Долина сумели отбить первую финскую атаку 13 февраля. Только вечером 14 февраля финнам удалось уничтожить части бригады на хуторе Ветко. Есть свидетельство о тех днях 1-го батальона 65-го пехотного полка капитана Юрье Хаканнена.

О трагической судьбе беломорского батальона поведали специалисты Архангельского государственного социально-мемориального центра «Поиск» (2007 г.). (Газета «Волна». – 2007. №82. 23 октября):

«67 лет назад в Архангельске из добровольцев был сформирован 9-й отдельный лыжный батальон. 5 февраля 1940 г. он прибыл на театр военных действий 9-й армии в Карельской АССР (нынешний Муезерский район Республики Карелия) и вошел в состав сводной лыжной бригады полковника В. Д. Долина.

10 февраля 1940 г. бригада без боя перешла советско-финскую границу, получив приказ пробиться на выручку окруженной финнами юго-

восточнее села Кухмо 54-й стрелковой дивизии РККА. С этого времени никаких донесений от бригады не поступило.

Авиаразведка установила факт ведения боев по предполагаемому маршруту движения бригады, но никаких реальных подтверждений этому не нашлось. Ее посчитали пропавшей без вести, причем в журнале боевых действий 9-й армии за подписью будущего маршала Советского Союза В.И. Чуйкова сказано: «Бригада Долина бесславно погибла». Отметим, что в составе бригады из 9-го лыжного батальона насчитывалось около 600 человек. Все они впоследствии стали числиться как пропавшие без вести в феврале 1940 г. без указания места выбытия.

С 4 по 12 сентября 2007 г. по приглашению финского общества по сохранению памяти жертв войны специалисты Архангельского центра «Поиск» И. Ивлев (руководитель), О. Нагибина и А. Пирожков провели полевую рекогносцировку на местах боев зимней войны 1939-40 гг. на территории коммуны Кухмо губернии Оулу (Финляндия). Цель рекогносцировки – определение мест дальнейшего проведения поисковых работ и эксгумации останков советских воинов.

С помощью материалов Российского государственного военного архива (Москва) удалось точно определить район боев лыжной бригады в тайге. В ходе проведения работ вещественные находки помогли установить конкретное место гибели сводной лыжной бригады полковника В.Д. Долина, в том числе личного состава 9-го лыжного батальона. В частности, обнаружен котелок, принадлежавший бойцу Марашеву Николаю Александровичу, 1916 г.р., уроженцу Вологодской области, призванному в 1939 г. Котласским РВК.

Кроме того, в результате проведения работ были найдены не отмеченные на карте, предоставленной финской стороной в 2001 г., четыре места массовых захоронений погибших советских воинов. Большая часть из них – это бойцы, призванные в Архангельской области и служившие в 9-м лыжном батальоне. Каждая из «находок» подробно исследована. Наибольшая из них имеет размеры 8x2,5 м. Предположительно, в этой братской могиле могут быть погребены не менее 60-80 человек. А всего в неизвестных ранее захоронениях могут находиться останки не менее 160-170 человек.

Помимо этого были исследованы нанесенные на карте 7 мест захоронений бойцов Красной Армии в районе боев 9-го лыжного батальона. Таким образом, общее количество останков воинов ориентировочно составит не менее 210-220. Есть вероятность, что после проведения эксгумации мест захоронений и обнаружения неизвестных мест погребения погибших красноармейцев количество останков может увеличиться вдвое».

Участники экспедиции посетили музей «Зимней войны» в г. Кухмо.

«В музее нет ни одного предмета, фотографии, комментария, которые можно было бы квалифицировать как свидетельство обиды или ненависти к большому соседу. Финны очень корректно создали экспозицию, в начале которой находился наш целехонький арттыгач А-20 «Комсомолец», стоящий прямо у входа в помещение. Раритетные снимки, подлинники экспонаты (вооружение, амуниция, снаряжение обеих сторон), цветовое и звуковое оформление подчеркивали значимость для финнов тех уже давних событий.

В одном из залов музея на стене увидели график изменения температуры воздуха в феврале 1940 года. 10 февраля, в день начала действий нашей лыжной бригады, температура составляла минус 3-5 градусов. Два новых лыжных батальона, 9-й и 13-й, к этому времени прошли по бездорожью 160 километров от ближайшей железнодорожной станции Кочкома до советско-финской границы. Понятно, что упарились и умаялись донельзя, ибо каждый воин нес на себе оружие, боеприпасы, продовольствие и многое другое.

На границе, в связи с тяжелой обстановкой, командование не дало им отдыха и приказало в составе сводной бригады полковника В.Д. Долина выйти на выручку окруженной 54 стрелковой дивизии. Перейдя границу, батальоны оставили теплые вещи (полушубки, телогрейки, шаровары, шинели) в опорном пункте наших пограничников и двинулись в рейд налегке. А 12-го февраля мороз ударил до минус 35 градусов. Вот тут-то и стало понятно, почему после гибели командира и ранения начальника штаба и комиссара, бригада 14 февраля попросту рассыпалась у перешейка между озерами, и от мороза, а не только в бою, наверняка погибло немало наших бойцов».

Вот таковы информационные крохи о действиях и судьбе 9-го (Архангельск), 13-го (Владимир) и 34-го (Подольск) ОЛБ.

10-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Подольск. Согласно «Перечню №8» батальон был в действующей армии с 13.1.40 по 18.2.40. Переформирован в 110 и 111 лыжные эскадроны.

Во всех материалах о менделеевцах упоминается именно 10-й отдельный лыжный батальон (порой его называют 10-й ОЛЛБ – отдельный легко-лыжный батальон). Где сражался 10-й ОЛБ, где были смертельно ранены наши студенты Иван Василевский и Анатолий Нюнин? Первое ощущение, где они могли биться, конечно же Карельский перешеек, конечно же пресловутая линия Маннергейма, она как притча во языцех. На Карельском перешейке с нашей стороны действовала 7-я армия, а позднее и 13-я армия. Однако каких-либо ориентировок нет, даже в опубликованных в последние годы воспоминаниях ветеранов, в

архивных документах о боях на Карельском перешейке о 10-м ОЛБ уже не упоминается. Потом появилось впечатление, что лыжные батальоны против линии Маннергейма не действовали (на самом деле, это не так). Из короткой заметки-справки об Анатолии Нюнине, опубликованной в газете «Менделеевец» №14 за 1979 г., впервые стало ясно, где добровольцы-менделеевцы сражались: «В 1939 г. Толя уходит добровольцем на финский фронт в рядах 10-го отдельного лыжного батальона на петрозаводском направлении». В составе 8-й (скорее всего) или 15-й армии, которая была сформирована позднее (10-11 февраля 1940 г.).

О петрозаводском направлении, его задачах говорил в своем докладе весной 1940 г. нарком обороны СНК СССР маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов: «30.11.1939 г. наши войска, расположенные в Карелии на петрозаводском, ухтинском, кандалакшском и мурманском направлении, также перешли государственную границу и с боями начали продвигаться вглубь Финляндии. Войска петрозаводского направления, развивая свое наступление, к 15.12 вышли в район Койта-Йока, из Колан-Ярва, озеро Колан-Ярва, Марсуло и, встретив на этой линии заблаговременно подготовленные оборонительные позиции и сильное сопротивление противника, вынуждены были приостановить свое наступление и перейти к организованной обороне. За 15 дней войска этого направления проделали 65-километровый марш с боями, проходили, в среднем, 4,5 км в сутки».

Говоря о втором периоде войны, маршал Ворошилов отметил: «На петрозаводском направлении, где противник был активен, а наши части дрались слабо, 8-я армия, куда были брошены значительные подкрепления, также была разделена на две армии – 8-ю и 15-ю».

Вот в составе «значительного подкрепления», вероятно, был и наш 10-й ОЛБ. Район действий 8-й армии (в начале боев это армейская группа), иногда именуют как видолицкое направление, указан в докладе командующего войсками Ленинградского военного округа наркому обороны о плане разгрома сухопутных и морских сил Финляндии.

Из мобилизованных частей к настоящему времени установлено (это на 29 октября 1939 г. – завтра воевать – А.Ж.): на видолицком направлении – одна пехотная дивизия, мотоотряд не установленной численности и дивизион тяжелой артиллерии». Документально подтверждается, что 10-й ОЛБ (в документах просто 10-й лыжный батальон) действовал в начале своей военной кампании в составе 8-й армии, а с 18 февраля 1940 г. был передан в сформированную 15-ю армию согласно «Директиве ставки главного военного совета о формировании 15-й армии».

*Директива ставки Главного Военного Совета
о формировании 15-й армии*

№ 01663, 11 февраля 1940 г.

1. В целях улучшения удобства управления войсками, действующими на северном побережье Ладожского озера, из состава 8-й армии выделить 15-ю армию с непосредственным подчинением ее Ставке Главного Военного Совета.

2. Из состава 8-й армии в 15-ю передать управления 56-го и 8-го стр. корпусов; 60, 168, 18, 11, 72 и 37-ю стр. дивизии и 25-ю мото-дивизию; три авиадесантных бригады; 1, 10, 4, 5, 6 и 37-й лыжные батальоны; 20, 21, 35, 36 и 37-й лыжные эскадроны; 1-й и 2-й дивизионы 108 гап со штабом полка, 3-й дивизион 467 кап и 1-й дивизион 47 кап, включив их в состав 108 гап; авиацию 39-й и 18-й полки СБ, 49-й истребительный полк, 3 тап, 15 као, эскадрилью ПВО(Лодейное Поле) и прибывающие в состав армии 45-й полк СБ и 153-й истребительный полк И-153.

3. Командующим армии назначается командарм 2 ранга Ковалев, членом Военного совета корпусный комиссар Вашугин, заместителем командующего армией командарм 2 ранга Курдюмов, начальником штаба и членом Военного совета полковник Иванов П.А., начальником ВВС и членом военного совета армии Герой Советского Союза комбриг Гусев А.И., начальником начальника политического правления армии бригадный комиссар Ефимов П.И., начальником штаба ВВС армии комбриг Шкурин Я.С., заместителем командующего ВВС армии комдив Сирыченко М.

4. Командарму 2-го ранга Ковалеву сформировать управление 15-й армии по штату №2/6. Народному комиссару обороны подобрать необходимый начальствующий состав для укомплектования управления 15-й армией.

5. Разграничительная линия между 8-й и 15-й армиями устанавливается – ст. Ладва, Пряжа, оз. Сари-Ярви (18 км юго-вост. ст. Лоймола), Пюериттяйя, м. Харлу, ст. Каламо(все, за исключением Пюериттяйя и Пряжа, для 15-й армии включительно). Участок дороги Петрозаводск–Пряжа предоставляется для общего пользования обеих армий.

Разграничительная линия 15-й армии с Северо-Западным фронтом – Волховстрой, р. Волхов, Новая Ладога, о. Хейсен-Сари, Микриля, Паракилла (все для 15-й армии исключительно).

6. С 18.00 12.02 15-й армии перейти в непосредственное подчинение Ставки Главвоенсовета.

Приложение: перечень специальных и тыловых частей и учреждений, передаваемых в состав 15-й армии.

Ставка Главного военного Совета
РГВА. Ф. 37977 Оп. 1 Д. 233. Л. 197, 198.

Как видим, в директиве от 11 февраля четко прописаны лыжные батальоны: 1, **10**, 4, 5, 6 и 37-й. Можно определить район действия 15-й армии – южнее линии разграничения ответственности (на северном берегу Ладожского озера): ст. Ладва, Пряжа (исключительно), озеро Сари-Ярва (18 км юго-восточное ст. Лаймола). Пюсриттяйя (исключительно), м. Харяу, ст. Каламо.

Думаю, что вездесущие туристы из Менделеевки 1950-1960-х гг. бывали в тех местах, но вряд ли они догадывались, что здесь приняли «кровавое» крещение наши героические предшественники по вузу из 1939 г.

11-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Подольск. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. Согласно «Перечню №8» батальон был в действующей армии с 13.1.40 по 13.3.40.

12-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Подольск. Согласно «Перечню №8» батальон был в Действующей армии (8-я армия) с 13.1.40 по 13.3.40. Переформирован в 206 – 210 лыжные эскадроны. На 08.02.1940 г. в действующей армии.

В его составе были студенты знаменитого до войны московского ИЛФИ (института литературы, философии и истории). Известны, по воспоминаниям Сергея Наровчатова имена четверых московских студентов-ИЛФИ-йцев бойцов 12-го ОЛБ:

Николай Молочко – погиб в боях,

Георгий Стружко – погиб в боях,

Виктор Панков – обморожение (госпиталь),

Сергей Наровчатов - обморожение (госпиталь).

Остались пронзительные стихи Сергея Наровчатова, датированные 1940-м годом с пометкой «финский фронт»:

*Мы сухари угрюмо дожевали
И вышли из землянок на мороз...
А письма возвращенья нам желали
И обещали счастья полный воз.*

*В глаза плыла уже шестые сутки
Бессонница... Шагая через падь,
Из писем мы вертели самокрутки
И падали, чтоб больше не вставать.*

Удивительно, но о финской войне написано много стихов на русском языке, и практически все они строго документальны. Вот, к примеру, еще одно «родом» из того же 12-го ОЛБ юного Сергея Наровчатова:

*Ни у кого и ни за что не спросим
 Про то, что не расскажем никому...
 Но кажутся кривые сучья сосен
 Застывшими «зачем» и «почему».
 И снова ночь. И зимний ветер снова.
 Дорога непокорная узка...
 О, смертная и древняя, как «Слово»,
 Как Игорьь и как половцы, тоска!*

«Застывшее «зачем» и «почему» – основной вопрос не только у ветеранов той войны. У поколений советских людей второй половины XX века вопросы «зачем и почему» и попытка найти на них ответ звучат и не раз. Диапазон ответов от светлых надежд студенческой комсомолки довоенной поры до жестких, не всегда аргументированных, но хорошо и регулярно проплачиваемых русофобских агиток 1990-х. Финская война разрушила (или почти разрушила) много иллюзий на актуальную тему тех дней: «Если завтра война, если завтра в поход...» Может в этом разрушении иллюзий и есть смысл возможных ответов на вопросы: «зачем и почему?» Но отчего же так страшен и трагичен был и есть 1941-й, даже в исторической памяти нынешних поколений. Тот же Сергей Наровчатов вспоминал: «Я понял, что такая взрослость, такая это страшная вещь... Из батальона в 970 человек осталось нас 100 из них 40 человек невредимых».

Коллега ребят из литературного института ветеран Великой Отечественной, боевой офицер и популярный автор книг о Берлине мая 1945 года Елена Ржевская, комментируя военные стихи С. Наровчатова, пишет:

«Наровчатов – и не один – ринулся, не раздумывая, добровольцем. Ушли вчетвером в лыжный батальон, вернулись двое из госпиталей, тяжело обмороженные. Помню, он вернувшись, говорил: спасло его то, что он был сильным лыжником. Замерзающий, измученный батальон в рейде по тылам противника. И, стоя на лыжах, засыпал, привалясь на палки. Поравнявшись с ним, его расталкивали, чтобы не уснул навеки, замерзнув, а послав сколько-то, немного набрав сил, снова отрывался от бессонного батальона вперед и снова засыпал стоя».

Уходил на финскую с близким другом Мишей Молочко, вернулся без него. Уходил влюбленным. Еще из госпиталя писал той девушке полные чувств письма, а пришел опустошенный. Жив, но казался мне смертельно потерпевшим. Кончилась ликующая юность. Выбито ощущение своей бессмертности».

Вернувшись из госпиталя, Наровчатов в том же 1940-м, в одном из своих стихотворений напишет:

*Господи! Мы многое узнали,
 То, чего вовек не надо б знать.*

Позднее, пройдя Великую Отечественную войну, С. Наровчатов в заметках «Пелынь судеб человеческих» (в заголовке и оглавлении книги так и стоит «пелынь» как элемент цитаты), вспоминая о финской войне («финской кампании») как о первом пороге в судьбе своего поколения, объяснял четко и однозначно, почему московские студенты пошли добровольцами:

«Перешагнув один порог, я стоял перед другим и коротким, но тревожным раздумьем. Порогом этим была для меня финская война: я перестал быть мальчиком, но не стал еще мужчиной. И все же далекий до того мир взрослых становился уже моим собственным миром. Считанные недели, проведенные на войне и вылежанные в госпитале, показались мне если не годами, то месяцами. Да дело было и не в сроках, пережитое казалось больше передуманного: пятидесяти градусные морозы, зачочневшие трупы вдоль лыжни, гибель лучших – самых лучших! – из нас, мокнувшая гангрена, крики раненых – все это не улеглось и не перебродило во мне. И ведь такое испытание свалилось на меня без всякого перехода... Вчера еще голубой дым студенческой вечеринки, строки «Синих гусар», тосты за романтику неизведанных дорог, а завтра – руки, примерзшие к «СВТ», хриплый голос отделенного: «Берегите патроны, нам еще пробиваться!..», возвращение среди бесконечных сосен и елей по окаянным сугробам из рейда по тылам противника. Нет, с этим «взрослым миром» шутики плохи, стихами и тостами ему зубы не заговоришь...»

Но ведь это – только начало! Мы сами записывались добровольцами в лыжный батальон, смотрели на предстоящую кампанию, как на разведку боем, – большая война еще впереди. И она уже громыкает там, на Западе, докатится, наверно, и до нас, вопрос только в сроках... Тогда снова за винтовку, правда, кое-какой опыт уже есть, сразу не пропаду.

Таковыми были мысли первого, самого первого, но и самого живого ряда, а за ними вставали другие – большие и неповоротливые, в виду которых все пережитое, и твои друзья – да святится их память! – и ты сам, да и вся финская кампания не казались уже такими значительными. Нельзя сказать, чтобы я их страшился: в двадцать лет куда легче, чем в пятьдесят, справляться с вечными категориями, но с ними было трудно и неприятно. Зато они давали ощущения такого простора, что дух захватывало: на многие тысячи верст, во все стороны простиралась вокруг планета Земля, на многие тысячи лет назад и вперед от меня простиралось ее обозримое прошлое и необозримое будущее. Очень был я молод, и чудилось мне, что и Земля совсем молода, до удивительности и до фантастичности молода. Все тысячелетия, прожитые людьми до тех пор, слышались мною, как короткая присказка к тому главному, что мне предстояло услышать».

13-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Владимир, 9-я армия. Согласно «Перечню № 8» батальон был в действующей армии с 20.1.40 по 13.3.40.

Борис Соколов со ссылкой на П. Аптекаря пишет, что в наших военных архивах (РГВА) нет данных по личному составу 13, 45 и 69-го отдельных лыжных батальонов. Стоит ли думать на основании такой информации, что обо всех остальных батальонах такие данные в архивах есть? Ответ отсутствует. В лыжных батальонах были не только студенты. Иван Сидоров, выпускник полковой воздушной десантной школы в Киеве – в конце ноября – начале декабря 1939 года в подмосковном Пушкине (со товарищи) обучался ходьбе на лыжах, а потом в составе лыжного батальона отправился на фронт. Таким образом, проясняется, что в составе лыжных батальонов были и кадровые военные (в данном случае редкой для тех лет армейской специальности – ВДВ). В каком лыжном батальоне боевой десантник Иван Сидоров? Может быть, в одном из батальонов (эскадронов), сформированных в Киевском особом военном округе.

16-й ОЛБ. Информация об этом батальоне только из «Перечня №8»: «В действующей армии с 17.1.40 по 13.3.40».

17-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Шуя. В действующей армии (9-я армия) с 20.1.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8».

17-му отдельному лыжному батальону вроде бы повезло с историей. В №12 журнала «Родина» за 1995 год опубликованы воспоминания ветерана-добровольца советско-финской войны. Записки уникальны для познания истории войны. Разведчик, красноармеец Павел Шилов пришел в военкомат со студенческой скамьи Ивановского сельскохозяйственного института. Воспоминания разведчика 17-го ОЛБ чрезвычайно интересны, для менделеевского читателя, поскольку наши добровольцы оставили лишь отрывочные заметки о тех суровых днях. Очень жаль, что воспоминания Павла Шилова не датированы (похожи на дневниковые записи, но нет ни числа, ни месяца). Судя по тексту П. Шилова, 17-й ОЛБ воевал в районе боевых действий 54-й стрелковой дивизии, т.е. в составе 9-й армии (севернее района действий 10-го ОЛБ).

Если наши (менделеевские) добровольцы начинают свой рассказ со встречи в Советском РК ВКП (б) города Москвы, Павел Шилов начинает свою повесть с «разговора» в военкомате г. Иваново - Вознесенска. Судя по тексту, разговор происходит во второй половине декабря 1939 года:

«Военком напомнил о массовом поступлении в Иваново обмороженных, но при этом сказал, что нас оденут не так, как красноармейцев, начинавших войну в шинелях, яловых или кирзовых сапогах, в буденовках, вооруженных винтовками Мосина и т.д. Нас лучше вооружат и оденут в полушубки...»

17-й отдельный батальон насчитывал со всеми службами более 1000 человек. Одеты мы были так: нижнее бязевое белье, шерстяные кальсоны и рубашка, бумажные, цвета хаки, брюки и гимнастерка. Поверх – шинель, плохо подогнанная по росту, шапка-буденовка, подшлемник, каска, на ногах валенки. Снаряжение: лыжи с мягкими креплениями, вещмешок, в нем яловые сапоги, лыжные ботинки с креплениями, плащ-палатка, противоипритные сапоги (по полпуда весом), противоипритная накидка. На пояском ремне: котелок, фляга, две гранаты, два капсуля-взрывателя, саперная лопатка, два патронташа, сумка с патронами (100 патронов в обоймах). Противогаз через плечо. Вооружение на взвод разведки: гранатомет (какого-то древнего образца винтовка, а на ствол надевалась граната), у командиров – револьверы, у остальных – пятизарядные обычные винтовки. Стрелковые роты кроме винтовок и револьверов имели на вооружении ручные пулеметы Дегтярева, станковые пулеметы «Максим» и минометы, но ... без мин.

Станция Медвежьегорск. Длительная остановка, приказ: «Сдать винтовки». Откуда-то появились ящики, и мы в них уложили оружие и патронташи, а затем получили винтовки СВТ с магазинами (2 штуки) на 10 патронов. СВТ (самозарядная винтовка Токарева) – нам понравилась: не надо брать за затвор, перезаряжая; стрелять можно и одиночными выстрелами, и очередями, если будет необходимость...

Станция выгрузки – Кочкома. Справа по ходу эшелона – Беломорканал. Утром в пустом помещении школы ждал нас сюрприз. Сняли шинели, буденовки, одели ватные брюки поверх валенок. Брюки сверху белые, из какой-то плотной ткани (типа плащевки), внутри синяя фланель. Куртка: на рукавах манжеты, снизу пояс. Вместо буденовок дали ватные колпаки из того же материала, что и куртка с брюками. Ну и еще маска с прорезями для глаз и рта. На руки, в дополнение к шерстяным перчаткам, полученным в Шуе, выдали варежки с одним пальцем (Город Шуя – пункт формирования 17-го ОЛБ – А.Ж.). И сказали, что одежда строго секретная.

Далее на машинах перебросили нас до пограничной заставы Реболы. В Реболах переночевали в землянках, днем поупражнялись в стрельбе, а вечером на лыжах отправились к государственной границе с Финляндией. Тут начали проклинать тех военспецов, которые экипировали бойцов легколыжного батальона и особенно нас – разведчиков. (Здесь Павел Шилов называет батальон легколыжным, так порой называли и 10-й ОЛЛБ в Менделеевке – А.Ж.).

«Какие мы разведчики, – думали мы, идя на лыжах, – мы навьюченные, неповоротливые ишаки, или верблюды, или носильщики наподобие клондайковских носильщиков-индейцев».

Эта экипировка нам мешала: никакой маневренности, подвижности, да в лютый мороз, да в глубоких снегах!

Навьюченные, шли мы до границы, периодически отклоняясь от основной дороги и проверяя, нет ли рядом противника.

На другой день, изрядно и совершенно напрасно измученные (могли бы весь батальон подбросить на машинах), мы достигли границы. Тут немного передохнули, подкрепились консервами и галетами, попутно получив патриотическую зарядку со стороны подвергнувшегося малограмотного политрука. Он по-украински нам объяснил обстановку на передовой примерно так: «Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают», – ну и еще что-то мало вразумительное, затем последовал приказ: догнать и уничтожить отряд финских лыжников, проникших на нашу территорию и устроивших крушение воинского эшелона и другие диверсионные акты.

Шли по их лыжне вдоль границы на север в течение дня, безо всякого результата. В крошечной тьме постоянно падая от изнеможения, кое-как вернулись на дорогу, откуда начали преследование лыжников, и здесь получили приказ командира Сапрыкина зарыться в снег и спать. (Редкий случай в воспоминаниях Павла Шилова – названа фамилия командира взвода – А.Ж.)

Я никак не думал и не предполагал, что отдых будет в снежной яме, но приказ есть приказ. Я, как и другие, вырыл яму, постелил на дно плащ-палатку, кто-то, назначенный часовым, засыпал меня снегом, и я заснул мертвецким сном, словно в комфортабельном гостиничном номере.

Проснулся от удара в бок прикладом винтовки. Это часовой поднимал нас, так как уже светало. Выбрался из снежной постели, довольно теплой при 40-градусном морозе, и сразу страшно замерз.

Пошли куда-то вправо от дороги, ведущей на передовую. Стали уже слышны разрывы бомб и снарядов, но очень глухо: передовая была далеко. Двигались по глубокому снегу, вновь измучились безо всякого толку и вышли опять на дорогу. Темнело, когда нас догнали машины с боеприпасами и продовольствием. Нас посадили на верх груза, но мы и тут мучились, то и дело вытаскивая машины-полуторки из снега на обочинах, так как шоферы, по неделе почти не спавши, на ходу засыпали, а машины, съезжая с дороги, вязли в снегу.

Ехали ночь. На одном обогревательном пункте получили по буханке размороженного ржаного хлеба и под утро прибыли на передовую. Место это называлось – Хильки-3... Когда шли к исходной позиции, нам на встречу попались остатки стрелкового батальона – измученные бойцы, истерзанные. Они вели и несли раненых и в наш адрес отпускали злые реплики: «Видите, что с нами стало? В одном бою разбили батальон, а вы добровольно (нас узнавали по одежде) идете умирать!» Это как ножом резануло по сердцу. Сразу вспомнились слова малограмотного политрука: «Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают». Тут мы

увидели другое. Наши бегут, и не все, а жалкие остатки. Также узнали от раненых и про то, как наши «бомблят». Самолеты, верно, бомбили, стараясь угодить в финнов, окруживших 54-ю дивизию, но иногда бомбы падали и на своих, а продукты и боеприпасы, которые они сбрасывали, чаще попадали к финнам, нежели к бойцам окруженной дивизии.

Увидели артиллерийскую батарею 76-мм пушек и хорошую землянку... Нас пустили погреться и подготовиться к предстоящим боям. Рядом походная кухня, и мы впервые за много дней поели горячей пищи...

Все, кого встречали, были возбуждены, так как бои шли не в нашу пользу. В артиллерийской землянке жили недолго. Быстро получили продукты на три дня – тушенку, масло, сахар, галеты, по шкалику водки (называли это «ворошиловским пайком») – и в сумерках вышли в первую разведку.

Что разведывать, куда, на какое расстояние – командиры не объяснили. Сошли на лыжах под гору и углубились в темный лес. Темнота постоянно разрывалась светом ракет красного, желтого, белого цвета. Впереди, справа, слева, сзади непрерывная стрельба – пулеметная, автоматная, минометная.

Вдруг передние остановились. Меня нашел командир взвода и дал приказ возвратиться назад, найти батальон, который должен идти за нами, и сообщить, что мы дошли до указанного рубежа, противника не встретили, и какой будет дальнейший приказ.

Я углубился в незнакомый лес по проторенной лыжне. Шел быстро. Несмотря на сильный мороз, весь взмок, впору было расстегнуться, так я волновался, что и усталость исчезла. Страх не было. Думал только одно: как бы найти батальон. Вдруг лыжня раздвоилась. Куда идти – вправо или лево? Прислушался, услышал какие-то голоса (почудилось – на чужом языке), пошел вправо и не ошибся.

Вскоре встретил головной дозор батальона во главе с начальником штаба (его узнал по росту, он был детина метра под два). Доложил начальнику штаба приказ, полученный от Сапрыкина, и выслушал площадную брань в адрес командира взвода, а также почему-то и в свой. Мне приказали вести батальон по знакомой лыжне. Светало, когда приблизились к месту, от которого я ушел с приказом, и увидели остатки взвода. Командир взвода тяжело ранен, помкомвзвода тоже. Невредимыми остались политрук и два санинструктора. Пока я ходил на связь с батальоном, разведчиков окружила большая группа финнов и расстреляла из автоматов и минометов. Беда была в том, что наши СВТ не стреляли. На морозе после первого выстрела затвор покрывался пленкой льда, и капсюль следующего патрона не разбивался бойком. После первых выстрелов разведчики уже не стреляли, а вот автоматы у командира взвода и помкомвзвода были в порядке, и они стреляли по финнам до

последнего патрона. Ну и по ним, ведущим огонь, финны сосредоточили ответный огонь и обоих тяжело ранили. Спас остатки разведвзвода наш приход к месту боя в составе батальона.

К утру поднялись две роты. Началась плохо мне понятная подготовка в бою. При свете утра я видел, что мы находимся на огромной сопке, покрытой сосновыми деревьями, а слева – лощина и озеро. Вот туда было приказано идти батальону. И тут началось побоище. Командиры, не имея разведанных, пошли в наступление, не зная силы и точного расположения противника. По батальону били из пулеметов и вели интенсивный минометный обстрел. Финны умело применяли минометы в лесной местности и нанесли батальону большой урон. Я в это время наткнулся на политрука и разведчика Никифорова из Кинешмы. Политрук вел огонь из автомата по финнам на другой стороне лощины. Я увидел за кустом пулемет, установленный на волокуше, и трупы убитых пулеметчиков. Я – пулеметчик, а политрук помогал с дисками. Находка дегтяревского дала возможность подавить огонь противника на правом фланге, чем пользовались наши и потеснили финнов к лесу. Вдруг застонал политрук: разрывная пуля раздробила ему голень правой ноги. Политрук стонет и просит ему помочь и не бросать его. Я снял пулемет с волокуши, положил на неё политрука и под сильным огнем стал вывозить из этого ада. Даже не заметил, куда делся Никифоров; видимо, его убило.

Мне одному пришлось вывозить раненого по изрытому, в ямах, снегу. С трудом затащил политрука в заросли кустов, немного отдохнул. Думаю, что делать: идти к ротам, продолжающим бой, или везти раненого. Пересилила жалость к человеку, стонавшему, ослабевшему от потери крови... (Ох, не любил Павел Шилов политруков, грешно сказать, ну прямо как финны – А.Ж.)

...Я отошел от санбата, не зная, что делать, куда направиться. Поел у стоявшей возле полуразрушенного сарая кухни и пошел искать своих... Под утро собрались оставшиеся в живых: командир отделения Плетнев, Смирнов, Морозов, один из санинструкторов и я. Вот и все уцелевшие разведчики.

К вечеру нас собрали появившиеся чужие командиры (командиры батальона, за исключением писаря штаба, старшины по званию, погибли), присоединили к дорожно-эксплуатационному полку, и мы пошли в новое наступление. Кроме дорожного полка в наступлении участвовали остатки нашего лыжного батальона (человек 200) и еще какие-то части. Шли слева от дороги по направлению к окруженной 54-й дивизии».

13 марта 1940 г. Последний день войны хорошо запомнился Павлу Шилову: «Недалеко от нашей обороны в тылу был сложен огромный штабель из убитых бойцов... Командир взвода повел меня туда и поста-

вил часовым возле этого трагического штабеля. Стоял я один и охранял, точнее – исполнял роль «почетного караула» у нескольких сотен погибших. Так в последнюю ночь кровопролитной войны я с винтовкой в руках, в сильный мороз, в темноте прощался с безымянными товарищами.

В ту последнюю ночь и утром до 12 часов дня гремели канонады. Поступил приказ: выпустить в сторону врага без особого прицеливания как можно больше боеприпасов – снарядов, мин и патронов. Трескотня пулеметная, автоматная и винтовочная, грохот пушек и разрывы снарядов вдали были такие, что лопались ушные перепонки.

Но ровно в 12 часов 13 марта 1940 года установилась непривычная тишина, которой не было с тех пор, как батальон прибыл на передовую. Радостное настроение: жить хотелось, хоть и пошли умирать добровольно.

А вернулись – новые события. Командир взвода находит меня, дает пистолет и приказывает спрятать его под куртку, благо она широкая и с поясом, так как берет меня в качестве сопровождающего на встречу с финскими офицерами. Суть переговоров заключалась в следующем: чтобы финны позволили собрать трупы наших на территории, занимаемой ими, а мы позволяем им забрать трупы на территории, занимаемой нашими. Наша делегация захватила несколько бутылок водки, буханок хлеба и немного мясных консервов. Все это угощение было с удовольствием принято финскими офицерами. С каким восторгом они схватили бутылки водки! Нам вручили несколько коробок конфет-леденцов... На переговорах... финский офицер показал, как наши бойцы ходят на лыжах: невероятно наклонился и, опираясь на палки, враскорячку прошел метров 20-30. А потом показал, как финны ходят на лыжах: оперся на палки, подпрыгнул и побежал, словно олень. Так закончились переговоры».

О технике лыжного хода финский офицер заметил справедливо, да это и ясно, большинство красноармейцев были выходцами из деревень. Лыжи там, где были снега, не использовались для спортивного бега, на них ходили, ходили на охоту, ходили на дальнюю лесосеку и т. д. Впрочем, и наш нарком маршал Ворошилов с картины околоремлевского «выдающегося советского живописца» академика художеств И. И. Бродского «К. Ворошилов на лыжной прогулке» (1937 г. Третьяковская галерея) не выглядит лыжным олимпийцем. Та же стойка в раскорячку, хотя и одет маршал в спортивный костюм, на ногах ботинки с пьексами.

К воспоминаниям Павла Шилова, студента из Иваново, отношусь серьезно, с уважением к его памяти, с некоторой иронией в описании. Жаль, что накладывает свой тяжелый отпечаток датировка публикации 1995 год – время циничного охаивания в ельцынских СМИ советского периода. Анекдот с «бомблящим» политруком разошелся по различным изданиям и программам. (Например, у Владимира Неvejина в книге

«Если завтра в поход...» (М., 2007) – см. стр. 175)

«Есть одна привязка к местности в тексте Павла Шилова: «шли снова от дороги по направлению к окруженной 54-й армии». Вероятно, 17-й ОЛБ был в составе группы майора Кутузова, направленной на помощь окруженной 54-й дивизии.

18-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Ярославль. В действующей армии (9-я армия) с 20.1.40 по 15.2.40 согласно «Перечню №8». Переформирован в 390-394 лыжные эскадроны.

19-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Кострома. В действующей армии (9-я армия) с 20.1.40 по 15.2.40 согласно «Перечню №8». Переформирован в 385-389 лыжные эскадроны.

20-й ОЛБ. Сведений нет. В «Перечне №8» информация отсутствует.

21-й ОЛБ. Сведений нет. В «Перечне №8» информация отсутствует.

22-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Горький. В действующей армии (8-я армия) с 18.1.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8». Переформирован в 216-220 лыжные эскадроны.

23-й ОЛБ. Сформирован в МВО. На 08.02.1940 в действующей армии.

27-й ОЛБ (отдельный комсомольский лыжный батальон). Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Новосибирск. 13-я армия. Переформирован в 420-424 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует. Лыжный батальон (его эскадроны) находились в действующей армии в период следования к местам назначения на территории ЛВО и были возвращены обратно после заключения мирного договора.

34-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Подольск. В действующей армии (9-я армия) с 31.1.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8». На 3 февраля согласно документам из архива РГВА действует совместно с 56-й стрелковой дивизией в районе озера, юго-западнее населенного пункта Коски. 11-13 февраля батальон в составе лыжной бригады (9,13,34-й ОЛБ) пытается разорвать кольцо окружения 54-й дивизии (см. 9-й ОЛБ). После окончания боевых действий в районе гибели лыжной бригады полковника Долина было найдено 720 тел погибших лыжников. Они были вывезены и похоронены на территории СССР.

В биографической справке о Герое Советского Союза У.Е. Швеце (1900-1944) отмечено: «В декабре 1939 – марте 1940 в должности командира 1-го комсомольского лыжного батальона (34-й лыжбат) участвовал в советско-финляндской войне в составе 9-й армии, где получил

обморожение». (Справку составил Валерий Воробьев – www.warheroes.ru/hero/hero.asp)

35-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Кострома. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Причислен к составу 9-й армии. Переформирован в 50-54 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

36-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Арзамас. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Причислен к составу 8-й армии. Переформирован в 39-43 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

37-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Владимир. В действующей армии с 3.2.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8». 11 февраля 1940 г. переведен в состав 15-й армии.

38-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Куйбышев. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин) с 31.01.1940 г. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 91-95 лыжные эскадроны. В действующей армии с 26.2.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8».

39-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Куйбышев. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин) с 31.01.1940 г. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 96-100 лыжные эскадроны. В действующей армии с 26.2.40 по 13.3.40 согласно «Перечню №8».

40-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском Военном Округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Вологда). Числился в составе 9-й армии. Переформирован в 430-434-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

Примечание: 27-й комсомольский, 40-й, 56-й, 75-й, 102-й, 103-й, 115-й, 116-й, 117-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й лыжные батальоны и их эскадроны находились в действующей армии в период следования к местам назначения на территории ЛВО и были возвращены обратно после заключения мирного договора. Согласно ведомости лыжных эскадронов и батальонов, находившихся в действующей армии в период финской кампании 1939-1940 гг. для расчетов с добровольцами по приказу НКО №63-40. (РГВА, ф.40442, оп. 1а, д.1798с, с.176-181)

41-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Архангельск). Переформирован в 435-439-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

42-й ОЛБ. Информация отсутствует.

43-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. На 08.

02. 1940 г. находился в пункте формирования (г. Архангельск). Числился в составе 14-й армии. Переформирован в 440-444-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

44-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Ишим. На 08. 02. 1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин) с 31.01.1940 г. Числился в составе 8-й армии. Переформирован в 101-105-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

45-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Ялуторовск. На 08. 02. 1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин) с 31.01.1940 г. Числился в составе 9-й армии. Переформирован в 106-110-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

46-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Казань. На 08. 02. 1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). С 31.01.1940 г. действовал в составе 9-й армии. Переформирован в 111-115-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

О батальонах, сформированных в Татарской АССР вспоминает казанское издание «Время и деньги» (январь 2009 г.) в статье Евгения Панова «На той войне незначительной»:

«...В конце декабря 1939 года в Казани формировались 46-й и 113-й отдельные лыжные батальоны (в каждом по штату – 785 человек). Добровольцами в основном были рабочие и студенты-спортсмены. Работа шла без специальных публикаций в печати и объявлений по радио, путем индивидуальных бесед. Например, так на фронт попал студент четвертого курса Казанского педагогического института Мансур Абдрахманов, впоследствии доктор философских наук, профессор, председатель Верховного Совета ТАССР.

В конце января 1940 года батальоны отбыли из Казани на фронт.

46-й отдельный лыжный батальон был придан 9-й армии и переформирован в 111-й, 112-й, 113-й, 114-й, 115-й лыжные эскадроны, которые действовали отдельно на Ребольском направлении. 9-я армия должна была разрезать Финляндию пополам, выйдя на побережье Ботнического залива. Однако из-за ряда просчетов эта задача не была выполнена.

Казанские лыжные эскадроны использовались как подсобная сила пехотных частей и подразделений. (В тексте звучат отголоски Директивы ставки №01582 от 6.02.1940 г. – А.Ж.) Они были разведывательными отрядами стрелковых частей, охраняли их фланги, заходили в тыл противника, разрушали его коммуникации. Отдельные эскадроны придавались штабам дивизий и корпусов для охраны командных пунктов и разведки вокруг них... Но эскадронам не хватало боевого опыта и осто-

рожности, так необходимой на войне. Из-за плохой лыжной подготовки многие бойцы действовали неэффективно. Некоторые лыжники плохо приспособлялись к труднопроходимой местности, буранам, морозам (до 45 градусов), а отдельные бойцы ходили в атаку в рост – все это приводило к большим потерям. Многие погибали не столько от ран, сколько от того, что кровь тут же замерзала...»

56-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Новгород. Числился в составе 8-й армии. Переформирован в 445-449-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

Некоторую ясность о делах ОЛБ, сформированных в Ленинградской обл. (Новгород, Луга) дают материалы Петровских чтений 2011 г. Автор одной из статей Тягур М.И. пишет о сформированном в Новгороде ОЛБ:

«...Он формировался ... с 3 по 12 января. Информацию об этом получаем из отчёта инструктора военного отдела обкома Гусеева. В документе отмечалось: «Из 724 чел., зачисленных добровольно в Красную Армию, мл. начсостава запаса - 89, рядовых (служивших в Армии) - 272 призывников 1918 года рождения - 30 чел., 1919 г. - 33, 1920 г. - 218, 1921 г. - 72, 1922 г. - 10 чел». Среди них было 63 коммуниста и 296 комсомольцев. «309 чел., прибывших из районов, направлены обратно, как не имеющие лыжной и другой военной подготовки». Примечательно, что заканчивал свой отчёт Гусеев примерно так же, как и его коллега Матвеев – предложением заменить значительную часть командиров батальона как «как не могущих обеспечить руководство подразделениями батальона». Как представляется, в обоих случаях замены не произошло...»

По данным цитируемого источника 56-й ОЛБ в боевых действиях участия не принимал. Известно, что 56-й ОЛБ находился во время боев на территории ЛВО, и был возвращен обратно в Новгород после заключения мирного договора.

60-й ОЛБ. Сформирован в Забайкальском Военном Округе. Пункт формирования ст. Дивизионная. По «Перечню №8» в составе действующей армии с 20.2.40 по 13.3.40 г. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). С 05.02.1940 г. в списке боевого состава воюющих сторон в восточной части Карельского перешейка, в северо-восточной группе 7-й армии. С 26.12.1939 г. – 13-я армия под командованием командира 2-го ранга В. Д. Грендаля. В реестре отдельных частей значится 5 лыжных подразделений:

4-й отдельный лыжный эскадрон (сформирован в БОВО);

60-й отдельный лыжный батальон (помните, на 08.02.1940 был в пункте сосредоточения г. Калинин);

91-й отдельный лыжный батальон (информации нет);

97-й отдельный лыжный батальон;

98-й отдельный лыжный батальон (оба сформированы в ЛВО).

Особой славы эти подразделения в боях на Карельском перешейке не снискали, если судить по списку подразделений, отмеченных по окончании войны правительственными наградами (орденом Красного Знамени или орденом Ленина).

60-й ОЛБ отмечен в директивах операций по подготовке к форсированию Выборгского залива. В составе группы 169 мотострелковый полк, 109 разведывательный батальон (оба из 86-й дивизии 7-й армии), а также 60-й и 11-й лыжные батальоны 2 марта 1940 г. на рассвете (затемно) начали движение по льду залива в направлении островов Туппуран-Саари и Тейкорин-Саари. 60-й ОЛБ совместно с пулеметной и стрелковой ротами 113-го ОЛБ должны были внезапно атаковать финнов, закрепившихся на Туппуран-Саари. На острове были расположены 152-я батарея и прожекторная станция. Финны не проморгали атаку красноармейцев и включили прожектора. Маскхалаты не скрыли нападающих. Заработали финские пулеметчики. Наши залегли. Историк утверждает, что поднять их удалось с большим трудом. (Подумайте только, как «тонко» об этом может рассуждать человек, никогда не шедший на пулемет – «с большим трудом»?) Атака острова Туппуран-Саари была поддержана действиями 169-го мотострелкового полка. Финны отошли на Тайкарин-Саари.

(РГВА. Ф.34980. Оп.1. Д.645. Л. не указан)

Командир 60-го ОЛБ 7-й армии Дьяконов А.А. в марте 1940г. отличился в боях за остров Туппуран-Саари – остров Вихревой в Выборгском заливе. После 25-километрового марша отряд Дьяконова вышел в тыл противника, захватил и удержал позиции на этом сильно укрепленном острове. Бой продолжался 17 часов. Дьяконова ранило, но он остался в строю. В дальнейшем отряд перерезал автостраду Выборг-Хельсинки. 21 марта 1940г. Дьяконову было присвоено звание Героя Советского Союза.

(www.otvoyna.ru/statya.9.htm)

61-й ОЛБ. Сформирован в Забайкальском военном округе. Пункт формирования г. Иркутск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин) Действовал в составе 7-й армии (группа комкора Павлова). Согласно «Перечню №8» в составе действующей армии с 20.2.40 по 13.3.40 г.

62-й ОЛБ. Сформирован в Забайкальском военном округе. Пункт формирования ст. Бырха. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). Числился в составе 9-й армии. Переформирован в 116-120-й лыжные эскадроны. В Перечне №8 информация отсутствует.

63-й ОЛБ. Сформирован в Забайкальском военном округе. Пункт формирования ст. Дацан. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). С 06.02.1940 г. действовал в составе 7-й армии

(группа комкора Павлова). Согласно «Перечню №8» в составе действующей армии с 20.2.40 по 13.3.40г.

64-й ОЛБ. Сформирован в Забайкальском военном округе. Пункт формирования ст. Линиха. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). С 08.02.1940 г. действовал в составе 7-й армии (группа комкора Павлова). Согласно «Перечню №8» в составе действующей армии с 21.2.40 по 13.3.40г.

65-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования г. Луга. Действовал в составе 7-й армии. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. (Согласно «Перечню №8» с 5.2.40 по 13.3.40)

М.И. Тягур провел поисковые исследования о судьбе и делах ОЛБ, сформированных в Ленинградской обл. (65-й в Луге, 56-й в Новгороде).

(Журнал «Самиздат» http://samlib.ru/t/tjagur_m_i/5.shtml)

«При изучении проблемы автор использовал неопубликованные документы, обнаруженные им в архивном фонде Ленинградского обкома партии. Они представляют собой: докладные записки работников военного отдела обкома ВКП(б) (данные, обнаруженные в них, позволяют выяснить процесс формирования и участие в боевых действиях). Есть стенограмма торжественного совещания добровольцев-лыжников, участвовавших в боях, от 4 апреля 1940 г. Материалы стенограммы позволяют нарисовать портрет бойца-добровольца и создать картину героизма.

В Ленинградской области по решению СНК СССР были сформированы два лыжных батальона. Один из них формировался в Луге, другой – в Новгороде. Начнем с лужского. Его формирование началось 3 января 1940 г. В комиссию по отбору бойцов входили интендант второго ранга Копцан (от областного военкомата), лужский военный комиссар майор Ельцов и инструктор военного отдела обкома П. Матвеев. Комиссия разместилась в здании Лужского райвоенкомата. Здесь происходило знакомство с добровольцами, подавшими заявления. Отбор был тщательным и строгим. 299 добровольцев было в батальон не принято, в основном по причине отсутствия «минимальной военной подготовки». Как написал в своём отчёте заведующему военным отделом обкома Соболеву П. Матвеев, «это произошло в тех районах, где плохо организована массово-оборонительная работа. Например, из 11 человек Палкинского района (ныне Псковской обл. – А.Ж.) возвращено 10 человек». Впрочем, даже при таком отборе в батальон попал доброволец Калинин, который скрыл от комиссии, что у него сломана рука. «Я сбросил повязку и поехал на фронт. Правда, к счастью, рука у меня быстро зажила...» И на фронт он уже попал здоровым.

До 6-го января на основании указаний, полученных в обкоме и директивы облвоенкома в батальон зачисляли «только тех лыжников, ко-

торые имеют военную подготовку и не менее трёх месяцев службы в РККА и допризывников, имеющих специальную подготовку (снайперы, пулемётчики и другие)». Потом стали брать и просто допризывников, владеющих лыжами, преимущественно имевших значок «Ворошиловский стрелок». Закончили формировать батальон 11 января, т.е. всего за неделю сформировали ОЛБ. В него было зачислено 649 человек. Среди них выделяются две группы добровольцев: ранее служившие в РККА - 249 человек (69 - командиры и младшие и средние, 174 - рядовые) и допризывники, прошедшие подготовку в добровольческом обществе Осоавиахим. В батальон входило 68 коммунистов, 325 комсомольцев. Батальон продолжал пополняться, так что на фронт из Луги отправилось уже 767 человек.

Прошедших отбор добровольцев селили в лужских школах. С самого начала батальон столкнулся с крупной проблемой. 10 января были получены обмундирование и лыжи. Согласно отчёту П. Матвеева, «лыжи доставлены 3-го сорта, сучковатые и, по мнению специалистов-лыжников, не годные для больших переходов».

12 января была проведена присяга. Только 13 числа батальон получил вооружение. До этого отсутствие оружия, естественно, тормозило боевую учёбу.

Отчёт о формировании батальона заканчивался так: «Считаю, что после 10-15-дневной боевой подготовки батальон может выполнять боевые задачи». И тут же инструктор, автор документа отмечает: «Для обеспечения лучшей боевой подготовки и боеспособности батальона необходимо заменить часть кадрового состава и вывезти батальон для учёбы из города Луги в более благоприятную и реальную обстановку».

Парадоксально, что в таком состоянии – с плохой подготовкой, с «сучковатыми» лыжами – батальон пойдёт в бой. Думается, выявлен ещё один характерный для подготовки Красной Армии эпизод.

... Всего в обоих батальонах было 1473 человека. Отказали в зачислении 608 добровольцам (это очень серьёзная цифра – А.Ж.). В добровольцы активно шли физкультурные работники, в том числе и председатели окружных комитетов физкультуры (Языков – председатель Новгородского окружного комитета; Роост – Псковского; Квасников – Чудовского; Ваулин – Лужского; Менхен – Кингисеппского).

Из двух батальонов в боях довелось участвовать лишь одному – лужскому, получившему номер 65-го лыжного. Он прошёл следующий путь: Куоккала (ныне Репино) – Перкярви (ныне Кирпичное), Хейн-иоки (ныне Вещево) – восточнее (в документе написано: «правее» на 3 км от ж.д. станции Репола. Начались фронтовые испытания для бойцов-добровольцев с перехода на лыжах от Куокаллы до Перкярви. Расстояние в 85 км батальон преодолел за 18 часов (хотя срок давался – сутки). Лыжи,

как упоминалось выше, к большим переходам не годились. Давала себя знать и неподготовленность к длительным переходам. Как позже объяснял командир отряда Медяников, «у нас были все лыжники, но эти лыжники не были подготовлены к переходам в полном боевом снаряжении, не были натренированы на длительные марши». В итоге, ещё не вступив в бой, подразделение понесло крупные потери – многие получили обморожение. Первый бой батальона состоялся 29 февраля у станции Хейн-иоки. Батальон вместе с 88-м стрелковым полком взяли станцию. Впрочем, инструктор военного отдела П. Матвеев об этом бое писал: «Противник, чувствуя очевидное превосходство наших войск, особенно серьёзного сопротивления не оказал и отошёл». Было ранено 6 добровольцев и один убит. Затем батальон участвовал в боях у пунктов, которые Матвеев в своей докладной записке обозначил как деревню Н и высоту 30. Высоту 30 батальон штурмовал один, в течение 14-ти часов (с 6 вечера до 8 утра). Потери батальона в этом бою в деле не указаны, про финские потери сказано лишь, что они оставили «полтора сарая» трупов. Снова сказалась плохая подготовка красноармейцев. «В этом бою особенно проявился недостаток – неумение у бойцов умело оказать первую санитарную помощь себе и раненому товарищу». Затем батальон вышел на отдых на станцию Хейн-иоки, после чего в день заключения мира (12 марта) участвовал ещё в одном бою у станции Репола в 12 км от Выборга. 41 боец и 18 командиров батальона получили представления к правительственным наградам.

Вместе с тем по причине безобразной организации добровольцы понесли огромные потери. Убито было 57 человек, ранено - 80. Больных и обмороженных было - 122 человека. 36 человек отстало от батальона, трое были переведены в другие части. «Итого, – подсчитывал инструктор военного отдела Матвеев в своей докладной записке, – отправились из Луги 767 человек, возвратились в г. Лугу 464 человека». И Матвеев отмечал: «Следует отметить, что большая часть потерь бойцов была по причине неосторожности и поспешности в бою». Кроме того, он подчеркивал: подготовка добровольцев-осоавиахимовцев имеет «серьёзные недостатки», что боевым оружием они владели плохо (нормы на «Ворошиловского стрелка», например, сдавали не на боевом оружии, а на мелкокалиберной винтовке), не умели правильно делать перебежки, метать гранаты, маскироваться, слабо знали материальную часть оружия. На лыжах тренировались ходить по лыжне на ровной местности. А в реальной боевой обстановке, на пересечённой местности – этого оказалось мало. П. Матвеев предлагал перестроить работу военных кружков Осоавиахима и по-другому проводить лыжную подготовку. Затем инструктор отмечал и недостатки в организации снабжения: «обмундирование было подогнано плохо, лыжи 3 сорта (ломались), в вещевом мешке было мно-

го груза». А в конце отчёта констатировалось: «Плохо была организована санитарная помощь бойцам. Раненых не на чем было эвакуировать. Только впоследствии были для этого использованы трофеи – финские «лодочки» (сани-волокуши для транспортировки раненых - Т. М.)...»

Инструктор военного отдела обкома П. Матвеев затронул суть проблемы – плохую организацию подготовки к войне. Между тем предложения инструктора носили сугубо локальный характер, касались лишь Осоавиахима и физкультурных организаций. Они и были приняты.

В архиве можно обнаружить тезисы доклада председателя Областного комитета физкультуры о перестройке физкультурной работы в области. В них констатируется и на массе примеров доказывается (в том числе и со ссылками на опыт действий 65 лыжного батальона), что существующая организация физкультурной работы неудовлетворительна, «не отвечает тем требованиям, которые предъявляются, особенно в связи с подготовкой трудящихся с обороной страны (так в тексте - Т. М.)».

13 июня того же года заведующие военными отделами обкома Соболев и горкома Верхоглаз направили секретарям обкома и горкома свою докладную записку о работе Осоавиахима, где делали вывод, что Осоавиахим «не готовил полноценные кадры для обороны страны», указывали на множество недостатков в его работе. К докладной записке прилагался проект, который предполагалось направить в ЦК ВКП(б). По этому проекту Осоавиахим вообще упразднился, а на его месте должна была быть создана новая организация – Добровольное общество «За оборону родины» («ДОЗОР»).

Участие добровольцев в «Зимней» войне – яркая и забытая страница военной истории. Энтузиазм и самоотверженность советских бойцов столкнулись с безответственностью, нераспорядительностью и недисциплинированностью деятелей военных структур, тыловых органов и партийных комитетов. Бойцы и младшие командиры своими страданиями, обморожениями, кровью добились победы».

67-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования г. Ленинград. Действовал в составе 13-й армии. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. По литературным источникам в архивных данных РГВА нет сведений по личному составу батальона. Согласно «Перечню №8» с 3.2.40 по 13.3.40 находился в действующей армии.

В составе батальона воевали (в частности) студенты Ленинградского института инженеров коммунального строительства (ЛИИКС). В монографии Беспалова А.В. и Новикова К.Ю. «Сороковые–роковые» (Академия ГПС МЧС России, 2010. 167с.) отмечается, что на факультете ФИПО ЛИИКС была «великолепно поставлена лыжная и стрелковая подготовка, несколько добровольцев (около 12 человек) из числа

слушателей принимали участие в советско-финской войне в составе 67-го отдельного лыжного батальона. Двое слушателей были награждены орденами Боевого Красного Знамени. Трое слушателей погибли в боях. В 70-х годах их могила была найдена усилиями комсомольской ячейки Высшей пожарно-технической школой МВД, на могилу регулярно осуществлялись выезды».

70-й ОЛБ. В документах носит название 70-й комсомольский отдельный лыжный батальон. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования г. Подольск. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Переформирован в 65-69-й лыжные эскадроны. Действовал в составе 15-й армии. В «Перечне №8» информация отсутствует. Хронику формирования и периоды боев комсомольского ОЛБ составил Сергей Тюрин (www.lyzbat1940.narod.ru/doroga.html) :

«...17 января 1940 года в Подольске (Московской области) начинается формирование 70-го Комсомольского лыжного батальона. Первая проблема: батальон не обеспечен помещением, так как отведённое ему помещение занято 34-м лыжбатов. Готовность формируемого батальона предполагается к 25 января 1940 года (3-я очередь) и предназначается он для отправки в 8-ю армию.

22 января фактическая комплектация:

Нач. состава – 42 человека

Мл. нач. состава – 78 человек

Рядового состава – 659 человек

24 января лыжбат укомплектован полностью, за исключением 1 врача и 1 политрука. При этом он недообеспечен миномётами 50-мм, ППД и револьверами. Прибытие вооружения ожидается 26-27 января. Также недополучены плащ-палатки, белые поясные ремни и патронные сумки.

27 января — лыжбат укомплектован личным составом, не хватает только врача.

29 января — врача нашли. Но с обеспечением по-прежнему проблемы: ППД отсутствуют, так как Ковровский завод не выполнил армейский заказ, кроме этого носилки-лыжи не имеют бамбуковых палок, а когда их заменили сосновыми, выяснилось, что под больший диаметр нужны другие полотнища. А также на каждый батальон положено 84 лыжных установки (волокуш). В Подольске дислоцировано 3 батальона — на всех отпустили 40. 2 февраля командарм 1-го ранга Шапошников получил доклад, что батальон сформирован, вооружён самозарядными винтовками АВС, но не отправляется из-за отсутствия дисковых ППД (пистолет-пулемёт Дегтярёва). ППД ожидаются к 13-14 февраля.

К этому времени решено отправлять пополнение в состав 15 армии, из 70-го лыжного батальона формируют 65,66,67,68 и 69 лыжэскадроны (по 150 человек в каждом). Формируются они на месте, в пунктах дисло-

кации. ППД обещают уже к 16-му февраля. Батальон обеспечен белыми ватными альпинистскими куртками и шароварами. Каждому бойцу выдан один подсумок и две запасные сумки.

3 февраля бойцам выданы на руки винтовки (АВС), револьверы и другое вооружение (несколько миномётов). Срок выдачи ППД перенесён на 17-е февраля.

21 февраля батальон отправлен эшелонам на фронт. Месторасположение на 6:00 утра 22.02.40 — ст. Люблино

24 февраля в 6:00 – ст. Бологое, Октябрьской ж/д 27 февраля в 6:00 — ст. Тосно, Октябрьской ж/д

28 февраля в 6:00 батальон разгружен с эшелона на станции Волховстрой. Лыжэскадроны 70-го лыжбата: 65,66,67,68,69, эскадроны 127 батальона: 70, 71,72,73,74 и 75-й лыжэск 126 лыжбата.

С 29 февраля 1940 года 70-й Комсомольский включается в боевые действия.

Боевые дела 15-й армии в марте 1940 г.

Перед 8-й и 15-й армиями стояла задача прервать почти непрерывную цепь поражений и неудачных наступлений.

3 марта части 37 мотострелковой дивизии после упорного боя заняли остров Зуб. После этого штаб 15-й армии разработал план новой операции по захвату злосчастного для десантников острова Максиман-саари. 6 марта после часовой артиллерийской подготовки первый батальон двинулся при поддержке танковой роты в атаку, которая на этот раз была проведена хорошо: десантники на лыжах шли непосредственно за танками, а часть - прямо на броню. К исходу дня Максиман-саари был полностью очищен от противника. Потери бригады были гораздо меньшими, чем в предыдущих неудачных операциях: 52 человека убитыми и 96 ранеными.

Противник оборонял острова... следующими силами:

а) Максиман-саари 4-я рота 39 пехотного полка, усиленная 4-6 станковыми пулеметами, 4-6 минометами и одним орудием.

б) Петяя-саари - две роты 38 пехотного полка, усиленные 6-8 станковыми пулеметами.

в) Паймион-саари 4-я рота 38 пехотного полка с 3-5 станковыми пулеметами, 2-3 минометами и 2 орудиями ПТО.

37 стрелковая дивизия (без 20 стрелкового полка) с двумя батареями 33 гаубичного артполка, вторым дивизионом 72 гаубичного артполка, батареей 392 гаубичного артполка, отдельной минометной ротой, ротой 357 танкового батальона, 204 воздушно-десантной бригадой и тремя лыжными эскадронами к 21.00 6 марта овладела Максиман-саари, Петяя-саари, Паймион-саари и утром 7 марта был занят Ханко-саари.

Противником оставлено до 500 трупов. Взято 12 человек пленных. Трофеи: 3-37-мм пушки, 2-81'-мм миномета, 13 станковых и 19 ручных пулеметов, 305 винтовок, 13 автоматов...

Наши потери: убито 87 человек, ранено - 331 человек. Подбито 7 и утонуло 4 танка Т-26, подбито 2 пулемета. Сбит один самолет СБ.

После мощной двухчасовой артиллерийской подготовки по о.Петяя-саари и Паймион-саари с рядом ложных переносов артогня на о.Максиман-саари и Vuوراتсу и авиационной подготовкой перед атакой 247 стрелковый полк с батареями 170 артполка и 103 противотанкового дивизиона, ротой 357 танкового батальона при поддержке двух дивизионов 170 артполка в 10 часов повел наступление на Паймион-саари. Первые эшелоны пехоты ползли с бронешитками. Атака была произведена в полном взаимодействии с артиллерией, минометами и танками. 247 стрелковый полк к 13.00 овладел Паймион-саари.

Выдержка из доклада командующего 15-й армией командарма 2-го ранга Владимира Николаевича Курдюмова:

72-я дивизия имела в своем составе 133-й и 187-й стрелковые полки. По состоянию на 20 февраля полки имели некомплект от 35 до 44%. 25-я мотокавдивизия вела безуспешные бои в районе оз. Ниетярви и на 20 февраля имела некомплект: 14-й полк, -73%, 63-й - 59%, 111-й - 77% и 138-й - 66%. Таким образом, дивизия не могла вести активных наступательных действий и нуждалась в срочном пополнении. 34-я танковая бригада находилась в окружении, за исключением подразделений одного батальона, которые были на охране штаба 56-го корпуса. <...>

В оперативном отношении направление главного удара армии, а до этого направление главного удара южной группы войск 8-й армии, было выбрано неудачно, неправильно. Вместо того, чтобы выполнять указания Ставки о выходе основной группировкой армии на лед Ладожского озера для действий в направлении Импилахти - Сортавала, все усилия армии были направлены на фронте: оз. Ниетярви - Питкяранта, т. е. на том направлении, где в связи с трудным рельефом местности и укрепленными позициями противника, операции заранее были обречены на успех. Единственная коммуникация армии Лодейное поле - Питкяранта находилась в неудовлетворительном состоянии и не могла обеспечить массового движения автотранспортов.

Финны активных действий на фронте армии не предпринимали, они оборонялись на широком фронте, умело использовали местность, а также хорошо применяли службу заграждений.

Оборонительные позиции финнов были хорошо замаскированы и расположены по двум основным направлениям действий армии в удалении 3- 5 км одна от другой. Все они были оборудованы финнами еще в мирное время и состояли из проволочных заграждений в 5-10 рядов,

противо-танковых рвов, минных полей и деревоземляных сооружений полевого типа, усиленных камнями.

Перед фронтом армии действовали части 12-й и 13-й пехотных дивизий и часть отдельных батальонов, все они входили в состав 4-го армейского корпуса.

Потери белофиннов в боях были довольно большие. По данным, которые были получены от пленных и неоднократно подтверждались, потери белофиннов в боях в районе Уемас, Леметти и Питкяранта составляли до двух третей личного состава.

Ход боевых действий. С момента формирования армии на фронте были следующие операции: наступление в районе Питкяранта 10-15 февраля; наступление на острова 15 февраля; наступление в районе Питкяранта 23-24 февраля и еще наступление 6 марта. Первые три операции не увенчались успехом. Основные причины этого:

- 1) неправильное определение направления главного удара армии;
- 2) недостаточно полная подготовка операции на местности;
- 3) плохая организация взаимодействия пехоты с артиллерией и танками.

Пехота атаковала без поддержки танков, без соответствующего сопровождения артиллерии. В этих операциях артиллерия армии не была использована как следует, часть ее была резервирована».

71-й ОЛБ. Комсомольский батальон. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – пос. Дубровицы, Московской обл., Подольского р-на. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Действовал в составе 8-ой армии. Переформирован в 81-й – 85-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

72-й ОЛБ. Комсомольский батальон. Сформирован в Московском военном округе. Пункт формирования – г. Серпухов. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Переформирован в 86-й – 90-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует. Имеются сведения о московском добровольце из этого батальона, слесарь с завода Илюшина.

ХАРАКТЕРИСТИКА

На командира отделения 87-го отдельного легко лыжного эскадрона Тарабукина Николая Николаевича

Товарищ Тарабукин добровольно вступил в ряды РККА 17 января 1940 года. Участвовал в операциях Ленинградского военного округа против финской белогвардейщины. В бою показал себя, как смелый, выносливый боец и инициативный командир преданный делу Ленина-Сталина.

*Командир эскадрона лейтенант П/П
Комиссар эскадрона (Н.Карнаухов)*

[Сохранены орфография и синтаксис оригинала]

[Р.Г. Шмаглит. Советский Союз во Второй мировой войне.

Малоизвестные локальные войны, антигитлеровская коалиция и сопутствующие им события. Москва, 2008]

*В память о советско-финской войне в СССР никакой медали или памятного знака не появилось. По воспоминаниям разведчика 87-го отдельного лыжного эскадрона, прошедшего всю войну, по возвращении домой всем бойцам батальона «выдали по 300 руб. рядовому составу и по 500 руб. младшим командирам, талоны на водку и забыли о нас напроочь». Лишь некоторые участники войны получили благодарности от своих совестливых ротных или батальонных командиров

[<http://bogatov.info/cgi-bin/gw?b=Genbase;i=644>]

73-й ОЛБ. Сформирован в Киевском особом военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Киев). Действовал в составе 15-й армии. Переформирован в 320-й – 324-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

74-й ОЛБ. Сформирован в Киевском особом военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Киев). Действовал в составе 15-ой армии. Переформирован в 325-й – 329-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

75-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Новосибирск). Действовал в составе 9-ой армии. Переформирован в 425-й – 429-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

77-й ОЛБ. 8-я армия. Сформирован при 38-м запасном стрелковом полку распоряжением военным советом армии. В «Перечне №8» информация отсутствует.

78-й ОЛБ. 8-я армия. Сформирован при 38-м запасном стрелковом полку распоряжением военным советом армии. В «Перечне №8» информация отсутствует.

97-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Ленинград. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. В перечне «Отдельные части» указан в составе 13-й армии, сформированной 26.12.1939 г. на базе северо-восточной особой группы (в составе 7-й армии с 4.12.1939 г.). В действующей армии («Перечень №8») с 8.2.40 по 13.3.40.

97-й ОЛБ (один из ленинградских) после январского затишья в боях на востоке карельского перешейка занимал позиции на ледяном берегу Ладоги. Хорошо оснащенный как снаряжением, так и подготовленным личным составом (из ленинградских спортсменов-?) батальон был сформирован как подвижное мобильное подразделение для разведки

и подрыва обороны финнов в опасных условиях снежной заметности. Рядом с ним был расквартирован уникальный 9-й аэросанный отряд – несколько специально вооруженных аэросаней – скоростных, фанерных машин с огромным пропеллером за кормой.

04.02.1940 г. в оперативной директиве командующего 13-й армией – приказ для 97-й ОЛБ прорвать УР противника на фронте Кююреля, нанося главный удар в общем направлении от м. 132,2, Каадианокока. Вероятно, попытка прорыва укрепрайона была неудачной.

11.02.1940 г. аэроотряд и 97-й ОЛБ атаковали по льду озера, но попав под прицельный артобстрел, не стал рисковать и вернулся на свой берег. Утверждают, что финская разведка обнаружила на льду озера множество следов, пятна крови и несколько брошенных мин. Ни оружия, ни раненых, ни убитых...

19.02.1940 г. о действиях (неудачных) в этот день 97-го ОЛБ (точнее сводной роты этого батальона) говорится в Постановлении Военного Совета 13-й армии. Приводим это постановление полностью:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Военного совета 13-й армии о наказании виновных в невыполнении боевой задачи 91-м разведывательным и 97-м лыжным батальонами 2-4 февраля 1940 г.

Военным советом 13-й армии было дано задание командованию 3 ск 19.02.1940 сформировать отряд с оперативной целью.

Штаб 3ск к выполнению боевого приказа отнесся формально и безответственно не подготовил отряд, не проинструктировал руководящий состав отряда, не довел своевременно задачу до непосредственных исполнителей.

Так, командир отряда аэросаней капитан Новолоцкий на рекогносцировке местности не присутствовал и задачу получил в 23.00 18.02, тогда как по приказу 3 ск он к 18.00 18.02 обязан был доложить о готовности его подразделения к выступлению.

При назначении руководящего состава отряда не было обращено внимание на его подготовленность к выполнению данной задачи. Выделенный командир для руководства движением колонны по азимуту, помощник начальника штаба 91-го орб лейтенант Агафонов, не имел опыта вождения по азимуту и с этим совершенно не был знаком. Причем при движении у лейтенанта Агафонова кроме компаса и схемы движения ничего не было. Агафонов не имел даже часов, чтобы учитывать пройденный маршрут.

Помощнику начальника оперативного отдела штаба 3 ск старшему лейтенанту Голубцову было поручено организовать и проследить за подготовкой отряда. Это задание не было выполнено. Голубцов не проследил за своевременным доведением приказа до исполнителей и за

подготовкой отряда к выполнению боевого приказа.

Командир отряда – командир 91 орб капитан Егоров и комиссар отряда комиссар 91 орб 49 сд старший политрук Павлов проявили полную безответственность при подготовке отряда к выступлению и руководстве отрядом, приказал командирам рот вести свои подразделения самостоятельно.

Все это привело к тому, что отряд к выполнению приказа не был подготовлен. Личный состав отряда, в том числе и командный состав, задачу действий отряда не знал и с обстановкой своевременно не был ознакомлен. Не все бойцы отряда были обеспечены маскировочными халатами.

Отряд выступил разрозненно, неорганизованно, с большим опозданием (1-я группа выступила с опозданием 35 мин, 2-я на 50 мин. 3-я на 1 ч 20 мин, 4-я на 1 ч 50 мин).

В результате неправильного движения по азимуту отряд заблудился, к месту сосредоточения на исходное положение не вышел. Движение было медленное и мер для ускорения движения командованием отряда принято не было.

Приказ капитана Егорова – вести роты самостоятельно – привел к тому, что сводная рота 97-го отд. лыжного батальона под командой капитана Севрука оторвалась от остальных подразделений и вышла на 1.5 км южнее. Сам капитан Севрук роту не вел, а, сформировав вокруг себя группу бойцов, двигался за ротой в 600-700 м.

В результате растерянности и неорганизованности отряд подставил свой правый фланг под огневые точки противника. В ответ на огонь противника в условиях наступившей видимости ни со стороны командира отряда капитана Егорова, ни со стороны капитана Севрука команды для открытия огня по противнику подано не было, был открыт только редкий ружейный огонь отдельными бойцами по своей инициативе.

Капитан Егоров при встрече с противником проявил полную растерянность, выпустил руководство, оставив свои подразделения на льду под огнем противника.

Командир 97-го отд. лыжного батальона капитан Севрук проявил трусость: будучи легко раненным заставил себя вынести из зоны обстрела противника, после чего стал ходить свободно, самостоятельно. С оказанием ему медпомощи Севрук остался на медпункте и, только после указания врача на незначительность его раны и что его место на поле боя, Севрук вернулся в батальон. Таким образом, в силу преступной безответственности и неорганизованности отряд задачу не выполнил, потерял ориентировку и связь между подразделениями и, попав под огневые точки противника, неорганизованно отошел, потеряв 94 человека убитыми и ранеными.

Военный совет постановляет:

За преступную безответственность и халатность, проявленную при подготовке отряда, за растерянность и неорганизованность при выполнении боевой задачи командира 91 орб 49 сд капитана Егорова и военного комиссара 91 орб старшего политрука Павлова от занимаемой должности отстранить, назначить на менее ответственную работу и просить Военный совет Северо-Западного фронта о снижении их в звании.

Командира 97-го отд. лыжного батальона капитана Севрука за проявленную трусость от должности отстранить и просить Военный совет Северо-Западного фронта о снижении его в звании.

Начальнику отдела комначсостава штаба 13 к 25.02 доложить кандидатуры на должность командира 91 орб и 97-го отд. лыжного батальона. Начальнику политуправления к 25.02 назначить комиссара 91 орб.

За формальное отношение к подготовке отряда, нераспорядительность и несвоевременное доведение боевого приказа до исполнителей помощнику начальника оперативного отдела штаба 3 ск старшему лейтенанту Голубцову объявить выговор.

Предупредить начальника штаба 3 ск майора Большакова о несерьезном с его стороны отношении к подготовке этого отряда.

Обратить внимание командования 3 ск на недопустимость подобного позорного случая при выполнении оперативной задачи.

Просить Военный совет Северо-Западного фронта утвердить настоящее постановление.

Командующий 13-й армией командарм 2 ранга ГРЕДАЛЬ

*Члены Военного совета армии корпусной комиссар ЗАПОРОЖЕЦ,
комбриг 1 ранга ЮЛЫГИН.*

98-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Ленинград. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. В перечне «Отдельные части» указан в составе 13-й армии, сформированной 16.12.1939 г. на базе Северо-Восточной особой группы (в составе 7-й армии с 04.12.1939 г. по 26.12.1939 г.) 04.02.1940 г. по оперативной директиве командующего 13-й армией находился в резерве. В действующей армии, согласно «Перечню №8», с 05.02.1940 по 13.03.1940.

99-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Ленинград. На 08.02.1940 г. находился в действующей армии. Согласно «Перечню №8» действовал в составе 7-й армии с 2.2.40 по 13.3.40.

100-й ОЛБ. Сформирован в Ленинградском военном округе. Пункт формирования – г. Ленинград. Действовал в составе 7-й армии.

Неожиданное упоминание о 100-м ОЛБ встречаем в книге американского журналиста Гордона Сандера «Зимняя война» (М., Вече; 2012),

где приводятся слова «санитара 100-го отдельного лыжного батальона Георгия Прусакова»: «Большого всего запомнилась несостоятельность нашей армии, потому что с такой горсточкой, как враждебная страна, мы не смогли разделаться как следует и вовремя. Нам показали, как надо воевать». Цитату американец использует в качестве эпитафии. Жаль, что без ссылки на источник. Рассказ Прусакова заканчивается так: «И для нас значимыми оказались бои за эти острова. Правда, потом, в Отечественную войну, через отголоски финской войны, может быть мы показали, как надо воевать». [<http://gorod.tomsk.ru/index-1297661874.php>]

Рассказ Георгия Васильевича Прусакова бесхитроsten, названы фамилии бойцов ОЛБ, и мы приводим его почти полностью.

«Батальон наш был смешанный, наполовину рабочий, наполовину студенческая молодежь. Тогда я работал в Центральном котлотурбинном институте, здесь, наискосок от Политехнического института. Меня пригласили в комитет комсомола. Была там такая Циля Донде, секретарь комитета комсомола, сказала, что организуются лыжные батальоны для борьбы с белофиннами – так принято тогда было говорить, и спросила, не хочу ли я принять участие. Я согласился, тут же. И нас таких оказалось от котлотурбинного института я, Коля Рябинин, Борис Деурин, не вернувшийся, кстати, с войны – непонятно, что с ним случилось – без вести пропал, и Василий Сидорин. Да, четыре парня нас было. Причем Вася Сидорин был бывший курсант Артиллерийского Училища на Литейном. По каким-то причинам, возможно, связанным с его родственниками – время-то такое было, он был демобилизован из армии. Короче, говоря, мы отправились. Причем трое – я, Рябинин и Деурин, попали в один батальон, а Вася Сидорин в другой, возможно, даже в один батальон с Тойво. А всего батальонов было десятка полтора, наверное. Естественно, номер у них были, и не соответствовали порядку. Я местный, питерский, родился в буквально 50 метрах отсюда. Там был дом деревянный двухэтажный. Всю мою жизнь до того времени я прожил на Удельной, Соновка рядом, и соответственно лыжами я владел неплохо. По природе не был хилым парнем, и короче говоря, был зачислен в лыжный батальон. Наш батальон формировался на базе Инженерного училища, которое дислоцировалось тогда в Инженерном замке. Управление и учебные классы находились тогда на Садовой, рядом с кинотеатром, не знаю, как он сейчас называется, а тогда он «Форум» назывался, вроде бы. А казармы, склады и все прочее находились на площадке Инженерного замка. Кстати, моя койка находилась в бывшей спальне Павла первого, где его задушили, оттуда черный ход был. Но это к войне не относится. У нас были теоретические занятия, ознакомление с оружием. А вооружены мы тогда были по последнему слову техники. У нас вплоть до командира отделения были пистолеты ТТ, тогда это была еще новинка, по сравнению

с наганами. Рядовые были обеспечены винтовками СВТ, десятизарядными, полуавтоматическими. Впервые был применен на них не четырехгранный, а кинжальный штык. Были автоматы ППД, не ППШ, а ППД, с круглыми дисками. Были ручные пулеметы Дегтярева. И были пулеметы «Максим». Были легкие минометы, самого минимального калибра. Все это было за плечами или на волокушах. И единственное, чем мы в казарме занимались, было знакомство с вооружением. Разбирали, собирали. Это заняло, наверное, 60 учебных часов. Огневой подготовки у нас не было, огневая подготовка была на территории Карельского перешейка, мы туда приехали, и дней пять из него стреляли. Заряжали, разряжали, и так далее. А перед отправкой на фронт наш батальон выехал сюда, на Удельную, в район Сосновки. И здесь была своего рода боевая лыжная подготовка. Построения, перестроения, на местности готовились. Вот и вся наша подготовка перед отправкой на фронт, а потом, как я и говорил, порядка недели мы в районе Райвола упражнялись в стрельбе. Когда мы формировались, я был зачислен в батальонный взвод разведки. А когда мы выехали в Сосновку, в это день, когда тренировались, я оказался вместо разведчика в санитарях. А почему? У меня была до войны собака, немецкая овчарка. Кстати, я во время войны таких собак сам тренировал. В 1933 году, в год прихода Гитлера к власти, наш питомник НКВД закупил в Германии партию собак. И мой отец, через своего приятеля, который работал в этом питомнике, по-моему, в 33-м же году и купил там щенка. Девочку. Лотта была. Великолепная, красавица была, до сих пор со слезами на глазах вспоминаю. Умница была удивительная. И по мере того, как она подрастала, а я становился все старше и старше, я оказался в пионерском лагере, который базировался здесь же, в Сосновке на базе лагеря Осоавиахима, тогда здесь был Осоавиахимовский лагерь, для периодического пополнения практики и знаний тех, кто уже отслужил кадровую службу. Собирали, как по-моему и теперь собирают для того, чтобы люди помнили свою специальность. Вот при этом осоавиахимовском лагере у нас была нормальная пионерская жизнь, палатки были натянуты так же, как у всех из лагеря Осоавиахима. И там мы дрессировали своих собак. Этот лагерь был организован по линии клуба служебного собаководства, который шефствовал над этим пионерским лагерем. Собаки подразделялись на конвойно-сторожевых, санитарных, затем, по-моему, просто сторожевых, и розыскных собак. И я со своей собачкой оказался в группе ребят, тренировавших собак на санитарную службу. У них были две переметные сумы через спину на ляжках и их задача была обнаруживать раненых, подползать к ним, и предоставлять им возможность взять медикаменты из сумок. Ну вот и когда у нас тут была тренировка в Сосновке, я показал свои санитарные знания. В лагере-то мы все время тренировались – эвакуация с поля

боя, перевязка и оказание первой помощи. И на мое несчастье я перевязал на глазах нашего начальника санслужбы. А начальник санслужбы наш был студент, точнее не студент, а слушатель Военно-медицинской академии, 5 курса, по-моему. К сожалению, ни имени, ни фамилии его я не помню. Тот увидел, и спрашивает:

- Ты из какого подразделения?

- Разведвзвод!

- Ну, ладно...

После этого, когда вернулись из Сосновки, он меня разыскал, немедленно к комбату – отдайте мне его, его и учить не надо. И я попал в эту самую санитарную часть, а санитарная часть у нас состояла из пяти человек, и врач шестой, этот слушатель из Военно-медицинской академии. У нас было трое ребят из Института гражданского воздушного флота, тоже на Литейном, я четвертый, потом нам дали кадрового служащего старшину медицинской службы, из Всеволожска. Андрей Могила его звали, я на всю жизнь запомнил. Вот и вся наша медсанчасть. Четверо ребят добровольцев, кадровый служащий и врач. Так же, как все, мы были с автоматами, так же мы таскали волокуши, на которых раненых вытаскивали и эвакуировали. И уже когда мы в Финляндию приехали, основной вид санитарного транспорта у нас был две повозки – розвальни. Наша задача была доставлять их до ближайших пунктов санитарной службы, а там эвакуация была уже машинами и всякими другими средствами. Наша задача была эвакуировать раненого с поля боя. И представляете себе, что такое санитар в боевых порядках, пока раненых нет вокруг тебя, помощь оказывать некому, перевязывать некого, стреляешь, если есть в кого стрелять. То есть самая нормальная служба, без всяких преимуществ, связанных с пребыванием в тылах, да у нас и тыла-то не было как такого. Я не знаю, Тойво наверное уже говорил, что у них положение было точно такое же, как у нас – финны, уходя, все сжигали, оставались погребки разные, развалины на пожарищах – вот это было место нашей ночевки. Вот так мы и двигались, начиная от Райвола, от деревни Ванхасаха. Это даже не деревня, а хутор скорее всего – всего несколько домов, больших, деревянных, но двухэтажных. Это была наша основная база перед началом боевых действий. Дальше мы шли в сторону Выборга, вдоль берега залива и Нижневыборгского шоссе, железная дорога была правее нас. У нас была специальная одежда. Альпийские костюмы, на шерстяном ватине. Двусторонняя. С одной стороны белая маскировочная, а с другой стороны темно-синяя повседневная – когда нам не надо было прятаться, на марше где-нибудь. Белая ткань была плотная, но достаточно мягкая, не брезент. Капюшоны были пристегивающиеся соответствующие. Это была верхняя одежда. Затем валенки и сапоги, причем сапоги не обычные, а сшитые по специальному заказу. Сапоги предусматривали возможность

крепления к лыжам скобяными креплениями. У них был продолговатый прямоугольный носок, широкий рант, чтобы можно было зацепить, широкий каблук, слегка наклонный, для того, чтобы можно было застегнуть задний ремень. Затем на подъеме был ремешок с пряжкой, чтобы нога не болталась, можно было затянуть, и ремешок на подъеме, чтобы тоже можно было затянуть. Это что касается сапог. Затем выдавали по две пары носков, потом у некоторых было больше чем две пары. Обычные носки хлопчатобумажные и шерстяные носки, причем такие, довольно солидные, толстые, в сапоге тоже тепло было. Что еще? Про верхнюю одежду я рассказал. Нижнее белье было теплое. Костюмы были не лыжные, но типа лыжных. Шаровары с перемычкой, и фуфайки, но это на самом деле не фуфайка, а рубашка, длинные рукава манжеты вязанные, воротник такой, но невысокий, и то, и другое из верблюжьей шерсти. На голове подшлемник вязаный, у меня недавно его моль съела, я его выбросил. Подшлемники вязанные, и мы в теплую погоду, хотя тепло почти не было - все время под 40 градусов – их скатывали, и еще козыречек выпускали. Буденовок не было. Только подшлемник, каска и капюшон. Помимо этого, у нас были гимнастерки и шаровары, как у всех, форма, все-таки. Какие были петлицы, не помню, не обращал внимания. Подсумки были по моему белые, а у части из нас были скорее сумки для дисков, для ППД. С одной и с другой стороны. По два диска влезало. Они перекидывались через плечо, и был еще ремешок, чтобы не болтались. Гранатной сумки у меня не было. А у остальных были. Противогазные сумки не носили. Был у нас обычный сидор. Ватников у нас не было, ватный костюм у нас был. Каски были круглые, обычные, без гребешка. Часть касок была выкрашена в белый цвет. Были рукавицы с пальцем для стрельбы и перчатки. Низ был тонкий брезент, а верх коричневый, мохнатый. Внутри был ватин. У командиров не было особых знаков различий, все друг друга знали в лицо, насколько я помню, все были одеты абсолютно одинаково. У нас как у санитаров не было повязок с красным крестом или каких-то других знаков отличия. Но нас же было пять человек, нас все в батальоне знали в лицо. Единственное, что у нас было – это сумки санитарные. При этом мы носили их, как правило, не крестом наружу, а крестом внутрь. Наш батальон был 764 человека. Вот примерно до этого места, здесь на карте группа островов – Эси-саари, Питкя-саари, Ласи-саари. Так вот на этих островах мы людей и потеряли. В этом месте нам пришлось столкнуться с частью шведского добровольческого корпуса. Вот тут-то нам и досталось. Мы в основном штурмовали эти острова ночью, и никаких танков или чего-то такого не было. Пока шли по береговой полосе, были танки, но не в плане взаимодействия с ними – увы и ах, приходилось видеть подбитые наши танки. Кстати, танки были еще тех времен, довоенных - Т-26, бетушки. И вот глядя на эти машины, невольно как-то сложилось желание

– если придется служить дальше, то где угодно, в какой угодно пехоте, но не дай Бог в танковой части. Я ведь понимал, что служба добровольцем только на время. И что вы думаете? Через год – год дали отдохнуть, призвали меня. В апреле месяце, даже трех или четырех дней до дня рождения не дали дожить – и поехал я не куда-нибудь, а в Западную Украину, в град Львів, в только что формировавшуюся танковую дивизию, в 32-ю. Вот так до конца я в танковых войсках и служил. С пехотой мы взаимодействовали, но такого особого взаимодействия не было, как в Великую Отечественную – пехота на танках, пехота с танками. В основном мы действовали как полуразбойное подразделение, понимаете. И вот на этих островах, из 764 человек, мы потеряли больше всего людей. Нас вернулось 136 человек. Конечно, часть была ранена. Много было обмороженных, хотя жир гусиный был против обморожения. Причем многие сами виноваты, что обмораживали ноги – пришли на привал, вытащи валенки из вещмешка, одень их. Нет, ходят в сапогах! Вот так многие и морозились. Снег в котелках растапливали, галеты были, консервы были, причем консервы были мясные, затем что еще? Сухари были черные. Сгущенка была, наша, не американская, родная, сладкая. Водку не помню. Просто не помню. Потому что питейщиком в то время я еще не был. Ночевали по-разному. Старались использовать пожарища, точнее, остатки пожарищ, погреба. Частично лапник. Иногда, в ветреную погоду рыли себе котлованы. Плащ-палатки мы не ставили, а в вещмешках они по моему были. Огонь не разводили, нам это было запрещено делать. Кушочки были, не много, но были. Причем не встречали нас в лоб, а действовали с тыла. Но не знаю, их было немного, и не было решающим. Их несколько человек оставалось. Энное количество людей они выкашивали, но их было немного. Во-первых, они били по тем, кто шел впереди, считая, очевидно, что это командный состав, потом, они если видели идущих пулеметчиков с «Максимами», их убивали, затем убивали, сильно нагруженных, с волокушами. То есть они действовали выборочно, но это не было массовым явлением. По поводу автомата «Суоми» – мы не воспринимали это как нечто необыкновенное, поскольку мы все сами были оснащены автоматическим оружием. СВТ мы выбрасывать не выбрасывали, но старались ими не обзаводиться. Автоматы держали с собой, а вместо винтовок – карабины. Если удавалось обзавестись карабином, то мы считали это большой удачей – удобно. А СВТ действительно винтовка аховая. Летом – это оружие, довольно весомое, а в финскую войну, в эти морозы – не смазать. Все равно что-то примерзает, какая-то влага туда попадает, и ни туда и ни сюда – она же самозарядная, полуавтоматическая. В боях на Линии Маннергейма мы не участвовали, только проходили мимо. Непосредственно за Линией Маннергейма была наша деревня Ванхасаха. Что там еще было? Ванханиemi, что ли. Линию Маннергейма

только-только прорвали, пошли войска, и нас сунули в это хозяйство. Основной бой у нас был за эти острова, хотя мы принимали участие в боях и по пути туда. Но на этих островах «повезло» нам. Лично у меня не было какой-то ненависти к финнам. Пленные? Сдавшихся как таковых, с поднятыми руками, ни одного не видел. Часть из них отошли, те кто смог отойти, а битых там много было. Много, много. Наших легло там много, и их тоже. Под огонь береговой артиллерии на льду мы не попадали, потому что в основном мы передвигались ночью. Вот когда вышли на эти рубежи, двигались только ночью. Никакой военной пропаганды я не помню, ни листовок, ни устных передач. Политрук во-первых вел соответствующую работу с комсомолом, но в тех условиях особенно не наработаешь. А не комсомольцев у нас не было, все были комсомольцы. Последние дни войны. Мы подходили уже непосредственно к Выборгу, после того, как с этих островов ушли. Мы были уже в поле зрения города, мы видели уже отдельные городские постройки на берегу. Я не помню по времени, помоему, рано утром, но помню, что темно было. Может, это был вечер, может, раннее утро – по подразделениям, по цепочкам, по личному составу была команда – в 12 часов 13 марта должен быть прекращен огонь. И утром такая канонада была – как с нашей, так и с финской стороны! Лупили как могли. В 12 часов – муха пролети, слышно было бы. Ни одного выстрела. Мертвая тишина. Даже не верится, что так могло быть. А потом начали приходить в себя, начали кто что мог бросать кверху. С финскими солдатами после заключения перемирия добровольцы из нашего батальона не встречались. От нашего батальона ничего не осталось – горстка людей и все. Соседние части были, конечно – фронт есть фронт. У меня лично было какое-то безразличное состояние. Вроде все оборвалось, вроде все кончилось. Была неудовлетворенность какая-то, а вроде так должно быть. Полная неопределенность. Моя служба добровольцем была учтена военкоматом – ведь я должен был призываться в 1940-м, а призывался в 1941 году – получил целый год отсрочки. Но кроме того, после возвращения сюда я получил путевку в один из санаториев Крыма, кстати, там тоже встретил еще одного парня нашего, раненого. Там он лечился. И месяц я там наслаждался теплом Крыма после зимы. За финскую войну я представлялся к награде, но это потом все похерилось.

Что больше всего запомнилось в ту войну? Больше всего запомнилась несостоятельность нашей армии, потому что с такой горсточкой, как враждебная страна мы не смогли разделаться как следует и вовремя. Все джентльменские вещи были, предупреждения, туда сюда. Нам показали, как надо воевать. И для нас значимыми оказались бои за эти острова. Правда, потом, в Отечественную войну, через отголоски финской войны, может быть, мы показали, как надо воевать».

(Интервью и обработка текста Баира Иринчеева 2002 г.)

101-й ОЛБ. Нет информации

102-й ОЛБ. Сформирован в Белорусском особом военном округе. На 08.02 находился в пункте формирования г. Орша (БССР). Действовал в составе 9-й армии. Переформирован в 300-й – 304-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

103-й ОЛБ. Сформирован в Белорусском особом военном округе. На 08.02 находился в пункте формирования г. Орша (БССР). Действовал в составе 9-й армии. В «Перечне №8» информация отсутствует.

105-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Ижевск. На 08.02 находился в пункте сосредоточения – гор. Череповец. Действовал в составе 15-й армии. Переформирован в 127-й – 131-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

106-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Челябинск. На 08.02 находился в пункте сосредоточения – г. Череповец. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 137-й – 141-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

107-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Челябинск. На 08.02 находился в пункте сосредоточения – гор. Череповец. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 142-й – 147-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

108-й ОЛБ. Сформирован в Уральском военном округе. Пункт формирования – г. Уфа. На 08.02 находился в пункте сосредоточения – г. Череповец. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 132 – 135 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

109-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Саратов. На 08.02 готовился к боям в гор. Калинин. Действовал в составе 7-й армии (группа комкора Павлова). Согласно «Перечню №8» в действующей армии с 21.2.40 по 13.3.40.

110-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Саратов. На 08.02 готовился к боям в г. Калинин. Действовал в составе 7-й армии (группа комкора Павлова). По данным «Перечня №8» в действующей армии с 21.2.40 по 13.3.40.

111-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Пенза. На 08.02.1940 г. по данным находился в пункте сосредоточения (г. Калинин). Входил в состав 7-й армии. С 31.01.1940

Из приказа Военного Совета Балтийского флота коменданту зимней обороны г. т. Григорьеву – «с рассветом 4 марта части зимней обороны в составе 1, 2, 3, 4-го батальонов особой специальной стрелковой бригады, 50-го отдельного стрелкового батальона, 111-го и 112-го отдельных лыжных батальонов, батальона особого назначения и Берего-

вого отряда сопровождения должны оттянуть на себя силы противника от Ристниеми до Котки». Это на фронте около 80 км. Цель операции – отвлечь противника от действий 86-й мотострелковой дивизии, которая «переправлялась» по льду Выборгского залива. Операция удалась – после перехода с утра 4 марта батальоны и Береговой отряд начали демонстративные действия на трех направлениях: у мыса Ристниеми, у островов Киускери и Куовода, и у острова Хапасаора. Острова Киускери и Куовода даже были заняты 111-й ОЛБ и БОНОм. Противник подтянул к месту демонстрации свою пехоту. В ночь на 5 марта части зимней обороны отошли в исходное состояние, 86-я мотострелковая вышла на западный берег Выборгского залива.

По данным «Перечня №8» в действующей армии с 21.2.40 по 13.3.40.

112-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Чкалов. На 08.02.1940 г. находился в месте сосредоточения в г. Калинин (с 31.01.1940 г.). О боевых действиях в составе группы Балтийского фронта (см. информацию о 111-м ОЛБ). По данным «Перечня №8» в действующей армии с 21.2.40 по 13.3.40.

113-й ОЛБ. Сформирован в Приволжском военном округе. Пункт формирования – г. Казань. На 08.02.1940 г. находился в месте сосредоточения в г. Калинин (с 31.01.1940 г.). По данным «Перечня №8» в действующей армии с 20.2.40 по 13.3.40.

3 марта 1940 г. в 4 утра 113-й ОЛБ основными силами вместе с 109-м разведывательным батальоном атаковали Тейкорин-Саари. Подразделения ОЛБ потеряли ориентировку и вынуждены были вести атаку в боевых порядках других подразделений, атакующих остров. Бой был упорным, к полудню была занята примерно треть острова. Однако финны за счет своей лучшей тактической выучки и мобильности постепенно взяли наших лыжников и разведчиков в полукольцо, затем окружили их. «На одной из опушек была полностью уничтожена 2-я рота 113-го лыжного батальона. Лыжники сражались до последнего патрона. Многие, оказавшись в безвыходном положении, кончали с собой». Дело было на 96-й день войны и добровольцы уже знали, что такое попасть в руки к финнам. Казанское издание «Время и деньги» (январь 2009) писало: «113-й отдельный лыжный батальон был придан 86-й Казанской мотострелковой дивизии имени ЦИК ТАССР. 29 февраля дивизия вошла в состав 28-го стрелкового корпуса 7-й армии, действовавшей на Карельском перешейке по плану прорыва линии Маннергейма. После прорыва второй оборонительной полосы корпус преследовал противника с целью выхода на острова южнее Выборга. В этих боях хорошо зарекомендовал себя 113-й отдельный лыжный батальон, приданный в оперативное подчинение 169-му стрелковому полку 86-й мотострелковой дивизии и использовавшийся для разведки, выхода на фланги и в тыл противника,

для атак опорных пунктов на островах. В отчете начальника артиллерии 28-го стрелкового корпуса сказано: «169-й стрелковый полк с героическими лыжниками смог захватить сильно укрепленный остров Туппурансаари с 8-ю железобетонными сооружениями, одной крепостной 155-мм батареей и одной 76-мм батареей».

В итоге 169-й полк вместе с остатками 113-го лыжного батальона, прорвав береговую оборону на полуострове Бычья Голова, захватил деревню Вила-Ноки. После трехдневных боев на северном берегу Финского залива 28-й стрелковый корпус прочно закрепился на захваченном плацдарме. Вскоре начались бои за город-крепость Выборг, которые окончились 13 марта 1940 года в связи с подписанием перемирия. 86-я мотострелковая дивизия и 169-й стрелковый полк за образцовое выполнение боевых заданий указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами Красного Знамени, 342 воина дивизии – орденами и медалями. Так, медалью «За отвагу» был награжден бывший слесарь Казанского порохового завода Рашид Ураскузин, сражавшийся добровольцем в составе казанского лыжного батальона. Боевых наград был удостоен еще один боец батальона – бывший секретарь комитета ВЛКСМ, председатель студенческого профкома КХТИ Александр Хоризоменов.

Далеко не все татарстанские лыжники вернулись домой. На советско-финской границе погиб красноармеец 113-го лыжного батальона Александр Бажутин, призванный в армию Ленинским райвоенкоматом Казани. Разведчика 46-го отдельного лыжного батальона, бывшего второкурсника КХТИ, спортсмена-лыжника Василия Щербакова убил финский снайпер... Некоторые наши бойцы захоронены на площади поселка Кондратьево Выборгского района Ленинградской области, где в настоящее время сооружен памятник... А сколько было и поломанных жизней. Так, красноармеец 113-го лыжного батальона, уроженец села Кунтечи Лаишевского района Тимофей Бакин 22 августа 1940 года был арестован «за сдачу в плен белогвардейцам», осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей (реабилитирован 18 ноября 1957 года).

Прошло 70 лет, но в Татарстане и сегодня очень мало знают о своих земляках, сражавшихся на той войне. Основная масса документов и материалов, касающихся советско-финской войны, недоступна историкам и массовому читателю. Так, в Национальном архиве РТ под грифом секретности в фонде Татвоенкомата (Ф. Р-592) хранятся дела по формированию и расформированию 46-го и 113-го отдельных лыжных батальонов».

114-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Новосибирск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда). С 04.02.1940 г. действовал в составе 8-й армии.

Переформирован в 152-156 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

115-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Канск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда). С 04.02.1940 г. действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 157-161 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

116-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Новосибирск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда) с 04.02.1940 г. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 157-161-й лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

117-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Красноярск. На 08.02.1940 г. находился в пути (ст. Кисерь) к пункту сосредоточения (г. Вологда). С 04.02.1940 г. действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 162-166 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

118-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Бийск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда) с 03.02.1940 г. Действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 167-171 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

119-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Барнаул. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда). С 03.02.1940 г. действовал в составе 8-й армии. Переформирован в 172-176 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

120-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Томск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда). С 02.02.1940 г. действовал в составе 9-й армии. Переформирован в 177-181 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

121-й ОЛБ. Сформирован в Сибирском военном округе. Пункт формирования – г. Сталинск. На 08.02.1940 г. находился в пункте сосредоточения (г. Вологда). С 02.02.1940 г. значился в составе 8-й армии. Переформирован в 182-186 лыжные эскадроны. По данным ведомости лыжных эскадронов и батальонов, находившихся в действующей армии в период финской кампании 1939-1940 гг. для расчетов с добровольцами по приказу НКО №63-40 (РГВА, ф. 40442, оп. 1а, д. 1798с.л. 176-181) находился в действующей армии в период следования к местам назначения на территории ЛВО и были возвращены обратно после заключения мирного договора.

122-й ОЛБ. Сформирован в Калининском военном округе. Пункт формирования – г. Калинин. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Действовал в составе 7-й армии. Согласно «Перечню №8» находился в действующей армии с 20.2.40 по 13.3.40.

123-й ОЛБ. Сформирован в Калининском военном округе. Пункт формирования – г. Смоленск. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования. Входил в состав 9-й армии. Переформирован в 121-125 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

124-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Горький). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 44-49 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

125-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Кострома). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 55-59 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

126-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Подольск, Московская обл.). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 75-80 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

127-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Подольск, Московская обл.). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 70-74 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

128-й ОЛБ. Сформирован в Московском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Белев, Тульская обл.). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 60-64 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

130-й ОЛБ. Сформирован в Харьковском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Харьков). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 310-314 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

131-й ОЛБ. Сформирован в Харьковском военном округе. На 08.02.1940 г. находился в пункте формирования (г. Харьков). Входил в состав 15-й армии. Переформирован в 315-319 лыжные эскадроны. В «Перечне №8» информация отсутствует.

190-й ОЛБ. Из данных «Перечня №8» в действующей армии с 23.2.40 по 13.3.40.

239-й ОЛБ. Из данных «Перечня №8» в действующей армии с 25.1.40 по 13.3.40.

Примечание к главе 4

1). 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й лыжные эскадроны формировались из кадров кавалерийских дивизий округа БОВО – 3-й лыжэск в 8-й армии, остальные – в 9-й армии. 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 35-й, 36-й, 37-й, 28-й, лыжные эскадроны формировались из кадров кавалерийских дивизий округа КОВО – 5-й, 6-й лыжэск в 9-й армии, остальные – в 8-й армии.

При реформировании лыжных батальонов 2-го, 11-го, 12-го, 22-го, 23-го в лыжные эскадроны, к последним, к данному ГШ РККА порядковому номеру распоряжением Военного Совета 8-й армии для внутреннего употребления прибавлялась цифра 183, например: 181 лыжэск + 183 = 384 лыжэск.

2) Перечень № 8

Полевых управлений фронтов и армий, управлений оперативных групп, корпусов, дивизий, бригад, укрепленных районов и бригадных авиационных районов, а также полков, отдельных батальонов и других подразделений и учреждений, входивших в состав Действующей армии за период боевых действий у оз. Хасан в 1938 году, на р. Халхингол в 1939 году, при освобождении западной Белоруссии и западной Украины в 1939 году и за время советско-финляндской войны 1939/1940 гг.

Глава пятая

Добровольцы из Менделеевского

За нашу цветущую Родину

В период, когда финская белогвардейщина напала на наши границы и стала угрожать колыбели пролетарской революции – нашему замечательному городу Ленина, 19 лучших коммунистов и комсомольцев т.т. Эпштейн, Попов, Гельбштейн, Мушулов, Оськин, Павлов, Нюнин, Александров, Василевский, Дубин, Борисов Б.И., Борисов Б., Поляков, Елькин, Кузнецов, Кудряшов, Богословский, Тужилкин, Люстгартен добровольно пошли сражаться на фронт за нашу цветущую родину.

(XX лет МХТИ им. Д.И. Менделеева – М. 1940. С.64)

Участники финской войны студенты МХТИ – добровольцы-лыжники, декабрь 1940 г. (из личного архива Виктора Попова, им подписано)
1-й ряд слева направо: И. Тужилкин, Р. Эпштейн, Б. Борисов, А. Гельбштейн
2-й ряд: В. Попов, Ю. Люстгартен, М. Оськин, В. Александров, Е. Елькин
3-й ряд: В. Кузнецов, В. Богословский, В. Поляков, И. Кудряшов, И. Дубин

О девятнадцати лучших, ушедших добровольно на фронт со студенческой скамьи, на Миусах известно многое (не все, конечно, и для исследователя истории Менделеевки поле деятельности обширное). Здесь и публикации в «Московском технологе» и «Менделеевце», заметки, сделанные поисковиками в 1960-1970 гг., материалы в фондах Музея истории РХТУ. Заметки уникальны по форме: эти характеристики сделаны автором творческим, тонко чувствующим человека как индивида, так и в коллективе. (Допускаем, что это сделано под влиянием текстов Юлиана Семенова). Исторический аромат времени предвоенных лет тонок и впечатляет. Как всегда забыто, затерялось имя автора этих характеристик. Автором этих характеристик могла быть Татьяна Владимировна Клушина – ветеран института, хорошо знавшая менделеевский коллектив на страшном срезе лет прошлого века: «До – Война – После». Есть другая версия об имени автора кратких характеристик друзей – Владимир Александров. (Эти характеристики выделены курсивом.)

Что делали на финской войне студенты, не курсанты военных школ или училищ, не слушатели военных академий, а простые, обычные студенты, даже самых, самых гражданских ВУЗов и ВТУЗов? Вопрос, требующий обязательного ответа ещё и потому, что осенью 1939 года, после принятия «Закона о всеобщей воинской обязанности» практически все парни первокурсники большинства вузов (технических чуть ли не в первую очередь) были уже призваны в ряды РККА. Кто-то из них попал в военные училища и школы, кто-то в сержантские школы, кто-то непосредственно в армейские части. Парни со средним образованием необходимы были для РККА, которая находилась на пути реформ от милиционно-территориальных формирований к армии на базе конституционной всеобщей воинской службы. Из того призыва назовем несколько имён – П.В. Ковтуненко (в будущем выпускник и профессор физхима), С.Г. Петров (сын профессора Г.С. Петрова, сгинет в 1941г. под Смоленском), В.Ф. Ростунов (в будущем один из руководителей советской химии, Лауреат Ленинской премии), Е.Ф. Кузнецов, человек из большого спорта СССР, Е.А. Ефимов – доктор наук, выпускник ТНВ 1951 г.

Из истории Университета Менделеева

Накануне Отечественной войны (собственно война с фашизмом уже шла – боевые операции в Испании и, на Халхин-Голе, говорили о том, что скоро загремит по всему свету) началось пополнение рядов Красной Армии. Нужны были грамотные, толковые парни на должности младшего командирного состава. В октябре 1939 года в ряды Красной Армии были призваны студенты 1-го курса Менделеевки, которые затем стали непосредственными участниками Великой Отечественной. А через 2 месяца

первая группа студентов – добровольцев (19 человек) отправились на фронт «странной» войны – разведки боем перед основными сражениями 40-х. На советско-финский фронт в составе 10-го отдельного легколыжного батальона ушли Р. Эпштейн, Попов, Гельбштейн, П. Мушулов, Оськин, Павлов, А. Нюнин, В. Александров, И. Василевский, И. Дубин, Борисов Б.И., Борисов Б.Г., Поляков, Елькин, Кузнецов, Кудряшов, Богословский, И. Тужилкин, Г. Люстгартен.

Отбор был крайне строгим, но энтузиазм перевешивал. Вернулись не все. В феврале 1940 г. были смертельно ранены Анатолий Нюнин (студент 2 курса 138 ф-та) и Иван Василевский (студент 2 курса ф-та ТОВ). В первый день перемирия погиб выпускник спецфакультета Наум Червинский. Так был открыт скорбный мартиролог нашей дани молоху войны.

Фото на память

Удивительная фотография (стр. 92). Родные, веселые лица менделеевцев, наших предков. Фотография по поводу, завтра проводы добровольцев на фронт, на войну. Что такое война из них никто не знает – гражданская далеко, за горами времени, бои на Халхин-голе (локальная армейская операция РККА), действия в Польше («братская» рука помощи народам Западной Белоруссии и Украины) тоже как-то легко. И песня «Если завтра война...» звучала как призыв или посыл к уверенной победе. А как же иначе.

Фотография не раз публиковалась в нашем «Менделеевце» и почти всегда с подробным рассказом, жаль только, ни разу не перечислены все участники проводов. Мы попробовали восстановить имена добровольцев, уходящих на фронт в декабре 1939 г. (выделены курсивом), и их друзей, оставшихся ждать в родной Менделеевке.

1 ряд сидят слева направо:

Е. Елькин, А. Илюхин, Колотилова - (стрелковая секция), И. Василевский, И. Дубин;

2 ряд сидят: *И. Тужилкин, Б. Борисов (рыжий), М. Оськин, П. Мушулов, И.Я. Пильский (директор МХТИ), Е. Шатловский, Э. Корф (секретарь бюро ВЛКСМ ОТФ), Б. Борисов (черный);*

3 ряд стоят: ..., ..., *С. Володарская, Г. Макаров, С. Павлов., С. Б. Авербух (преподаватель), Г. Булгакова (Ланина), возможно, Громилов (ректор по х/ч),...*

4 ряд стоят: *В. Попов, Вернидуб ?, В. Богословский, В. Александров, С. Степанов (секретарь комитета ВЛКСМ ИХТ), Н. Попова (Шатловская), А. Гельбштейн, Р. Эпштейн, ...*

О тех, кто на фото, – рассказ в статьях из «Менделеевца».

Рассказ о дружбе

Больше 15 лет прошло с того вечера...

У стола, накрытого по-праздничному, под большим уютным абажуром хлопотали девушки. Хозяйке – Гале Булгаковой доставалось больше всех.

- Девочки, сюда еще стул! Здесь Игорь сядет, здесь – Ваня, здесь... Ох! Не хватает вилки!

Звонок в дверь.

- Ребята, заходите скорее, вас ждем!

Веселым шумом наполнилась комната. Сели за стол. Здесь было много шуток и немного вина, много веселого и минуты грусти. Пели задушевные песни о товарище, который в край далекий улетает, о комсомольцах, уходящих на войну. Этот студенческий вечер навсегда запомнился им. Наутро четырнадцать менделеевцев, четырнадцать хороших комсомольцев-активистов ушли на фронт.

Стояла зима 1939 года. Пехота оказалась бессильной в снежном царстве лесов Карелии. Нужны были легкие подвижные лыжные отряды. Эти отряды укомплектовали добровольцами-спортсменами. Лыжники-менделеевцы попросили направить их в один отряд. Среди них были весельчак Ваня Василевский и Роман Эпштейн, Борис Борисов «рыжий» - хороший снайпер и Борис Борисов «черный» – отличный пулеметчик, Михаил Оськин и Иван Дубин, Игорь Тужилкин и Володя Александров. Все – хорошие закаленные спортсмены.

Павел Мушулов не мог допустить, чтобы друзья ушли на фронт без него, но вот беда – он не очень хорошо ходил на лыжах. Сказать прямо – скверно ходил. Южанин – он сокрушенно вздыхал: «Разве я виноват, что в Армавире нет снега? Где же было научиться?» Но он все же записался в лыжный батальон и каждую свободную минуту вставал на лыжи и занимался, занимался, а лучшие лыжники института – Ваня Дубин и Миша Оськин стали его терпеливыми тренерами.

Стрелять умели все хорошо, стрелковая секция института считалась одной из сильнейших в Москве.

...Новый 1940-й год встретили в пути. В кружках шипела газированная вода. Дружно выпили за счастье, за победу, за дружбу. Она возникла еще в институте и крепла с каждым морозным днем их дороги на фронт.

...Последние «теплушки» – железная буржуйка, ее длинная труба выведена в маленькое окошко. А там, за тонкими стенами вагона, ветер гневно бросает в ночь пригоршни снега, от мороза поскрипывают рельсы. Хорошо в такую погоду сидеть вокруг печки, тесно прижавшись друг

к другу. Тусклая лампочка вырывает из полумрака знакомые лица. Идет неторопливый разговор, прерываемый порой раздумьем, разговор, то затухающий, как их копилка, то снова ярко искрящийся шутками.

- А наши сейчас органику сдают, вдруг сказал молчавший до сих пор Виктор Попов. Я ее больше всего боялся. А сдавать вот и не пришлось.

- Вернешься, сдашь, – бросил Игорь с верхней полки.

- Органика... о чем жалеет! – Экзамен не сдал!.. Вмешался Ромка Эпштейн. – Я бы сейчас в Большом сидел или на «Волгу-Волгу» пошел бы. А то – органика!

- И «Волгу-Волгу» посмотрим, когда вернемся, – упорно продолжал Игорь. – Все вместе сходим в кино.

- Все вместе... – тихо сказал кто-то, и разговор вдруг прервался. И все почувствовали в это момент, как дороги они – каждый друг-другу, как великая сила этого короткого слова – друг! И кажется – больше в тебе сил, когда рядом товарищи, и не страшно то, что впереди, даже если впереди – война, может быть – смерть...

Это был их первый бой. Лыжники залегли цепочкой на опушке. Впереди – за небольшим полем – опять лес. Там – враги. Роман Эпштейн залег с пулеметом. Недалеко от него – Ваня Василевский, Володя Александров, Виктор Попов...

Сильный огонь заставил врагов залечь. В белых маскировочных халатах они почти не видны. Тоненько позванивают пули, чт-то непонятное быстро говорит пулемет. Идет бой.

Вдруг пулемет умолк. Стон.

- Ромка ранен! – Не раздумывая Ваня бросился к товарищу. На его груди быстро расплзлось красное пятно. Иван торопливо начал перевязывать товарищу рану, но острая боль опрокинула его самого. Иван и Ромка ранены!

- Держитесь, друзья, мы вам поможем, – и Володя Александров, видевший все, бросился к раненым.

Роман смог идти сам, рана была нетяжелая, а у Вани раздроблен позвоночник, он потерял сознание. Его положили на волокушу от пулемета. Володя Александров полз, толкая впереди себя волокушу, подбадривая Эпштейна, который сжав от боли зубы, полз рядом.

А в это время Павел Мушулов с пулеметом отражал натиск белофиннов.. Вдруг выстрелы прекратились, потом раздались где-то левее и сзади. Павел прислушался: обошли. Трудно было ориентироваться в лесу. Пошел на выстрелы, скоро наткнулся на группу своих лыжников. Огонь «кукушек» заставил броситься на землю, зарыться в снег.

- Неужели так и умереть лежа, не поднимая головы? Давайте пробираться к своим, – решительно сказал Павел. Держаться вместе, раненых не оставлять. Поползем.

И вот все позади – свои. Только теперь почувствовали, как давила усталость, волнение за друзей – дорого стоил им первый бой. Ромка ранен, а Ваня... Ивана Василевского спасти не смогли: он погиб, не закончив своего первого боя.

Разведки были короткие и длительные, днем и ночью. Но всегда они требовали от людей большой осторожности, смелости, напряжения всех сил. После нескольких бессонных ночей засыпали на ходу. И странно было видеть, как вдруг кто-нибудь боком валится в снег, мирно посапывая. Его тут же поднимут, разбудят «Вставай, брат, еще не приехали...»

Хочется курить, но чтобы свернуть «Козью ножку», надо снять рукавицу, а мороз так и ждет этого, хватает за пальцы, чтобы долго не отпустить и заставляет сжимать зубы и ругать на чем свет стоит эту погоду, снега Карелии и войну, которая скорей бы уж кончилась, черт возьми!

В конце концов с курением приспособились: свертывали одну громадную цыгарку сразу на всех и передавали по очереди следующему. Плохо приходилась, впрочем, последнему – ему доставался маленький окурочек, который даже губы жжет. Его так и называли – «ГБЖ».

Это было больше пятнадцати лет назад: окончание войны с белофиннами, дорога в Москву, встреча в институте. Большой актовый зал не вместил всех их товарищей, всех студентов и преподавателей, которые пришли, чтобы приветствовать четырнадцать добровольцев. А вернулось двенадцать, и молча встали сотни людей, вспомнив Ивана Василевского и Анатолия Нюнина, оставшихся на поле боя.

Уже давно нет мальчика Володи Александрова, а есть преподаватель Владимир Николаевич. Из неуклюжего паренька Игоря вырос закаленный в двух войнах Игорь Михайлович Тужилкин, хорошо известный в нашем институте. Солидным Павлом Исаевичем стал Павлик Мушулов. Секретарем парткома крупного НИИ избирается Борис Иванович Борисов. Но снова молодеют они, когда встречаются, когда вспоминают те годы и дорогу на войну, и погибших друзей. И по-прежнему крепка их дружба.

*Л. Липкина, Б. Чесноков
«Менделеевец» №6/1957*

Вот о чём рассказала фотография

В декабре 1939 года десять наших студентов – менделеевцев уходили добровольцами на фронт с Московским 10-м легколыжным добровольческим батальоном. Шла война с белофиннами. На прощанье они сфотографировались вместе с провожающими. Батальон уехал в Подольск, а спустя две недели одно подразделение отправили на фронт. Это были:

Иван Дубин, Иван Василевский, Игорь Тужилкин, Борис Борисов, Миша Оськин, Павел Мушулов, Толя Нюнин, Роман Эпштейн, Семён Павлов, и Володя Александров.

С фронта не вернулись Иван Василевский – член бюро ВЛКСМ по спортивной работе и Толя Нюни.

Иван Иванович Дубин сейчас работает в НИИ; Борис Иванович Борисов – в Министерстве газовой промышленности; Игорь Михайлович Тужилкин – зам. Министра медицинской промышленности. Павел Исаевич Мушулов – директор Учэкпрома; Владимир Николаевич Александров сейчас полковник, старший преподаватель Академии химической защиты. Роман Иосифович Эпштейн трудится в Гипрогазпроме; Семён Павлов погиб в Отечественную войну.

Вместе со студентами воинов провожали Иосиф Яковлевич Пильский, тогда директор института, преподаватель Самуил Борисович Авербух (теперь декан заочного факультета) и помощник директора по хозяйственной части Громилов С.Г.

Женя Шатловский ушёл на фронт в 1941 году и погиб под Москвой. Его жена Нина Семёновна Шатловская (Попова) работает в НИИ. Ильяхин в 1939 году был стрелком ОСОАВИАХИМа, а теперь работает в Министерстве оборонной промышленности. Фира Корф раньше была секретарем комитета ВЛКСМ общетехнического факультета, а сейчас работает в ВЦСПС. Миша Оськин – председатель профкома общетехнического факультета. После войны он был редактором республиканской газеты и вместе с женой Сарой Володарской погиб в Ашхабаде во время землетрясения. Глеб Николаевич Макаров – профессор, доктор технических наук, трудится в нашем институте на кафедре коксохимии. Сергей Степанов – тогда секретарь комсомольской организации ИХТ факультета – теперь начальник лаборатории НИИ. Галя Булгакова в 1939 году – член бюро ВЛКСМ, а сейчас секретарь парткома министерства.

Жизнь разбросала питомцев Менделеевки. Их можно найти в любом городе. И везде они трудятся, принося огромную пользу стране.

*Н. Тимофеева
«Менделеевец» №21/ 1968*

В заметке «Евгений Шатловский» описаны переживания одного из лидеров комсомола Менделеевки тех лет:

«Началась война с белофиннами. Активисты института пошли в райком (по той системе районирования г. Москвы – это был Советский РК ВЛКСМ, находился он на Миусской площади) с просьбой отправить их на фронт. 19 человек были направлены в лыжный батальон, который должен был действовать в тылу врага. Женю врачевная комиссия признала негодным к воинской службе. Он очень переживал случившееся. «Как я

буду смотреть в глаза товарищам?» – сказал он Нине (Поповой), своей будущей жене. И он идет в райком партии, но секретарь райкома категорически против.

Женя отдает все силы организации проводов ребят на фронт, всё время поддерживает переписку с ребятами. Комитет комсомола посылает своим товарищам посылки. Ребята и на фронте всегда чувствовали рядом плечо своего верного друга Жени Шатловского.

*С. Калашников
«Менделеевец» № 9/1965*

Заметка интересна тем, что впервые названо точное число добровольцев – девятнадцать, только воевали они не в одном взводе, это точно.

Как бы хотелось – «никого не забыть» на этой знаковой для истории СССР и Менделеевки фотографии, но время неумолимо. Дальше мы попытаемся (если получится) вспомнить о каждом из 19 добровольцев-менделеевцев. Порядок по списку из истории института (XX лет МХТИ) 1940 г.

Роман Эпштейн

студент 3 курса

Секретарь комитета комсомола МХТИ в 1940-1941 годах, выпускник 1945 г. На фронт Великой Отечественной войны ушёл одним из первых.

Характеристика друзей

Считается, что гормон адреналин определяет активность человека. Вероятно, Роман мог бы щедро одарить своим адреналином несколько человек, и при этом собственная активность всё равно была бы выше средней. Он был активен и неутомим. Отличная учёба, задорный азарт, талант организатора, умение заинтересовать и привлечь к делу самых различных людей, влить в них свой энтузиазм, сразу же выдвинули его в комсомольские вожаки. Чуткий и отзывчивый, Роман всегда находился в гуще студентов, и ничто человеческое ему не было чуждо.

Ветеран, инвалид войны Р.О. Эпштейн был обязательным участником ветеранских встреч в послевоенной Менделеевке. В «Менделеевце» к 20-й годовщине Великой Победы опубликована его небольшая заметка.

Студенты в серых шинелях

Мне хочется рассказать о том вкладе, который внесли в победу комсомольцы нашего института.

В 1939 году 17 (по уточненным данным 19 – авт.) комсомольцев-менделеевцев добровольцами ушли в лыжный батальон. Это был комсомольский актив, причём наиболее, если так можно выразиться, спортивная его часть. Дружный коллектив менделеевцев в боях показал свою хорошую подготовленность, нерушимую товарищескую спайку. Двое наших лучших активистов, замечательные ребята Ваня Василевский и Толя Нюнин, погибли, спасая своих товарищей. Короткая, но суровая война с Финляндией была большой жизненной школой для её участников.

После возвращения комсомольцы – участники этих боёв – стали тем ядром, вокруг которого строилась спортивно-оборонная работа.

В 1940-1941 гг. в институте активно работали многочисленные спортивные секции, оборонные кружки и школы: стрелковые, авто – и мото – дела, медсестер, парашютные. Спортивно-оборонная работа была одной из основных для комсомольской организации и института.

И когда началась война, на следующий же день в комитет комсомола начали поступать десятки и сотни заявлений от тех, кто хотел пойти в армию добровольно. Среди них были почти все активисты, большинство участников боёв в Финляндии. Много было заявлений и от девушек, особенно окончивших школу медсестёр (очень мало информации о боевой деятельности медсестёр - менделеевок). С первых же дней, вернее часов после начала войны комсомольцы-менделеевцы включились в активную помощь фронту. Рыли траншеи в Миусском парке, охраняли институт, разносили повестки и многое другое.

Многие из них не вернулись. Это секретари комитета комсомола института Женя Шатловский и Володя Грифцов, заядлый парашютист Миша Триус, снайпер Женя Елькин и другие. Многим студентам пришлось, не закончив института, работать на оборонных предприятиях.

После войны большинство фронтовиков вернулось в институт и с завидным упорством закончили своё образование. Сейчас почти на всех химических заводах, в научно-исследовательских и проектных институтах, во многих партийных и государственных органах можно встретить бывших комсомольцев-фронтовиков, которые также достойно представляют там Менделеевку, как они это делали на фронте.»

*Р. Эпштейн,
секретарь комитета ВЛКСМ МХТИ, 1940–1941 гг.*

В фондах музея истории РХТУ им. Д. И. Менделеева бережно хранится оригинал письма Романа Эпштейна из ленинградского госпиталя. Вот текст письма, написанного карандашом на восьмушках простой (серой) типографской бумаги.

*Галине Булгаковой (Ланиной) от Романа Эпштейна
(письмо из госпиталя, Ленинград, 28.2.1940)*

Здравствуй, Галинка.

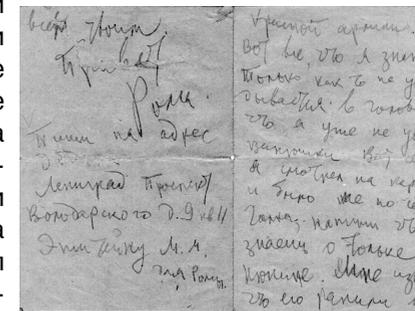
Твое письмо и все остальные письма мамаша вчера привезла. Они доставили мне большое удовольствие. Приятно знать, что все же о тебе помнят. Огорчило меня письмо Тамары Селетовой (*фамилия написана неразборчиво*, - авт.) об итогах полугодия. Немного не соответствуют эти итоги тому подъему, который переживает страна. Особенно это чувствуется в Ленинграде. Здесь люди работают по суткам и более, не считаясь ни с чем. Ну, думаю, что все же дело выправится. Да, надо же тебя поздравить с новым годом. Что касается ВТУЗ к-та, то он и мне по совети не особенно нравится. Ты торопись с приемом, а то смотри, я раньше переведусь в члены. (Ведь у меня в марте кончается кандидатский стаж). Телеграмму твою получил, а вот письмо только сейчас первое. Чувствую я себя прекрасно. Врачи обещают продержат в Ленинграде до 10, а потом в санаторий. Вот вроде и все мои дела.

Теперь о Ванюшке. (Пишу со всеми подробностями). 28 утром мы заняли оборону и окопались. Через некоторое время ранило нашего политрука, мне приказали принести с левого фланга его лыжи, (а там как раз был сильнейший огонь противника). Я взял лыжи и пополз обратно, но ребята из окопа говорят, что в меня стреляют, я хотел слезть в окоп, но тут меня и подстрелили. В окопе меня перевязали, и я вылез и пополз в ямку. Позвал ребят. Ванюшка сразу пополз ко мне с волокушей (вроде лодочки с плоским дном). С ним был Володька Александров. Только Ванюшка подполз, как его сразу ранило. Володька тут же положил его на волокушу и повез на перевязочный пункт. Потом в медбатальон, а оттуда в госпиталь 738, куда попал и я, как только мне стало лучше (числа 1-го). Я спросил у сестры, она пошла узнать (Ванюшка лежал в другой палате). Оказалось, что у Ванюшки рана в позвоночник. И он в госпитале умер. Но как передавала сестра его палаты, Ванюшка до последней минуты вел себя как подобает бойцу Красной Армии.

Вот все, что я знаю. Только как-то не укладывается в голове, что я уже не увижу Ванюшки. Вот сегодня я смотрел на карточку и было мне не по себе. Галка, напиши, что знаешь о Тольке Нюнине. Мне известно, что его ранили в живот, а что с ним дальше мне неизвестно.

Передай привет всем нашим ребятам, отвечать всем физически не в состоянии (получил письма человек от 15). Жду с нетерпением еще писем.

Галка, я все же прошу тебя исполнить мою вторую просьбу (я знаю, что одну ты исполнила). Жду твоего письма. Только перед этим прочи-

тай мое первое письмо. Ну, всего хорошего. Привет всем твоим. Привет.
Рома

Пиши на адрес дяди:

Ленинград, Проспект Володарского д.9, кв.11. Эпштейну М.М. для Ромы.
Исторический вестник РХТУ №2 /2001

Виктор Попов

студент 2 курса

Выпускник 1946 года. Годы жизни: 1919 – 1975.

В 1939/1940 учебном году Виктор Попов – студент-силикатчик второго курса. В личном листке по учету кадров (1943 г.) на вопрос об образовании отвечает: полное среднее образование. Школа десятилетка № 276 (1927-1937).

Досье на В.А. Попова, студента Менделеевки в 1938-1946 гг. (с «перерывами» на две войны) получилось достаточно емкое.

Приказ

по МХТИ им. Д.И. Менделеева № 440 от 5 июля 1941 г.

Снять с контингента МХТИ с 30.VI.1941 г. как ушедших добровольцами в ряды РККА:

... Попов В.А. – 16 гр. II курс, сил. фак.

Из Приказа №169 по МХТИ им. Д.И. Менделеева от 10 мая 1943:

§3

Студента 2 курса силикатного факультета Попова В.А освободить от обязательного посещения занятий в дни работы.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Попов Виктор Александрович 1919 года рождения, член ВКП(б) с 1942 года.

Поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева в 1938 году. Во время войны с белофиннами тов. Попов добровольно ушел в ряды Красной Армии и участвовал в боях.

С первых дней Великой Отечественной войны тов. Попов снова добровольно уходит в Красную Армию и принимает участие в боях с немецкими захватчиками.

После демобилизации в связи с ранением, полученным на фронте, тов. Попов в 1944 году снова приступает к учебе в МХТИ им. Д.И. Менделеева, который окончил в 1946 г. по специальности инженера-технолога

пластических масс с отличной защитой дипломного проекта.

За время пребывания в МХТИ им. Д.И. Менделеева тов. Попов проявил себя как студент отличник, умеющий свою академическую производственную работу сочетать с большой общественной работой.

За время обучения в институте тов. Попов работал в качестве члена ВТУЗ к-та ВЛКСМ, председателя ДСО «Азот» и секретарем партийной организации органического факультета.

Тов. Попов политически грамотен, идеологически выдержан.

В р.и.о. директора ин-та	проф. Горбачев С.В.
Секретарь Партбюро	доц. Волинец О.И.
Председатель Месткома	доц. Кузнецов Д.А.

Досье

Попов Виктор Александрович (1919–1975), выпускник 1946 года

-кафедра технологии пластических масс

-факультет органической технологии

18 января 1946 года защитил дипломный проект на тему «Цех сополимеризации хлорвинила и винилиденхлорида производительностью 1000 тонн в год» (г. Дзержинск)

Воспоминания дочери Галины, написанные к 70-летию Победы:

Они поступили в МХТИ им. Д.И.Менделеева в 1938 году. Стране нужна была большая химия, а эти восемнадцатилетние ребята любили свою страну беззаветно и искренне, со всем пылом молодой энергии, максимализмом в товариществе, преданности, жертвенности. Первый курс взорвался финской войной, не колеблясь они пошли добровольцами, Родина звала.

Игорь Тужилкин, Володя Александров, Виктор Попов, Михаил Оськин, Павел Мушулов – вот они на снимке, бойцы стрелково-лыжного батальона. Надпись на фотографии сделана в 1940 г. – они вернулись – раненые, обмороженные. Они стали сразу взрослыми, прикрывая друг друга в бою, вытаскивая из глубоких снегов под внезапным снайперским огнем «финских кукушек». При этом они не были чемпионами, а Павел Мушулов, абсолютно южный человек, вообще на лыжи встал впервые.

Радость от того, что остались живы, от того, что снова в своем институте, от того, что вместе дома, в Москве.. НО.. «Завтра была война».

Второй курс громыхнул войной с фашистской Германией. Снова добровольцы первых дней, снова вперед, за Родину! Вначале Северо-западный фронт: Ельня, Великие Луки, Ржев, Смоленск, Выборг и кто куда далее. Молодые офицеры, комбаты, политруки. Каждый стоял насмерть за Родину, и за каждым стояла Страна. Снова бои, раны, госпитали, передовая... Все эти ребята, которым было чуть за двадцать, уцелели, вернулись в свой МХТИ, и ЭТО БЫЛО ЧУДО! Их дружба, духовная сила, самоотдача остались с каждым до конца дней. Никто не пропал, не спился, не потерялся после войны Это был цвет МХТИ, институт ими гордился. К боевым наградам прибавлялись трудовые, фронтовые дороги привели к успешному пути восстановления и развитию государственных задач. И. Тужилкин, автор многих статей, стал зав. отделом ЦК КПСС по химии и химической промышленности, В. Александров, кхн, полковник Академии химзащиты, В. Попов, автор нескольких сотен публикаций и изобретений, дтн, профессор, Директор ВНИИ пластмасс, И. Дубин, ктн, автор многих изобретений, сотрудник специнститута, П. Мушулов – директор Учебно-производственных мастерских МХТИ им. Менделеева.

Они часто собирались вместе, уже семьями, они пели песни – народные, военные, городские, бардовые – разные и всякие. Они любили стихи, особенно Э. Багрицкого, К. Симонова, Н. Старшинова и читали их хорошо, от сердца. Уже далеко от войны, в начале 70-х годов, как след той их военной молодости, на общем застолье прозвучали чьи-то строки (автор мне неизвестен):

*Все повторяется на этом свете -
Зима и лето, звуки и слова.
И раннею весною, на рассвете там,
Где росла, вновь вырастет трава.
И воля вновь померится с неволей,
И прогремит, и кончится война.
Лишь мы с тобой не повторимся боле -
И жизнь одна, и смерть у нас одна.*

Попова Г.В., дхн

Анатолий Гельбштейн

студент 3 курса

Характеристика друзей

Очень живой, подвижный. Отличная учеба как-то очень естественно сочеталась у него с постоянной готовностью дружески помочь товарищу. Он умел ценить время и вносил в студенческие ме-

роприятия направленную целеустремленность, бодрую и веселую деловитость, стремление к быстрому завершению начатого. Он успешно находил конкретные решения поставленных задач и умел подбирать наиболее подходящих людей для их осуществления. Анатолий был заметным человеком в комсомольском активе института.

Анатолий Гельбштейн поступил в МХТИ в 1937 г., выпускник 1942 года. Анатолий в числе первых Сталинских стипендиатов Менделеевки, наряду с однополчанами по финской войне Романом Эпштейном и Владимиром Александровым. 8 сентября 1940 г. комсомольская конференция института избрала новый состав комитета комсомола, в его составе Анатолий Гельбштейн. Доброволец Великой Отечественной войны. Осенью 1941 г. был ранен, после излечения в госпитале добрался до Коканда для завершения учебы. В августе 1942 г. на заседании ГЭК технологического факультета Анатолий защитил дипломный проект. Спустя два десятилетия он станет доктором наук и возглавит одну из лабораторий Научно-исследовательского физико-химического института им. Карпова.

Владимир Александров

студент 4 курса

Александров В.Н. родился 8 ноября 1918 г. в Москве. В 1936 году поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева на кафедру №3 138 факультета. В годы учебы имел отличную успеваемость, активно занимался спортом (лыжи, волейбол). В декабре 1939 года вместе с группой студентов-добровольцев ушел в Красную Армию и участвовал в боях с белофиннами в составе 10-го отдельного легколыжного батальона. В первых же вооруженных столкновениях проявил себя бесстрашным бойцом, в одном из боев в начале 1940-го года сумел вынести из-под обстрела тяжело раненых институтских товарищей Р. Эпштейна и И. Василевского. Через месяц сам получил сквозное пулевое ранение в грудь и был эвакуирован в полевой госпиталь (раненого В. Александрова, по его воспоминаниям, с поля боя транспортировали на крыле маленького самолета, прозванного «кукурузник»). После лечения в госпитале Петрозаводска осенью 1940 г. В.Н. Александров вернулся в институт и продолжил учебу. Успешно ликвидирует все задолженности и готовится к выполнению дипломной работы. В декабре 1940 г. в числе первой группы студентов МХТИ становится Сталинским стипендиатом. В начале 1941 г. направляется в НИИ Красной Армии для выполнения дипломной работы.

Окончание института совпало с началом войны. Уже 22 июня 1941 г. В.Н. Александров с группой добровольцев из МХТИ отправляется в подмосковное Нахабино на военную базу Инженерной академии, где проходит подготовку к разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага, после чего направляется на Валдай в распоряжение штаба Северо-Западного фронта. В составе 5-го боевого отряда партизанского отдела фронта в качестве рядового, сержанта, комиссара отряда, младшего политрука, выполняет специальные задания, разработанные штабом партизанского движения.

В 1942–1943 гг. участвовал в боях политруком 856-го автомобильного батальона, а затем комиссаром отдельной инженерной роты в звании старшего лейтенанта.

В 1943 г. в.Н. Александров откомандировывается в распоряжение Главного военно-химического управления и начинает работать научным сотрудником Центрального военно-технического института.

Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги».

Длительное время работал старшим преподавателем в Академии химической защиты Советской Армии. В 1949 году демобилизовался в звании полковника. Защитил кандидатскую диссертацию.

С 1988 по 1997 гг. работал в МХТИ им. Д.И. Менделеева доцентом кафедры химии и технологии органических соединений.

Автор двух монографий, пяти учебников и учебных пособий, 17 научных статей и авторских свидетельств.

Иван Василевский

студент 3 курса

Документы из студенческого дела:

Автобиография

Я родился в 1919 г. в Челябинске. Мой отец работал тогда заведующим хлебо-фуражным отделом Челябинского губпродкома, а мать готовилась к окончанию Московских высших женских курсов.

С 1921 г. по 1923 г. семья живет в Смоленске, а с 1923 г. – в Москве. Все это время отец работает в государственных учреждениях. Он дружинник 1905 г. (удостоверение № 4787), а в настоящее

время имеет персональную пенсию. Мать с 1931 г. тоже работает в госу-

дарственных учреждениях. Отец и мать русские, связи с границей не имеют. Сейчас отец работает в Главцветметобработке, а мать в Управлении делами Академии наук СССР.

В 1927 г. я поступил в школу и вскоре был принят (в 1930 г.) в пионерский отряд. В 1936 г. я подал заявление и был утвержден членом ВЛКСМ. Работал старостой класса и редактором стенной газеты. В 1937 г. окончил среднюю школу. В общежитии не нуждаюсь.

19.07.1937 г.

В деканат 138 факультета от студента 14 группы 3-го курса
Василевского Ивана Павловича

*Довожу до вашего сведения, что я 29 декабря
ухожу на военно-учебный сбор.*

29.12.1939 г.

Характеристика друзей

Ваня Василевский. Все привлекало в нем. Выше среднего роста с крупной мощной фигурой, сохранившей, однако, милую ребяческую привлекательность, не резко очерченной, но сильной мускулатурой, с крупной головой. Короткие светлые волосы, мягкие, но почему-то часто торчащие в стороны, удивительно подходили к широкому круглому симпатичному лицу с ясными синими приветливыми глазами и пухлыми улыбочными губами, открывавшими зубы молочной белизны. Сила и мощь исходили от него – такая обаятельная, мягкая, дружелюбная и внушающая полное доверие, что появлялось радостное желание приплюсовать к этой силе свои возможности и делать общее дело. Это сразу выдвигало его в лидеры, в вожаки. Это нелегкое дело быть вожаком, особенно среди слегка самоуверенных и сильно критикующих, непримиримо резких студентов. Но душевная чистота, справедливость, большая трудоспособность, органически присущее ему свойство создавать атмосферу товарищеской дружбы и взаимопомощи, отличная учеба – все это дало Ване большой личный авторитет, уважение и любовь студентов.

Эпиграмма от друга:

ВАСИЛЕВСКОМУ

Ваня Василевский

В дело погружен.

Что творится в зале,

То не знает он.

Двадцать лет Ванюше –

Ваня как дитя.

«Что читаешь, Ваня?»

«Двадцать лет спустя!»

Анатолий Нюнин

Вспоминает Игорь Тужилкин: «Ваня Василевский был интересный парень, такой веселый, жизнерадостный, всегда улыбался. Спортсмен был очень хороший. Мы все тогда были спортсменами, а с Ваней мы метанием занимались, ядро толкали. Он это ядро всегда носил в чемоданчике, а оно весит 7 кг 125 г. Сильный парень был. Конечно, все мы ходили на лыжах. Это и определило, пожалуй, то, что мы стали добровольцами во время финской войны».

Биография героя

Иван Василевский – москвич, 1919 года рождения. В 1937 году поступил в МХТИ. Без колебания член комитета ВЛКСМ МХТИ Иван Василевский пошёл добровольцем на финский фронт в 10-й отдельный лыжный батальон. В одном из первых боёв пулеметчик И.П. Василевский, заметив, что ранен его товарищ Роман Эпштейн, поспешил на помощь другу, но разрывная пуля настигла его. Через несколько дней Иван Василевский скончался в госпитале.

Этот страшный, первый для наших необстрелянных мальчишек бой, проходил 28 января 1940 г. (Большинство студентов Менделеевского института были на зимних каникулах). Иван Василевский умер от ран в госпитале № 137 (из письма Р. Эпштейн). Вероятно, Роман знал о месте захоронения нашего добровольца, Для нас, менделеевцев, это задача, которую мы должны решить.

Павел Мушулов

студент 3 курса

Выпускник 1949г. Годы жизни: 1916 – 1970.

Комсомолец тридцатых годов, по национальности ассириец (айсор). Мало кто слышал об этой маленькой народности, живущей небольшими группами между Кавказом и азиатскими республиками и в некоторых крупных городах. До революции айсоры были обречены на вымирание, существовали, в основном, за счет мелкого кустарного промысла. Советская власть открыла им пути к образованию, ко всем профессиям. Павел – один из первых айсоров, которые смогли учиться в школе, стал активным комсомольцем. Во время коллективизации его избили кулаки, но это не остановило его стремления быть в первых рядах строителей новой жизни. Со свойственной южанину горячностью, Павел воспринимал все происходящее, жил полнокровной жизнью вместе со всеми, любил петь арии из оперетт и не любил носить галстуки.

После того, как Павел Мушулов переступил порог МХТИ, вся жизнь связана с Менделеевкой. Легенда и гордость института. МХТИ закончили и работали в Менделеевке два его сына Тимур и Карим.

В Истории Университета Менделеева отдельный абзац посвящен Павлу Мушулову, студенту органического факультета, добровольцу финской войны.

«Отбор в группу добровольцев был крайне строгим, но энтузиазм перевешивал. Откроем секрет (автор этих строк – профессор Л.М. Сулименко – А.Ж), что боец-лыжник первый раз встал на лыжи только в Финляндии (весьма спорное определение места. Что же он стартовал в Хельсинки или Лаhti?) Но как же мог истинно кавказский человек, первый ассириец в СССР, получивший высшее образование, дать повод усомниться в его храбрости и доблести, которые он потом убедительно показывал на фронтах, как финской войны, так и ВОВ».

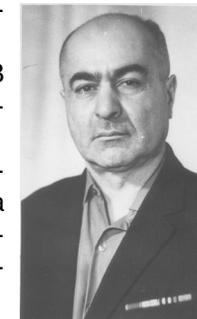
Справка из книги «Менделеевцы ветераны - участники Великой Отечественной войны», часть 1:

В 1937 году поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева. В 1939 году в составе 10-го легко-лыжного батальона героически воевал с белофиннами.

В начале Великой Отечественной войны добровольцем вступил в ряды Красной Армии и с июля 1941 года участвовал в боях на Юго-Западном фронте в должности командира роты самоходных артиллерийских установок. Дважды был ранен, контужен.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и юбилейными медалями.

После демобилизации в звании старшего лейтенанта продолжил учебу в институте. После окончания института в 1949 году был оставлен на работе в институте на хозяйственно-административных должностях. Более 15 лет руководил учебно-экспериментальными мастерскими института. Первый председатель Совета ветеранов института. Инициатор и организатор создания памятника «Менделеевцам – защитникам Родины». (Так звучит истинное, первое название нашего уникального памятника «Менделеевцам, защитникам Родины».)

Михаил Оськин

студент 4 курса

Выпускник 1946 г. Годы жизни: 1913 – 1946.

Данные из анкеты:

Оськин Михаил Васильевич, пол. муж., родился 26 де-

кабря 1913г., русский. Окончил семилетку в 1928г. в Москве. (МТУ МББ ж-д. окончил рабфак им. Свердлова, канд. ВКП(б) с 1932 г. (билет №26903)), член ВЛКСМ с 1934г. (№8045356) исключался, но затем был восстановлен.

профессия / токарь по металлу, произ. стаж:

Москов. з-д “Самоточка” токарь 4 разр. 1930-31г. помплавильщика хим. з-д рудника Бaley (В.Сибирь)

1931-33, зам редактора райгазеты “Путь Ильича” г. Н.Удинска (В.Сибирь) с 1933 по 1934г.

В настоящее время выпускник рабфака им. Свердлова, являюсь ударником и был ударником с 1932г., премирован 2 раза. Состою членом союза с 1932г., в данное время из-за утери учетной карточки механически выбыл. Подлежу зачислению в Красную армию по призыву 1913 г., состою на учете с 13/III 1935 г. во Фрунзенском РВК в должности рядового. Общественная работа: секретарь ячейки ВЛКСМ с 1932 по 1933 г., пропагандист яч. ВКП(б) ф-ки им. Сверлова. Холост.

Отец иконописец, служил в царской армии рядовым, умер. Мать уборщица паровозного депо ст. Москва, умерла.

2 июля 1935 г.

Прописан: Москва-18, Шереметьевская, 10, проезд 18/44, кв.4.

Характеристика

(предъявленная при поступлении в МХТИ)

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ячейка хим-рабфака при ВХТУ, 28 марта 1935 г. № 16/17,
Москва Остоженка 38.

Оськин Михаил Васильевич, кандидат партии с 1932 г., рождения 1913г., по соц. положению рабочий. На рабфаке с 1934 г. За время пребывания на рабфаке т. Оськин выполнял партнагрузку пропагандиста. Политически грамотен, дисциплинирован, порученные нагрузки выполнял хорошо. Партвзысканий не имеет. Чистку партии прошел. Исключался из партии за самовольный отъезд с места работы, затем был восстановлен.

Секретарь парткома Цветанович

В учебную часть ф-та 138
от студ. 3 курса Оськина М.В.

Заявление

На 1 курсе я был зачислен на специальный факультет и числился там до момента освобождения от занятий в связи с переходом на работу председателем профкома института. Во время работы председателем профкома я условно числился на технологическом факультете. Сейчас

приступаю к учебе и прошу перевести на специальный факультет, зачислив в соответствующую группу по специальности №3.

21/ XII 39г.

Мих.Оськин

Резолюция :

В приказ: зачислить т. Оськина на 3 курс (6 сем, 3 гр.)

22/ XII 39г

Документы из личного дела интересны по многим причинам, но главное – судьба человека на переломе эпох – Москва, Восточная Сибирь (золотые прииски), газетное дело, партиячка ВХТУ – это бывший химфак МВТУ впоследствии Академия химзащиты.

Есть существенная деталь в информации – дата в приказе №54 по МХТИ им. Д.И. Менделеева – «с 29/XII 39 г. считать на учебном сборе». Вероятно, это и есть дата начала подготовки наших парней на пункте сбора в Подольске.

Из записок поисковиков 1960-х:

Оськин Михаил Васильевич родился в 1913 г. в Москве. Его мать умерла рано, поэтому с детства ему пришлось испытать нужду. В 19 лет он вынужден был поехать на Дальний Восток, где работал на золотых приисках. В это время проявилось его литературное дарование: Миша пишет статьи, очерки, небольшие рассказы.

В 1935 г. Михаил Оськин поступил в МХТИ. Из-за большого разрыва между окончанием школы и институтом учеба ему давалась нелегко, да и материальное положение было тяжелым, поэтому пришлось по вечерам работать. Несмотря на это с самого начала учебы в институте он вел активную общественную работу. В 1938 г. он был избран председателем профкома института. Михаил пользовался большим авторитетом среди товарищей, и по всем сложным для них вопросам они советовались с ним. Миша как чуткий друг всегда и во всем помогал товарищам, давал добрые советы, к его слову прислушивались.

В 1939 г. Михаил добровольно ушел на Финский фронт. Финская война требовала отличной ходьбы на лыжах. И Михаил, благодаря своему упорству, в недельный срок обучился этому. После окончания войны Михаил вернулся в родной институт, но окончить его не успел, так как в 1941 г., в первые же дни войны он опять стал добровольцем и ушел на фронт. Он воевал до Победы, несколько раз был ранен, особенно тяжело под конец войны, когда был ранен в голову и потерял один глаз. Михаил Васильевич закончил войну начальником хим. службы корпуса. В 1945 г. после окончания войны в звании подполковника вернулся в родной ин-

ститут, выполнил дипломную работу и успешно защитил ее.

Однако литературная работа по-прежнему влекла Михаила Васильевича, поэтому в 1946 г. он поехал в Ашхабад, где работал в газете «Туркестанская правда» заведующим отделом партийной жизни. В том же 1946 г. жизнь Михаила Васильевича Оськина трагически оборвалась. Он вместе с женой Сарой Володарской (выпускницей МХТИ) и дочерью погиб во время декабрьского землетрясения в Ашхабаде.

Семен Павлов

студент 3 курса

На мраморе памятной доски в вестибюле университета золотом прописано:

Павлов С. – студент 1918 – 1942.

Смотрит на нас, своих потомков, со стенда «Студенты-менделеевцы, отдавшие жизнь за Родину» с богатырской улыбкой Семен Павлов.

В двадцать лет – ветеран финской войны, спортсмен. Страницы институтской многотиражки несут строки памяти о нашем герое: «Уроженец

Подмосковья Семен Павлов стал студентом МХТИ в 1936 году. Одним из первых подал заявление с просьбой направить его на финский фронт. Его просьба была удовлетворена, он стал бойцом 10-го отдельного лыжного батальона.

Вернувшись с фронта, Семен хотел продолжить учебу, но окончить институт ему так и не удалось, – Семен Павлов стал добровольцем Красной Армии в первые дни войны. Погиб Семен в 1942 году под Смоленском».

«Менделеевец», № 14, 7 мая 1979 г.

Справка 1960-х: «Павлов Семен Егорович. Год рождения 1918. Студент 4-го курса. Призван в армию в 1941 году. Рядовой 601 сп. 82 сд. Погиб 15 декабря 1941 года. Похоронен в д. Брыкино Звенигородского района Московской области».

От поисковиков и воспоминание о Семене однокашницы Елизаветы Преображенской: «Вернувшись с финской, Сеня не только догнал свою группу, но и успешно (на хор.) сдал очередную сессию. После экзамена по экономике группа качала его за полученную пятерку. Но в следующую сессию Семен получил тройку, и это лишило его стипендии – пришлось устраиваться на работу (работал у Рапопорта, вместе с Преображенской). В связи с этим защита диплома ему была перенесена на осень.

Он охотно помогал товарищам, защищавшим дипломы в июне.

В июне 1941 года Преображенская попросила его помочь и ей. Она дала ему синьку, с которой надо было начертить (на двух ватманских листах) колонну синтеза. И тут Семен заболел воспалением легких. Но болезнь не помешала ему вычертить оба листа (привезла листы Преображенской мать Семена). Несмотря на болезнь, Семен был одним из первых добровольцев Великой Отечественной войны. Дату его ухода на фронт Преображенская не помнит, но в день ее защиты (29.06.41г.) Семен был уже в армии. Погиб он в 1942 году под Смоленском. Родом Семен был из Архангельска».

Однокурсник Павлова Иосиф Френкель рассказывал нашим поисковикам в 1960-х: «Семен был не только великолепным лыжником и чемпионом института по этому виду спорта, но и отлично играл и был в сборной института по волейболу. Тренер и организатор физкультурников института Матвейч (зав. кафедрой физкультуры Николай Матвеевич Смирнов – авт.) рассказывал студентам о военной смекалке Семена во время Финской войны: возвращаясь из разведки или после выполнения боевого задания, Семен вел свою группу только новыми, нехоженными путями, зная, что на старой лыжне их может ожидать в засаде финский снайпер – «кукушка».

Вспоминал о нем добрым словом его товарищ по 10-му ОЛБ 15 армии в боях на севере Ладоги Владимир Александров: «Из Архангельска. Семен рослый студент – 195 см, а может еще и больше. Скромный, он стеснялся своего роста, сутулился и поэтому часто казался неуклюжим. Однако совершенно преобразался при занятиях спортом. У Семена хорошая координация движений, его игра в баскетбол была мягкой и настолько изящной, что рост просто не замечался. Но еще больше он удивлял нас на лыжах. В те времена лыжный спорт в стране был развит слабо. Семен же, великолепный лыжник, сливавшийся с лыжами в одно гармоничное целое, поражал своим мастерством. Чемпион института, он охотно и терпеливо показывал товарищам технические приемы, добиваясь их лучшего усвоения. На тренировках и лыжных походах он всегда брал на себя основную нагрузку».

Сведения о солдатской судьбе Семена Павлова противоречивы. Потому важна и дорога каждая крупинка информации о нем. Архивные данные из ЦАМО, выложенные на портале ОБД «Мемориал» нам говорят, что красноармеец (санинструктор) Павлов Семен Егорович (1918 г.р., Москва, Берсеневская наб. 16-10), призванный Пролетарским РВК г. Москвы, убит в бою 15 ноября 1941 года в районе дер. Брыкино Звенигородского района Московской области. «Похоронка» адресована отцу Егору Павловичу на Берсеневскую набережную.

Поколение оттепели трезво и бодро напевало по Визбору: «В Звени-

город, в Звенигород идем», но в Брыкино не заглядывало. Брыкина нет на нынешних картах. Могилу надо искать.

Анатолий Нюнин

студент 3 курса

Анатолий Нюнин, двадцатилетний в веках, крашевец, поэт, мастер эпиграмм, снайпер, смотрит на нас с портрета на стенде «Студенты менделеевцы, отдавшие жизнь за Родину». На мраморе вестибюля, на каменной стене памятника высечено его святое для Менделеевки имя. О нём первое слово на наших митингах памяти, ему первая молитва верующих «о воинах, положивших свои живот на алтарь нашей Победы».

«Толя Нюнин родился в Москве в 1919 году. В 1937 году он стал студентом МХТИ. Обязанностью комсомольцев тех лет было овладение не менее чем одной оборонной специальностью, и подавая пример другим, он, будучи ответственным за оборонную работу комитета ВЛКСМ МХТИ, в 1939 году закончил школу пулемётчиков. В 1939 году Толя уходит добровольцем на финский фронт, сражается в рядах 10-го отдельного лыжного батальона на Петрозаводском направлении.

В феврале 1940 года, выполняя приказ о доставки секретного донесения, был ранен в живот, но нашёл силы выполнить приказ. Толю привезли в госпиталь, но спасти его не удалось – он умер на операционном столе. <...> Друзья: Они были непохожи, но всегда дружили и всегда подсмеивались друг над другом – вихрастый Ваня Василевский и аккуратный, подтянутый Толя Нюнин. Оба студента 15 группы третьего курса написали одинаковые заявления в деканат: «Довожу до вашего сведения, что я с 29 декабря ухожу на военно-учебный сбор. 29.12.1939».

Вынося с поля боя товарища, был смертельно ранен Ваня Василевский. Кровавый след отметил последние пять километров пути Анатолия...

Л. Мышляева, «Менделеевец», 1956, №6.

В одном из выпусков «Менделеевца» появилось такой портрет Анатолия Нюнина от его друга:

«<...>Стройный, худощавый. На смуглом немного узком лице карие глаза. Они выделялись не потому, что большие. Нет, они обращали на себя внимание особым выражением, отражающим работу мысли, силу духа и твёрдость убеждений. Большой кругозор, разносторонность и целенаправленность интересов, высокое чувство долга и ответственности сразу были отмечены его товарищами, также как и его страсть к оборонной работе. Толя обладал даром убеждения и даром передавать людям

чувство серьёзности, важности и обязательности выполнения порученного дела. Требовательность и незаурядная настойчивость, личный пример точного и неуклонного выполнения своих обязанностей ещё больше укреплял мнение студентов о Толе как о надёжном и верном товарище.

«Менделеевец», май 1979, №14

Вспоминал Игорь Тужилкин:

«С Толей Нюниным я учился 10 лет в школе, которую мы закончили в 1939 г. В Менделеевском институте учились тоже вместе.

Толя был очень интересный человек, и в школе, и в институте учился всегда хорошо. Всё время занимался тогда оборонной работой, у нас был тогда ОСОАВИАХим. Толя был хорошим стрелком, членом знаменитой менделеевской команды, которая принимала участие в международных соревнованиях стрелков. Готовился и я, но в соревнованиях не учувствовал: они стреляли лучше. Толя был как раз в том составе, который «обстрелял» Америку. В международных отборочных соревнованиях стрелков они заняли одиннадцатое место».

«Студента Анатолия Нюнина, добровольцем ушедшего на войну с белофиннами в 1939 г. и погибшего в начале 1940 г., многие знали как неплохого поэта. Дружный смех вызывали всегда его надписи под карикатурами, экспромты по поводу самых разнообразных институтских событий, эпиграммы, заметки с комсомольских собраний.

Небольшую подборку стихотворений опубликовал «Менделеевец» зимой 1957 г. Стихи обладают свойствами предвидения, так и здесь:

*«Мы на скалах с винтовкой заляжем,
Через снег пронесём пулемёт.
И фашистскому рылу покажем,
Как соваться в чужой огород».*

(дата – август-ноябрь 1938 г. – это к неумолкаемой дискуссии «Ждали ли войну?»).

Долг живых, а мы потомки А. Нюнина по прямой (всего через одно рукопожатие) – помнить. Память для каждого человека – ноша тяжёлая, суета буден отвлекает. Людьюми без памяти быть нельзя – смотри в нынешние сумерки на Украине.

Иван Дубин

студент 3 курса

Выпускник 1949 г. Годы жизни: 1919 – 1984.

Характеристика друзей

Выше среднего роста, стройный, с вьющимися волосами, с приветливой улыбкой, открывающей

великолепные зубы, как у популярного в то время артиста Николая Баталова. Улыбка очень точно отражала его веселый характер, радостное восприятие жизни и готовность разделить эту радость со всеми. Прекрасный стрелок, член сборной института, он много времени уделял оборонной работе.

Биография ветерана:

В декабре 1939 года с группой студентов-добровольцев МХТИ им. Д. И. Менделеева ушёл в Красную Армию и в составе 10-го отдельного легкоколыжного батальона участвовал в боевых действиях во время финской войны.

С начала Великой Отечественной войны на фронте, принимал участие в боевых действиях на 1-м и 2-м Белорусских фронтах как воздушный стрелок, комсорг полка. Участвовал в штурме Кенигсберга.

Награждён двумя орденами Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.».

После демобилизации вернулся в МХТИ им. Д. И. Менделеева, который окончил в 1949 году. Работал в МХТИ им. Д. И. Менделеева, а с 1950 года – в НИИ пластмасс им. Г.С. Петрова.

С 1975 года работал в МХТИ им. Д. И. Менделеева в должности проректора.

Мы тоже будем первыми

В этом учебном году состоялась встреча студентов с ветеранами войны Иваном Ивановичем Дубиным и Романом Иосифовичем Эпштейном, которые вместе учились, вместе работали, вместе воевали с Анатолием Нюниным и Иваном Василевским. Они отдали жизнь за честь, свободу и независимость Родины, а при жизни, будучи студентами, эти менделеевцы были веселыми, жизнерадостными, трудолюбивыми ребятами. Среди них – члены комитета ВЛКСМ института, старосты и профорги групп, чемпионы института по лыжам и члены сборной МХТИ по этому виду спорта.

И хотя не в наш учебный взвод зачислены герои – менделеевцы, их пример заставляет нас задуматься о собственной жизненной позиции. Наша группа приняла обязательство повысить дисциплину и успеваемость. Мы тоже будем первыми.

И. Чумакова, И-24
«Менделеевец» №14/1979

Борис Иванович Борисов

студент 3 курса

Из биографии ветерана:

Один из Борисовых – силикатчик. Добровольцем ушел на войну. По окончании войны вернулся в институт, окончил его в 1947 г., позднее защитил диссертацию. Возглавил Государственный институт стекла.

Характеристика друзей:

Борисов Борис Иванович. «Черный», как называли его товарищи, когда хотели отличить от однокурсника, тоже Бориса Борисова. Крепко сбитая фигура, склонность к обстоятельному обсуждению и рассмотрению, умение ценить время, деловитость создавали впечатление steepности в глазах массы юношески беспечных студентов. Однако это так хорошо сочеталось с меткой шуткой, лукавой насмешливостью и приветливостью, с заботой о товарищах, что студенты без всяких колебаний полагались на него, и его слово было весомо».

Из воспоминаний В.Н. Александрова (запись поисковиков Мнделеевки): В нашем институте в 1939 г. была хорошо поставлена военно-патриотическая работа. Студенты тех лет с огромным интересом занимались военной подготовкой, спортом. Все это делалось без принуждения, потому что ребята знали, что все это может пригодиться. В институте был организован учебный батальон, выбран командир его; тщательно изучали оружие.

На финский фронт нужны были лыжники. Сначала пошли добровольцами 17 человек (в их числе и Б.И. Борисов), а затем присоединились еще двое. Под Новый год (с 1939 на 40 г.) надели они теплое белье, стеганые брюки, куртки с карманами, сверху белый халат и широкий белый шлем и отправились на фронт. Судьба раскидала ребят по разным местам. Борис Иванович попал в батальон на Петрозаводский фронт. Здесь с ним произошел один случай: шел он за водой, а когда возвращался, то его остановил красноармеец, приняв за финна. Борис говорит: «Какой я финн? Я из Москвы». Тогда красноармеец говорит: «А какой там гвоздочный завод?» Конечно, Борис Иванович не смог ответить. Последовал приказ красноармейца: «Кругом, марш!»

Были обычные военные будни. Как-то пришлось занимать местечко, окруженное финнами. Из 44 человек только 7 остались живы. 1940 г. был морозный. В такие сильные морозы приходилось ночью охранять объекты, ходить в тыл противника. Вылазки делали группами. Командиром отделения был Семен Соловьев – рабочий с металлургического завода.

Как-то сидели все у костра – грелись. Многие даже прожгли комбинезоны. И вдруг один из товарищей Б.И. кричит : «Батальон, развернись!» Смотрят, а совсем рядом два финна. 28 января 1940 г. был серьезный бой. В этом бою был ранен Роман Эпштейн и тяжело ранен, а потом умер Ваня Василевский. Было важно достать языка, и Б.И. под сильным пулеметным огнем выполнил этот приказ. 15 февраля Б.И. заболел и был отправлен в Петрозаводск на лечение. А в марте уже закончилась война с финнами.

Через год началась Великая Отечественная война и Борис за всех ответил, что они пойдут на фронт добровольцами. Б.И. готовился к экзамену по немецкому языку, но сдавать его пришлось только после войны. О войне он узнал днем, когда проходил по площади Сверлова, а 28 июня пошел в райком, а затем уехал на фронт.

Попал он в штабной батальон связи и был назначен политруком и вел разъяснительную работу среди солдат. Его батальон бомбил Невель, Андринополь. Получив отпуск, приезжал в Москву, а обратно возвращался через Клин, Дмитров и в Торжке встретил своих.

Под Ржевом был ранен и госпитализирован. Затем попал в 29 –ю армию, из которой потом сделали 1-ю танковую. Воевал на Курской дуге. Был комиссаром разведывательной роты, пом. нач. политотдела дивизии. Имеет два ордена : один на Курской дуге за вывод полка ночью на боевые позиции, а второй под Гданьском за спец. задание.

После войны продолжил учебу и в 1947 году закончил МХТИ.

Работал на опытном заводе института стекла (зам. нач. цеха, а потом начальник цеха). Окончив аспирантуру, стал начальником лаборатории. Был директором института стекла.

Борис Григорьевич Борисов

студент

Выпускник 1948 года

Характеристика друзей:

Борисов Борис Григорьевич (“рыжий”). Мальчишеская угловатость, пшеничного цвета волосы, худощавое лицо, тонкая фигура – все говорило о его юности. Мгновенная горячая реакция на все, что представлялось ему несправедливым, нетерпимость к замазыванию острых углов, резкость в выражениях, чуть ли не задиристость только подчеркивали его молодость. У него было доброе, отзывчивое и нежное сердце, чуткость, скромность и добросовестное выполнение взятых поручений характеризовали его с самой лучшей стороны.

Валентин Поляков

студент 2 курса

Как не жаль, ни характеристики друзей, ни какой-либо другой информации о менделеевце по фамилии Поляков нет, кроме того, что он был студентом Менделеевки, пошел добровольцем на финскую войну.

В архиве университета хранится приказ по МХТИ им. Д.И. Менделеева от 14 августа 1941 г. В одном из пунктов этого приказа говорится – отчислить из контингента студентов как призванных в РККА с 13.VIII.1941 г.:

.....факультет №138 – Поляков В.С. (курс не указан).

Евгений Елькин

студент 3 курса

Ворошиловский стрелок, снайпер, первый из народа коми мечтавший стать химиком-технологом (оставалась лишь одна ступень – 5 курс спецфака), ветеран жесткой «Зимней» войны в Карелии – это Евгений Елькин. Альма матер помнит, здесь на Миусах Евгений давно легенда. Имя Елькина на всех мемориальных (памятных) уголках старого корпуса Менделеевки. (Вероятно, и в новом корпусе ИХТ в Тушино о Евгении не забыли).

Заметка в газете «Менделеевец» № 14 1979 года от 7 мая:

«Евгений Елькин / 1918–1942/. В 1936 году Е. Елькин, уроженец г. Сыктывкара, приехал в Москву для поступления в МХТИ. Когда началась финская война, студент третьего курса общетехнического факультета Евгений Елькин одним из первых подал заявление с просьбой направить его на фронт. Вместе с 18 менделеевцами он стал рядовым 10-го отдельного легколыжного добровольческого батальона. Окончилась война, и в 1940 году Е. Елькин продолжил учебу на ИХТ факультете. Но снова пришлось прервать учебу: 23 июня Евгений Елькин подал заявление с просьбой направить его в действующую армию. Он стал снайпером на Западном фронте, где погиб в 1942 году».

Из статьи Л. Мышляевой «О тех, кто не вернулся», опубликованной в «Менделеевец» № 6 1957 года от 23 февраля:

«Женя Елькин – студент третьего курса – стрелок до мозга костей... даже в ущерб учебе. Окончив школу снайперов, пошел добровольцем в финскую войну. Вернувшись, снова учился, снова активно участвовал в оборонной работе и по первому зову Родины в июне 1941 года добровольно ушел в армию. В последнем письме с фронта писал: «Счет 2:0 в мою пользу». Хороший товарищ, шахматист, немного поэт.

Литературная зарисовка друзей об Евгении – портрет прописан четко и ярко: «Необычный человек. Женя по национальности коми, представитель небольшого народа, живущего на крайнем севере нашей страны. Советская власть дала образование сыну охотничьего народа и он, первый из коми, решил стать химиком. Его любили все. Любили за какую-то радостную общительность, за высоко развитое чувство товарищества, за постоянную готовность поделиться с товарищем всем хорошим, что у него есть, за его непосредственность и дружескую откровенность. Веселый и общительный, хороший лыжник и стрелок, он был заметным человеком на курсе».

На фронт Великой Отечественной Евгений Елькин ушел в первых рядах добровольцев студентов-комсомольцев Менделеевки. В архиве Университета хранится приказ по МХТИ им. Д. И. Менделеева от 5 июля 1941 года: «Снять с контингента МХТИ с 30.VI.1941 года, как ушедших добровольцами в ряды РККА:

.....
6. Елькин Е. И. 5 гр. IVкурс 138 факультета».

(По другим данным – «Менделеевец» № 30 1968 г. – «28 июня – день отъезда Жени на фронт. В этот день друзья прощались с Евгением Елькиным».)

Поисковики Менделеевки серьезно интересовались судьбой Евгения Ивановича Елькина. Вспоминает Анна Берг (1979 год, 1-й курс):

«...что мне удалось узнать о Елькине Евгении Ивановиче. Мать его Елькина Александра Ювенальевна умерла этим летом. Последние годы она была не в себе, но не оставляла надежду увидеть сына. Он был у нее единственный. Муж, Иван Васильевич, умер в войну в Вологде. У него был брат, который тоже в войну погиб. Так вот, Александра Ювенальевна, живя в доме родителей мужа, в конце концов осталась доживать последние годы с женой брата Ивана Васильевича, тоже Елькиной (звать не знаю как). Она была второй раз замужем, от второго брака дочь, которая сейчас тоже замужем и живет тут же. Приняли меня довольно холодно и настороженно. Из разговора с ними я поняла, что Евгения они совсем не знали, только по рассказам Александры Ювенальевны, которая все никак не хотела верить, что он пропал без вести и ждала его до конца своих дней. Не буду рассказывать все подробно, скажу только, что из разговора с соседями я поняла, что они т.е. тетка Евгения с дочерью уничтожили все письма и документы после смерти Александры Ювенальевны т.к. боятся каких бы то ни было наследников на этот дом т.к. жива еще где-то еще одна тетка Евгения – сестра его отца. Из того, что они мне показали я выбрала вот это. Ничего более, относящегося к Евгению я не

обнаружила. Соседка говорила, что должны быть письма т.к. Александра Ювенальевна жила ими и хранила, но мне ничего не показали. Так что в этом я ничем не смогла вам помочь. Еще вот сообщают адрес московской родственницы <...> Я думаю, что внимания удостоивают фото и копия аттестата, но высылаю все. Узнаю что нового, обязательно сообщу. Я оставила свой адрес соседке, она обещала поговорить с Елькиной...»

Друзья по 10 ОЛБ 1940 года, вернувшиеся с полей Великой Отечественной, оставили свои воспоминания на страницах нашего «Менделеевца».

В. Попов, кандидат технических наук, в статье «Рядовой Евгений Елькин» вспоминает:

«Что может быть в жизни лучше студенческой поры – поры бурлящих молодых сил, широких неизведанных горизонтов. И как горько и обидно сознавать, что многие твои товарищи, товарищи, с которыми ты дружил, вместе ходил в институт, в спортзал, в кино, с которыми ты до хрипоты спорил о любви и дружбе, о химии и технологии и о других вещах, никогда уже не будут рядом с тобой.

Они погибли. Погибли в боях с ненавистным врагом, отдав свои молодые жизни за свободу и независимость нашей великой Родины.

О многих студентах-менделеевцах, павших смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками, уже написано в «Менделеевце». Я хочу рассказать о моем товарище Евгении Елькине.

Студент третьего курса ИХТ факультета, приехавший учиться в наш институт из Сыктывкара, Женя Елькин в боях с белофиннами показал себя не только хорошим товарищем (о чем мы знали и раньше), но и бесстрашным бойцом. Он не унывал в самые тяжелые моменты, когда лютый мороз (температура доходила до 40-50 градусов) и «кукушки» (снайперы-белофинны) наводили на нас тоску и уныние.

23 июня 1941 года, на следующий день после начала воны с фашистской Германией, Женя Елькин (уже студент четвертого курса) вместе с другими ребятами пришел в райком партии с просьбой отправить его в действующую армию. Через некоторое время его просьба была удовлетворена, и он был направлен на Западный фронт снайпером.

Недолго пришлось воевать Жене с фашистами – предательский осколок оборвал его жизнь, но воевал он честно. В своем письме Женя сообщил: «Все идет нормально. Оправдываю звание «Ворошиловский стрелок», пока что счет в мою пользу».

Неизвестно, сколько фашистов убито Женей, однако почин им был положен неплохой.

Женя Елькин, как и тысячи других советских людей, в первые же дни войны встал на защиту Родины. Он погиб, но память о нем, о его граж-

данском подвиге жива и будет жить вечно в наших сердцах».

Вспоминания товарища Ивана Дубина:

«Он не задумываясь ответил да», записанные в 1970 году и опубликованные в «Историческом вестнике» № 4 в 2001 году.

«В числе тех, чьи имена должны быть вписаны в славную историю комсомола Менделеевки, бесспорно, достойное место среди равных, а может быть, правильнее сказать, правофланговых, следует назвать имя Евгения Елькина.

Он пришел к нам в институт задолго до тех тяжелых испытаний, которые выпали на долю нашей Отчизны.

Весельчак и балагур, парень незаурядных способностей и светлого ума, он быстро завоевал уважение товарищей. Чувство товарищества было одним из самых важных черт в характере Евгения. По-видимому, суровая жизнь в таежных условиях севера нашей страны (он приехал учиться из Коми АССР) породила в нем эти качества – товарищества и крепкой дружбы, так необходимые, особенно, в условиях различного рода испытаний.

Его отличала и другая черта, другая страсть. Отлично понимая обстановку тридцатых годов, он, как и все мы, отлично представлял, что враги нашей Родины готовятся к войне, что рано или поздно нам предстоит серьезные испытания, что придется взяться за оружие и отстаивать честь, свободу и независимость нашей Родины. Вот почему с первых дней пребывания в институте он неперемный участник всех оборонно-массовых мероприятий, участник многих лыжных соревнований, а в ряде случаев и организатор оборонно-массовой работы.

Но особое пристрастие у него проявляется к стрелковому спорту. Я вспоминаю, с какой завистью присматривался он к успехам нашей институтской стрелковой команды, которая в те времена выходила на всесоюзную и международную арену. Это была здоровая зависть, страстное желание самому постичь премудрости меткой стрельбы.

И это вскоре ему удалось. Летом 1939 года во время летних каникул группа менделеевцев была направлена на двухмесячные сборы в школу снайперов в подмосковный поселок Румянцево. Это была настоящая военная школа со строгим казарменным режимом и настоящей военной дисциплиной. Это была жизнь полная военной романтики. Нами руководили отличные мастера своего дела, лучшие снайперы Московского Осоавиахима.

С рассвета мы выходили на полигон и отрабатывали приемы меткой стрельбы. Учебы проходили при очень большой нагрузке. К вечеру даже резало глаза от чрезмерного напряжения, а правое плечо ныло от перегрузки, полученной в результате удара приклада при отдаче. В ушах дли-

тельное время после окончания учебного дня стоял страшный звон. Усталые, но довольные своими скромными успехами мы мгновенно засыпали.

Особый восторг мы испытали, когда после длительных стрельб из винтовок с открытым прицелом нам, наконец, вручили настоящие снайперские винтовки с оптическим прицелом. Особенно рад был Евгений. Успехи, достигнутые в первые дни, были преумножены. Пули стали чаще и кучнее поражать различные цели. Теперь нас не смущали появившиеся на короткое время мишени, движущиеся цели. А когда мы выходили «на поиск», восторгам Евгения не было конца, и тут его натура таежного охотника получала полное удовлетворение.

После окончания лагерных сборов, получив звание «снайперов», мы вернулись к учебе в институте и одновременно продолжали совершенствовать свое стрелковое мастерство, с одной стороны в тире института, с другой стороны на снайперском полигоне на станции Челюскинская.

Мне припоминаются соревнования снайперских пар 1939 года, на которых снайперская пара, в составе которой был Евгений, заняла одно из призовых мест.

Однако, как бы ни были интересны наши увлечения стрелковым и лыжным спортом, настала пора проверить наши способности «в деле». Это произошло в декабре 1939 года. К тому времени на Карельском перешейке и других участках финского фронта финны оказали нашим войскам упорное сопротивление. Специфика военных действий в условиях зимы, глубокого снега и непроходимых таежных лесов потребовала ввода в бой опытных лыжников и квалифицированных стрелков.

Группа менделеевцев в составе около 20 человек была приглашена в районный комитет ВКП(б). Среди них был и Евгений. В военном отделе райкома нас информировали о ситуации, сложившейся на фронте, и предложили добровольцам вступить в формируемый добровольный лыжный батальон. Предложение было неожиданным (заранее нас к этому не готовили) и, чего греха таить, не все оказались на высоте. Однако, что касается Евгения, то он не задумываясь ответил: «Да».

Вместе с ним мы воевали четыре месяца в таежных лесах Финляндии. Всегда в движении, всегда начеку, в любой холод, подчас впроголодь, часто под ураганным огнем противника – таково было наше боевое крещение.

Евгений был моим напарником по снайперской паре, и лучшего напарника я до сих пор не могу себе представить. Не один белофинн остался лежать на мерзлой земле, сраженный снайперским выстрелом Евгения. Первое боевое крещение Евгений выдержал с честью.

Окончилась, так называемая, «финская кампания». Мы снова вернулись в свой родной институт с тем, чтобы продолжать учебу.

Евгений с упорством и усердием наверстывал упущенное и с успехом

догнал своих однокурсников. Он много и упорно работал в ОСОАВИАХИ-Ме, передавая молодежи свое стрелковое искусство, преумноженное на приобретенный опыт.

Однако, каждый из нас понимал, что полученная передышка не может быть длительной. Международная обстановка все более обострялась. С большим вниманием и пониманием мы прислушивались к сообщениям докладчиков о международном положении. Особенно большой интерес вызывали у нас лекции товарища Свердлова (брата Якова Михайловича Свердлова). Мы чувствовали, что снова пахнет порохом, что скоро снова придется взяться за оружие. И поэтому, когда 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, для Евгения не существовало вопроса, где его место.

В числе первых он ушел с оружием защищать свою родную Отчизну и отдал жизнь за ее счастье. Я не был с ним рядом в предсмертный час, но верю, что он погиб достойно, пал смертью храбрых, до конца выполнив свой долг перед Родиной.

На мемориальной доске при входе в институт, на мраморной стене памятника, что стоит на территории института, золотыми буквами высечены имена тех, кто отдал свои жизни за наше счастье. И среди них имя Евгения Елькина. Запомни эти имена, товарищ!

Своей жизнью, своим счастьем, всем, что ты имеешь сегодня, ты обязан им! Чти и береги память о них!»

Фронтовая судьба Евгения Елькина не ясна до наших дней.

Справка поисковиков 1960-х: «Елькин Евгений Иванович. Год рождения 1919. Студент 5 курса. Призван в армию в 1941 году. Рядовой. Пропал без вести в августе 1941 года.»

Информация из портала ОВД «Мемориал» также скудна. Резюме данных «Мемориала» таково: «Елькин Евгений Иванович. Звание, должность – данных нет, неизвестно. Член ВЛКСМ. 1919 года рождения. Родился в г. Сыктывкар Коми АССР. Призван в армию Советским РВК г. Москвы в июле 1941 года. Можно считать пропавшим без вести в августе 1941 года. Писем не было вовсе. Мать – Елькина Александра Ювенальевна (Сыктывкар, Заводская, д. 76).»

Сотрудник Сыктывкарского горвоенкома капитан а/службы Темноев указывает, что 20 июня 1948 года – первый раз предоставляет информацию о том, что Елькин Е. И. пропал без вести. В качестве базовой информации приложены следующие документы:

- Письмо матери
- Сообщение Советского РВК г. Москвы

Бюрократическая машина Министерства обороны работала на полные обороты, жаль, что КПД этих действий крайне низкий.

«Беречь память!» - призывали ветераны. Призыв актуален и в XXI веке.

Владимир Кузнецов

Студент 2 курса

Имя Владимира Кузнецова во всех памятных «святцах» Менделеевки.

Владимир – боец 10-го ОЛБ на севере Ладоги в зимней войне с Финляндией.

О В.Н. Кузнецове и его товарищах вспоминал ректор МХТИ им. Д. И. Менделеева С. В. Кафтанов в статье к 50-летию со дня основания института «Первый химико-технологический» (Химическая промышленность 12/1970). «В тяжелые для нашей Родины дни многие студенты и сотрудники института ушли на фронт. Менделеевцы всегда будут помнить и чтить имена славных сынов института (студентов Н.П. Василевского, А.И. Юнина, Е.С. Шатловского, С.Г. Петрова, М.Б. Триуса, Е.И. Елькина, С.П. Павлова, Г.А. Ковалю, В.Н. Кузнецова, рабочих института П.Ф. Сергеева, А.И. Орлова, И.А. Батова, Л.З. Соколова, научных сотрудников и аспирантов О.М. Елина, А.Е. Варгу, А.З. Копелева, В.Н. Грифцова, Ш.Л. Саларидзе, В.А. Петросяна и др.), павших смертью храбрых в боях за Родину».

«Кузнецов Владимир Никифорович родился в 1920 году в крестьянской семье. В 1937 году (по другим сведениям в 1938 году) поступил в МХТИ им. Д. И. Менделеева. Ка было принято в те первые годы обучения се студенты проходили на общетехническом факультете. Студентом третьего курса ушел добровольцем на финский фронт, сражался в 10-м отдельном лыжном батальоне.

По окончании войны Владимир вернулся в институт, но с первых дней новой войны уходит на защиту Родины. Его направляют в Высшее военно-артиллеристское училище, окончив которое Владимир получил назначение в 1-й гвардейский дивизион тяжелых минометов. Сначала его часть сражалась под Ленинградом, позднее – под Смоленском. В 1943 году в боях под Ельней Владимир Кузнецов пал смертью храбрых», – сообщает газета «Менделеевец».

Последний приказ по МХТИ им. Д.И. Менделеева для Кузнецова В.Н. от 5 июля 1941 года: «Приказ № 439. Снять с контингента учащихся с 30.VI. 1941г. Как перешедших в военные училища:

Кузнецов В.Н. 138 факультет».

В фондах музея истории сохранилось небольшое досье на нашего героического студента, патриота Кузнецова Владимира Никифоровича. Среди документов:

а) автобиография от 27.06.1938г.

б) письма отца – Кузнецова Никифора Павловича (1958г.) в адрес дирекции МХТИ им. Д. И. Менделеева.

в) ответ Кузнецову Н. П. и. о. директора института, доцента Д. А. Кузнецова.

Автобиография: «Родился 2-го ноября 1918 года в крестьянско-среднекрестьянской семье деревни Бычки, Бондарского района, Тамбовской области. Отец – сын крестьянина, родился в 1887 году в той же деревне, что и я. В 1907 году женился на Ерофеевой Евдокии Пантелеевне, девушке-крестьянке той же деревни. В 1909 году он призывается на службу в армию в Москву. В 1913 году возвращается со службы и, поссорившись со своим отцом и братьями за то, что те притесняли мою мать, уезжает на промыслы Махач-Калы (Кавказ). Вскоре к нему приезжает и мать с двумя малышами (моими старшими братьями Александром и Иваном). Здесь, на рыбных промыслах, отца застаёт Империалистическая война. Он призывается на фронт в действующую армию; в первых же боях ранится в ногу. После выздоровления был обратно отправлен на фронт, откуда возвращается после Октябрьской революции 1917 года. В 1918-19-20-21 годах отец работает в местных волостных организациях; в 1920 году призван в территориальный полк для защиты Тамбова от Мамонтова; в 1921 году принимает участие в подавлении эсерско-кулацкой банды Антонова. По окончании гражданской войны занимался крестьянством. Хозяйство было разорено (корова и другое были взяты бандой), но к 1918 году оно было средним (корова, лошади, овцы). В 1929 году отец вступает в колхоз. В 1931 году отец уезжает в Тушино, где и живет по настоящее время. В Тушино он работал на стройке в кооперативе,(?) а сейчас сторожем на фабрике «Шитые ремни».(?). Семья переехала также в Тушино, где и сейчас находится. Моя семья состоит из отца, матери-домохозяйки, старших братьев: Александра, работающего шофером, недавно женившимся, Ивана, служащего в РККА младшим командиром; старшей сестры Неонилы и трех младших братишек, учащихся.

Я поступил учиться в 1927 году в начальную сельскую школу деревни Бычки. В этой школе я проучился до 1931-го года. В 1931 году поступил в 5-ый класс, только что открывшейся ШКМ в соседней деревне Городище. В этой школе я учился до 1933 года: в декабре 1933 года меня брат увез в Тушино, где я живу в данное время. В 1935 году я оканчиваю неполную среднюю Тушинскую школу и перехожу учиться в 8-ой класс средней Тушинской школы, которую окончил 20-го июня 1938 года.

Начиная с 8-го класса не имел плохих и посредственных отметок: учился на хорошо и отлично. Вместе с учебой вел общественную работу в школе. В 8-м классе – председателем совета отряда, в 9-м классе – старостой класса, а после вступления в комсомол (октябрь 1936 года) был старостой политкружка, в последнее время был членом комитета комсомола школы.

27/VI-38 года. К сему: В. Кузнецов».

Письма отца Владимира Кузнецова - Никифора Павловича Кузнецова в дирекцию МХТИ им. Д. И. Менделеева от 1 марта 1958 года:

«Здравствуй Уважаемая Дирекция института! Письмо от отца бывшего студента 5 курса Вашего института в 1941 года Кузнецова Владимира Никифоровича. Год рождения 1920. С третьего курса Кузнецов В. Н. уходил добровольцем на защиту Родины с бело-бандитами Финской войны и в 1941 году Кузнецов В. Н. пошел добровольцем в ряды советской армии с пятого курса института через Советский Райвоенкомат и Комитет комсомола, так как он был комсомольцем г. Москвы.

Был направлен в Высшее Военное артиллерийское училище имени Красина, училище было эвакуировано в город Миас Челябинской области, где он ее и окончил в 1942 году и присвоено ему звание техника-лейтенанта, два кубика на петлицы, а в 1942 году был направлен из училища в действующую армию назначен в 1-ый Гвардейский тяжелый минометный дивизион начальником боепитания, сражался против немецко-фашистских войск под Ленинградом.

В 1943 году нашим командованием Володина часть была перекинута на Смоленщину за взятие г. Ельни. И в 1943 году в августе месяце под г. Ельней пал Володя комсомолец Кузнецов, мой любимый сын славой храбрых.

Тяжелую утрату понесла и Родина. Сколько на него ушло средств на учебу и воспитание. Но что делать – война без жертв не бывает. Я его провожал на войну и сказал: «Володя, я тебе и мать, как итальянская мать провожала своего сына на войну и вручала ему щит и сказала ему вернись Володя со щитом или останься на щите. А я сказал, вернись Володя с Красным знаменем или останься с почетом под знаменем. Вот Володя и остался под знаменем – похоронен на Смоленщине, Каменский район.(?)

Старший сын – Иван Н. в настоящем служит в рядах советской армии в звании майора.

С 1914 года рождения 22 года служил в советской армии и вместе часть шла в бой с Володиной Ивановой. Иван Н. Володю хоронил, сделал ограду, памятник, прибил металлическую доску. Иванов Н. Кузнецов в/ч . Калужская область станция Шайково, Кировского района в/ч 40444. Я решил и посылаю две Володиных фотокарточки, (проф) союзный его билет, чтоб все студенты молодого поколения были такими же патриотами в учебе, а нужно ежели то за Родину отдать свою молодую жизнь. Может быть и не знает институт о судьбе Володи Кузнецова, я лично то я расскажу о всех подробностях о Володе. Прошу директора при получении сего письма ответить мне. Еще просьба – если возможно то ассигновать по возможности сумму денег. Я решил со своим сыном Иван Н. поехать на Володину могилу и ее восстановить. Пока я сам жив – мне 70 лет –

пенсионер, сам 14 лет в армии, Царской 7 лет, член Партии с 17. Звание – ротный командир, крестьянин Тамбовской области Бандорского района, село Бычки. В правах(?) не лишен. Шесть сыновей, одна дочь, десять внучат. Все дети – члены партии и комсомола. Если собрать всех членов семей моих то их 25 человек. Уже одна внучка заканчивает 10 класс, одна внучка 9 кл., один внук 9 кл., один – 6-й, один – 4, один первый. Остались дошкольники. А дети все с высшим образованием. Снохи – со средним. Первый из них – Володя – убит, но что делать! Затем до свиданья, сообщите о получении.

Адрес мой – г. Красногорск, Московской обл., Калининская ул., д № 1, кв. 3. Кузнецов Никифор Павлович.

Это письмо решил написать Вам в память сорокалетия Красной Армии, жду ответа, уважаю как Вас, и всех студентов института им. Менделеева.

С приветом, Н. Кузнецов»

Ответ Кузнецову Н. П. и. о. директора института, доцента Д. А. Кузнецова: «9 апреля, тов. Кузнецову Никифору Павловичу, Московская область, г. Красногорск, Калининская ул., д. 1, кв. 3.

Дорогой Никифор Павлович!

От имени дирекции института благодарю Вас за присланное Вами письмо, в котором Вы сообщаете о героической смерти Вашего сына – студента нашего института Владимира Кузнецова, павшего в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при освобождении нашей любимой Родины.

Разделяя с Вами постигшее горе, институт помнит и не забудет студента Владимира Кузнецова, одного из первых добровольцев, ушедших в ряды РККА 16 января 1940 года на защиту нашей Родины в борьбе с белофиннами и в 1941 году в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В настоящее время институт, в целях увековечивания памяти менделеевцев, погибших на полях сражений при защите нашей Родины в борьбе с белофиннами и фашистскими захватчиками, готовит мемориальную доску, на которой также будет включена и фамилия Вашего сына, на открытие которой институт вышлет Вам приглашение.

И. о. директора института доцент Д. А. Кузнецов

Р. С. К письму Д. А. Кузнецова от 9 апреля 1958 г:

1. Указана дата ухода (отъезда) на финский фронт Владимира Кузнецова – 16 января 1940 года. (Вероятно, был какой-то официальный документ – приказ по институту, уведомление из РВК и пр.).

2. Уточнена дата – 1959 год – открытия мемориальной доски в главном вестибюле здания на Миусах.

Данные ОБД «Мемориал» доносят до нас первичные сведения о гибели гвардии технике-лейтенанте Кузнецове Владимире Никифоровиче,

состоявшем в распоряжении командира в/ч ПП 53716 (Приказ ГУК Вооруженных сил Союза СССР от 20 января 1947 года) – пропал без вести в ноябре 1943 года.

А. Кудряшов

студент 2 курса

Информация о Кудряшове А.В. только из кадрового приказа по МХТИ им. Д.И.Менделеева.

Приказ №439 от 5 июля 1941 г.

Снять с контингента учащихся с 30.VI. 1941 г. как перешедших в военные училища:

.... 4. Кудряшов А.В. II курс 10 гр. 138 фак.

Есть информация, что Кудряшов А.В. учился вместе с Вадимом Богословским в одной группе.

Вадим Богословский

студент 2 курса

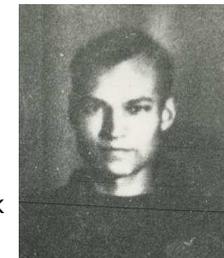
Информация о делах этого юного патриота-менделеевца, к сожалению, на сегодня у нас минимальна. Только строчки из приказа №439 по МХТИ им. Д.И. Менделеева:

Снять с контингента учащихся с 30.VI. 1941 г. как перешедших в военные училища.

.... 6. Богословский В.А. II курс 10 гр. 138 фак.

В черновых материалах (из фондов Музея истории РХТУ) поисковиками 1960-х помечено: «Доброволец финской войны. Вернулся в институт. Доброволец ВОВ. После окончания войны вернулся в институт. Выпускник физхима (? – А.Ж.). Умер от производственной травмы. Информация получена от доцента Дубиной В.П.»

Личное дело студента Богословского в архиве университета обнаружить не удалось.

Игорь Тужилкин

студент 2 курса

Характеристика друзей:

Одаренный, всесторонне развитый, с большими способностями и широким кругозором интересов и с высоким уровнем общего развития. Можно только удивляться, как много ему было доступно. Прекрасно учился, отличный спортсмен (член сборных института по нескольким видам спорта!), знаток литературы и искусства, писал стихи и активно участвовал в самых разнообразных сторонах жизни ин-

ститута. Все это делалось настолько просто и скромно, что воспринималось как само собой разумеющееся и неотделимое от Игоря. Даже как-то не думали, что все эти достижения приходят к Игорю не сами по себе, а в результате большого повседневного и упорного труда, что в их основе лежит эффективная трудоспособность в сочетании с высоким чувством коллективизма. Просто все были твердо убеждены, что любое дело Игорю по плечу и что на него всегда можно положиться.

Биография ветерана:

Родился в 1919 г. в Москве в семье инженера–строителя. После окончания средней школы в 1939 г. поступил в Академию химзащиты, а оттуда перешел в МХТИ. В институте с первых дней учебы Игорь активно занимался спортом: в стрелковой секции, метанием ядра, лыжным спортом. Это, пожалуй, и определило, то что он в числе 19 студентов–менделеевцев стал добровольцем во время финской войны, хотя он тогда был студентом только второго курса. Игорь Тужилкин воевал вместе с другими менделеевцами в 10–м отдельном легко-лыжном батальоне на Петрозаводском направлении. Из-за сложного рельефа, большого количества озер и болот сплошной линии фронта не было, на этом направлении война была маневренной, поэтому и нужны были легколыжные батальоны. Действовали в основном небольшими группами – взводами, ротами. Игорь Тужилкин был пулеметчиком на одном пулемете с Ваней Василевским, Ваня был первым номером, а Игорь – вторым. И когда Володя Александров вытаскивал раненых Романа Эпштейна и Ваню Василевского, то Игорь Тужилкин и Виктор Попов прикрывали их огнем своих пулеметов.

12 марта 1940 г. был заключен мир с Финляндией, а подразделение, в котором находился Игорь, было в разведке. 11 марта за несколько часов до окончания войны Игорь был ранен – ему прострелило обе ноги. Спас Игоря Павел Мушулов – он на лыжах тащил его до госпиталя почти два часа. Помогло спасению то, что был очень сильный мороз, одежда замерзла и кровь остановилась. В госпитале Игорь пробыл до мая 1940 г. и вернулся в Москву в родной институт опять на второй курс. А когда началась Великая Отечественная война, в ноябре 1941 г. Игорь Тужилкин был направлен в 1-е Московское артиллерийское училище им. Красина. Участвовал в параде на Красной площади 7 ноября 1941 г. Затем училище было эвакуировано на Урал в г. Миасс, где они осваивали гвардейские минометы – «катюши». Окончил училище в январе 1942 г. в звании гвардии младшего лейтенанта и был назначен начальником разведки дивизиона в 27 Гвардейский минометный полк. Вместе с полком был направлен на Северо – Западный фронт под Старую Руссу.

За героизм, проявленный в боях под Старой Руссой, Игорь Тужилкин

был награжден орденом Красной Звезды. В 1942 г. Игорь был сильно контужен, но поле боя не покинул. Но вскоре он был тяжело ранен в легкое и отправлен в госпиталь, где лечился до конца 1944 г. В 1944 г. вернулся в Москву инвалидом второй группы, а в 1945 г., еще до окончания войны вернулся МХТИ. В 1949 г. Игорь Тужилкин закончил институт, кафедре пластических масс. И.М. Тужилкин постоянно выполнял большую общественную работу, будучи в течение ряда лет секретарем парткома института, трижды избирался депутатом райсовета. В настоящее время (1960-е) Игорь Михайлович Тужилкин является заместителем министра медицинской промышленности СССР.

Боевые награды:

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.».

Воспоминания И. Тужилкина о друзьях на финской войне опубликованы в «Менделеевце» 7 мая 1965 г. под названием «Фронтальная тетрадь гвардии капитана». Вел ли на финском фронте Игорь Михайлович дневники, не ясно, но описание боя от 28 января 1940 года (датировка, судя по письму Романа Эпштейна) очень детально. Это был первый бой наших добровольцев.

ФРОНТОВАЯ ТЕТРАДЬ ГВАРДИИ КАПИТАНА И.М. Тужилкина

Это было в 1940 году. Много лет прошло с тех пор. Был трудные годы Великой Отечественной войны. Много страшного пришлось пережить. Борьба и тяжелый труд, страдания физические и нравственные были нашими спутниками в те годы. Но события, разыгравшиеся в заснеженных лесах Финляндии, все еще хранят память, потому, что там мы впервые увидели смерть рядом с собой, там узнали мы цену жизни и поняли многое, потому что впервые пролилась тогда наша собственная кровь. Мы были юные и неопытные, но сильные и веселые. Мы очень любили жизнь и шли воевать. Мы были добровольцами. И так, год 1940-й.

Было еще совсем темно, когда по колонне передали приказ занять оборону. Пущены в ход саперные лопатки, легко поддается рыхлый снег, и вот мы уже на дне снегового окопа. Мой «первый номер» Ваня Василевский прилаживает на бруствере ручной пулемет. Я, нарубив ветвей с соседних елок, устилаю ими дно окопа, чтобы создать некоторый уют. Кто знает, сколько времени нам придется провести здесь. Работа окончена, и мы с удовольствием садимся на пахнущий хвоей ковер. Спать нельзя, да и опасно по-

настоящему заснуть на тридцатиградусном морозе: есть риск вообще не проснуться. Мы бодрствуем, несмотря на две бессонные ночи, проведённые в походе.

В предрассветной мгле справа и слева от нас едва различимы такие же, как наш, снеговые окопы и серые фигуры товарищей, копошащиеся в них. Над нами нависли покрытые снегом лапы большой ели, впереди несколько мелких елочек, а дальше снеговая гладь озера. Там, на противоположном берегу, метрах в трехстах от нас – окопы белофиннов. Об этом нам сказали командиры.

Медленно светает. Уже можно различить лес на том берегу. Тишина безветренного морозного утра нарушается лишь потрескиванием коры на деревьях. Лесная опушка имеет такой мирный вид, так приветливо смотрят сосны и ели, дремлющие под пушистыми снежными шапками, что невольно встают в памяти родные подмосковные леса, которые еще совсем недавно приветствовали нас, когда в воскресенье мы выходили на лыжную прогулку.

Наши мирные мысли прерывает вдруг минометный огонь и пулеметные очереди. Перестрелка началась справа от нас и усиливается с каждой минутой, но на нашем участке еще спокойно. Мы знаем свою задачу – прикрыть левый фланг наступающей части и открывать огонь только по видимой цели. Внимательно наблюдаем за противоположной опушкой. Хорошо виден мелкий ельник, за ним штабеля заготовленных с осени дров и старая лесная сторожка. Враг не обнаруживает себя, но мы знаем, что он затаился и выжидает, выжидаем и мы. Перестрелка усиливается. Наконец, оживает и наш участок. Пули поднимают снежную пыль с бруствера окопа, щелкают по стволам деревьев, срезают ветви молодых елочек, воткнутых нами около окопа для маскировки.

Осторожно выглядываем из окопа и замечаем на противоположном берегу движение: откуда-то появились небольшие белые холмики, которых не было раньше. Становится ясно, что это одетые в белые маскировочные халаты солдаты противника, которые, видимо, стремятся выйти во фланг нашим наступающим частям. Наша рота также открывает огонь, Ваня припадает к пулемету, который работает безотказно. Вскоре мне приходится заряжать первый опустевший диск. Бой разгорается все ожесточеннее. По цепи передают: «Лекпома на левый фланг». Очевидно, у нас появились раненые. Но лекарский помощник, единственный медик нашей роты, как выяснилось позже, был сам ранен в первые минуты боя.

Выясняется, что ранены политрук и помощник командира взвода. Один из наших ребят – Роман Эпштейн – ползет к их окопу, чтобы оказать помощь. От нас до него метров двадцать, и мы ясно видим, как он приподнимается и падает. Убит? Нет, шевелится. Значит, ранен. Не

успеваю опомниться, как Ваня Василевский с криком: «Бери пулемет» вываливается из окопа. Короткими бросками он добирается до Романа, приподнимает его и вдруг сам оседает на снег, схватившись за грудь. «Все!», – говорит он и замирает около окопа. С другой стороны, проваливаясь по пояс, уже движется к страшному окопу кто-то из наших. Это Володя Александров. Он благополучно добирается до раненых и припадает рядом с ними. Очередь за очередью выпускаю по белым фигурам на озере. Ствол пулемета жжет руки – рукавицы обронил.

Постепенно затихает стрельба с противоположного берега. Бой перемещается правее. У меня кончаются патроны. Оглядываюсь вокруг. Слева двое наших с пулеметом, остальные окопы пусты. Видимо, в горячке боя я не слышал приказа. Сзади слышу голос Виктора Попова: «Ползи ко мне, был приказ отойти в лес. Почти все ушли, пора и нам». Нас разделяет не более десяти метров снеговой поляны. Ползу, не оглядываясь. Автоматные очереди бороздят снег слева и справа. Кажется невероятным, что до сих пор цел. Наконец, сваливаюсь в окоп Виктора. Закуриваем.

Совсем недалеко от нас густой лес. Мы ползем к нему, выбиваясь из сил, преодолевая последние страшные метры. Пули свистят режее. Поднимаемся и идем во весь рост. Только теперь приходит смертельная усталость, хочется лечь и забыть все. Но надо идти разыскивать своих, узнавать обстановку.

С глазами, ввалившимися от бессонных ночей, голодные, утомленные быстрой сменой событий, идем мы по колено в снегу, сгибаясь под тяжестью оружия и снаряжения. Это был наш первый бой. Сколько их еще впереди? Мы идем туда, где по расчетам должны быть наши. Кругом хмуро шумит лес, чужой, неприветливый, полный неожиданностей. Вдали слышна затухающая перестрелка.

«Менделеевец» № 15/1965 от 7 мая 1965 г.

Юрий Люстгартен (Королев)

студент 2 курса

Характеристика друзей:

У него нет резких отличий от своих сверстников. Однако его круглое часто улыбающееся лицо вызвало симпатию, а при общении с ним познавали его доброжелательное участие, верность товарищам, постоянство в дружбе, ценили его спокойное поведение.

Надежный товарищ, Юра был желанным участником бесчисленных студенческих дел. Его увлечение спортом, которому он отдавал избыток

своей энергии, было естественным желанием внести свой конкретный вклад в общую кошелку результатов.

На две войны Юрий Германович уходил под фамилией отца – Люстгартен (вероятно, из немцев Поволжья). В книге Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» описан такой случай – там герой/ю сменили не фамилию немецкую, а национальность – так то литература, здесь жизнь.

Биография ветерана:

Родился в марте 1920 года в Саратове.

В 1937 году поступил в МХТИ им. Д.И.Менделеева. В декабре 1939 года с группой студентов-добровольцев ушел в Красную Армию в составе 10-го отдельного легкоколыжного батальона. В апреле 1940 года был демобилизован по болезни.

В начале Отечественной войны ушел в армию и поступил в Московское артиллерийское училище им. Красина, которое окончил в апреле 1942 года в звании лейтенанта.

В июне-августе 1942 года принимал участие в боях на Юго-Западном фронте как командир взвода 317-го отдельного Гвардейского минометного дивизиона. Дальнейшую службу проходил в 410-м отдельном Гвардейском минометном дивизионе, входившем в состав 2-го механизированного корпуса, затем переименованного в 7-й Гвардейский механизированный корпус. Находился на должностях командира взвода и командира батарей. Участвовал в боях: в сентябре 1942 – апреле 1943 года на Калининском фронте, при обороне г. Великие Луки; в мае-июле 1943 года на Брянском фронте участвовал в Орловско-Курской операции, в августе-сентябре 1943 года на Центральном фронте при освобождении г. Севска. В октябре - ноябре 1943 года в составе 1-го Украинского фронта участвовал в освобождении левобережной Украины, гг. Нежина, Конотопа, в форсировании р. Днепр. В октябре-ноябре 1944 года принимал участие в боях на 3-м Белорусском фронте, в боях под г. Каунасом.

В январе-мае 1945 года в составе 1-го Украинского фронта участвовал в боях под г. Ченстохов, в Нижне-Силезской операции, в Берлинской операции, в освобождении Чехословакии, Праги.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Демобилизован в мае 1948 года в звании капитана с должности начальника топографической службы корпуса.

Закончил институт в 1952 году, затем аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и долгие годы работал на кафедре химической технологии топлива в должности ассистента, а затем доцента.

Автор 2-х учебников, пяти методических пособий, 45 статей и авторских свидетельств.

Несколько тысяч абитуриентов Менделеевки набора 1959 года имели дело (причем каждый персонально) с ответственным секретарем приемной комиссии Королевым Юрием Германовичем.

К дню 45-летия Великой Победы интересное, доброе интервью с ветераном подготовила Виктория Софенина (Менделеевец 14-15/1990), где Юрий Германович вспоминал и о финской:

«Когда она началась, комсомол бросил клич, что армии нужны спортсмены–лыжники. Вы понимаете, что это было связано со спецификой военных действий в Финляндии. В ответ на призыв 19 человек из нашего института ушли добровольцами, и я тоже. Правда, сказать, что я участвовал в Финской войне, это слишком громко. Я пробыл на фронте 15-20 дней. Были страшные морозы, и так случилось, что я получил крупозное двустороннее воспаление легких и попал в госпиталь в Петрозаводске. Так там и провалялся».

И в бою, и в труде – на переднем крае

Юрий Германович Королев. Это имя известно тем, кто работает и учится в Менделеевке, особенно топливникам, и тем, кто учился до войны.

В числе добровольцев-лыжников комсомольского отряда Москвы Юрий Королев воевал суровой зимой 1940 года в лесах Финляндии. В 1941 году Королев снова пошел туда, где в это время было тяжелее всего.

Начав войну командиром взвода гвардейского минометно-артиллерийского дивизиона, он прошел с ним трудный путь по дорогам войны, принимал участие в боях за освобождение Польши, Чехословакии, Венгрии.

Сейчас кавалер двух орденов и трех боевых медалей доцент Юрий Германович Королев опять на переднем крае, среди тех, кто работает молодо, задорно, с огоньком.

Научно-исследовательская работа и лекции, руководство дипломными проектами и повседневные занятия со студентами – сколько времени требует все это от настоящего педагога советской высшей школы! Член парткома института, председатель комиссии содействия партийно-государственному контролю, удивительно целеустремленный, инициативный и вместе с тем скромный товарищ – таков Ю.Г. Королев.

Поздравляем Вас, Юрий Германович, с Днем Победы, ради которой Вы прошли путь в четыре года войны.

*Коллектив кафедры
химической технологии топлива*

Совет ветеранов института поздравил своего председателя Ю.Г. с семидесятилетием стихами (Б.Н. Житов руку и сердце приложил).

*Посвящается доценту
Ю.Г. Королеву*

... Всего хлебнул он на войне довольно,
Судьба солдата вовсе не легка:
Участвовал в двух войнах добровольно,
Весь срок, как говорится, до звонка.

Потом учеба в институте нашем,
Науки лихо постигал комбат.
Все говорили: «Вот как Юрий пашет»,
Он персональный был стипендиат.

И как в бою когда-то ставил цели,
Так и в науках видел далеко,
Хоть аспиранту в фронтовой шинели
Идти по жизни было тяжело...

Слов теплых для тебя не пожалеем,
Ведь ты готов подставить нам плечо.
Тебя мы поздравляем с юбилеем
И обнимаем, Юра, горячо!

Глава шестая

Наши на той войне

Кроме студентов-добровольцев на финской войне участвовали и менделеевцы разных поколений: студенты и сотрудники.

Кирилл Мерецков

рабочий МПУ

Старший из них по возрасту и времени занятий на Миусах – Кирилл Афанасьевич Мерецков – в МПУ (1915-1916) – слесарь-водопроводчик и ученик миусских воскресных классов. На Финской войне – командарм 2 ранга, командующий войсками Ленинградского военного округа и командующий 7-й армией. Оценка действий 7-й армии в боях на Карельском перешейке под командованием Мерецкова находится в узком диапазоне от «удовлетворительно» до ...

«Детские мечты зарайского паренька из деревушки Назарьево были просты и чисты – видел он во снах себя народным учителем, какими были в родной земской школе Иван Александрович и Ирина Васильевна Емельяновы. В 18 лет у парня, а звали его по-русски просто - Кирилл, появилась другая мечта – «быть инженером - химиком». Откуда эти новые веяния? Конечно, из «Городских Миусских вечерних и воскресных классов для взрослых рабочих», что работали здесь, на Миусах, в «собственном доме» Промышленного училища.

«Взрослым рабочим» был крестьянский паренек Кирилл Мерецков – будущий Маршал Советского Союза, один из редких обладателей великой награды – ордена «Победа». Химией Костю

Мерецкова «заразил» известный каждому из менделеевцев инженер, в те далекие годы 1910-е сотрудник акционерного общества «Гарпиус» Лев Карпов. Редко сегодня вспоминают о том, чем Карпов занимался как технолог – организацией канифольно-скипидарного дела в России. «В сущности, производственный процесс был там несложным, – вспоминал в своих мемуарах «На службе народу» маршал. – В окрестных лесах делали подсечку, то есть насекали сосну до древесины. Из надрезов вытекала живица. Ее собирали, очищали от примесей, удаляли воду и получали таким путем терпентин (очищенную и обезвоженную живицу – природную смолу, состоящую из смоляных кислот и терпеновых углеводородов). Терпентин нагревали, после чего обдавали его паром. Паровую смесь отводили по трубе и охлаждали: внизу оседала вода, вверх собирался скипидар. Когда все масло в терпентиновом сосуде улетучивалось, остаток тоже охлаждали и получали гарпиус, то есть канифоль. Канифоль затем продавали на сургучные, мыловаренные, писчебумажные и лакокрасочные предприятия, а так же фотографам и музыкантам».

Вот такая редкая технологическая пропись от ветерана пяти войн XX века (гражданская, Испания, финская кампания, Волховский и Карельский фронты, 1-й Дальневосточный). А тогда у хозяина Храповицкого в обязанности Кирилла Мерецкова входило следить за исправностью аппаратуры, устранять повреждения и выполнять слесарные работы. Слесарничать Кирилла научили в Москве. Учили основательно. «Вскоре мне стало нравиться, крепко зажав брусок в тисках закручивать ручником и зубилом металлическую стружку. Не сразу научился работать и напильником. Драчевым и шлифным действовал спокойно, бархатным же нередко портил тонкую деталь».

И все же была и радость, и гордость у юного пролетария от овладения новым делом. «Старые модели сходят, новые растут. Запорошенные металлической пылью руки пахнут железом. От постоянного грохота и скрежета гудит в ушах. Пальцы все побиты и поцарапаны. Над головой вместо неба – низкий потолок». Да и тоска по деревенскому дому.

В веренице воспоминаний азы слесарного дела, того, чем Кирилл Мерецков занимался в Московском промышленном училище. «Мне ничего не спускали: зазубришь крейцмейсель — штраф; неровно просверлишь дырку трещоткой — штраф; не уследишь и кто-нибудь унесет метчик для нарезки — двойной штраф. Само же слесарное дело приучало к вниманию, сосредоточенности, ловкости, точности, организованности, порядку, требовало сметки и находчивости.

Сколько раз я обжигался о горячие заклепки, нечаянно пятнил руки соляной кислотой, сколько раз во время пайки капал на себя расплавленным припоем. Но ничто не проходит даром. Пришло умение, мне стали поручать сложную работу, и вот я уже не ученик, а самостоятельный

слесарь. Особенно хорошо справлялся с клепкой. Просверлишь листы, загонишь заклепку, положишь на поддержку, наложишь обжимку — и помахивай молотком. Еще лучше, если есть клепка впотай: раззенкуешь отверстия, приклепал — и спиливай закраины и хвосты.

Подростком я любил всякую крестьянскую работу, но слесарное дело полюбилось еще больше. Может быть, это объясняется характером нового трудового процесса и его более осязаемыми результатами. Там вспахал, посеял и жди: то ли уродит, то ли нет. А тут все зависит от тебя самого. Дождь не нужен, солнце не обязательно, до лошади тебе нет дела. Как поработаешь у верстака, так и будет. И сразу видно, что ты сделал своими руками. Так появлялась гордость за собственный труд, нужный людям, наглядный и заметный.» – Еще один самоучитель, теперь труда слесарного, от Маршала Советского Союза.

Небольшой абзац воспоминаний, изданных за последние полвека почти миллионным тиражом, посвящается нашим предкам из МПУ: «Предпоследнее место моей работы в Москве — мастерские при «Промышленном училище в память 25-летия царствования императора Александра II», где я был слесарем-водопроводчиком. Здесь же работал мой дядя, он и помог устроиться. Училище располагалось на Миусской площади, там, где теперь находится Химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Вокруг было много других фабрик, мастерских и учебных заведений, где кипела рабочая жизнь или ходила революционно настроенная молодежь. Сами мастерские были для меня интересны тем, что они находились при училище, где размещались также «Городские Миусские вечерние и воскресные классы для взрослых рабочих», которые я с большим желанием стал посещать. С первого же дня своего пребывания в Москве я дал себе слово не ограничиться начальной земской школой, оконченной в деревне, и приобрести побольше знаний. Меня вдохновлял пример моего отца, труженика-самоучки. А теперь дядя посодействовал моему поступлению в вечерние классы. Он же помог расширить кругозор еще и в другом отношении. Средств на жизнь и на обеспечение большой семьи ему не хватало, и он вынужден был вечерами служить еще гардеробщиком в театре. Дядя Прокофий часто рассказывал содержание пьес, а изредка брал меня в театр и проводил на галерку. Постепенно я привык к необычным сначала зрелищам и даже полюбил их».

Еще пятьдесят лет назад в Менделеевке студентов нового набора с первым звонком встречал крепкий, с седыми усами старик – родной (по матери) дядя К. Мерецкова, живая легенда Миус. На первом студенческом собрании нового курса он сидел рядом с академиком Н.М. Жаворонковым. В первой истории МХТИ а дядя Прокофий – второй (по алфавиту) в списке ветеранов института, составленному к юбилею 1940-го г.:

2. Добряков Прокофий Иванович. Препаратор спец. лаборатории с 1898 г.

Порфирий Иванович работал в МПУ с первого дня занятий училища. На известной в истории университета фотографии «Менделеевцы получают государственные награды в Кремле» (1940г.) Прокофий Иванович сидит в первом ряду по левую руку от М.И. Калинина.

Золотую Звезду Героя Кирилл Мерецков из рук М.И. Калинина получил в мае 1949 года. Биографические книги К.А. Мерецкова «На службе народу» и «Моя юность» хорошо тиражированы. Были они и в нашей интитулской библиотеке. Юность, уже не ученическую, а рабочую, маршал провел у нас, на Миусах. Думаю, что многие с нами согласятся, что память о Кирилле Мерецкове достойна уважения. Предлагаем установить мемориальную доску:

«В Московском промышленном училище в 1915-1916 гг. работал и учился Герой Советского Союза Маршал Советского Союза, награжденный орденом «Победа», Кирилл Афанасьевич Мерецков».

Сегодня Менделеевка гордится, что среди наших предков из рабочих Промышленного училища был известный советский военачальник, кто в дождливое утро 24 июня 1945 г. открывал под знаменами «Карельского фронта» исторический парад Победы...

Наум Червинский

Студент, выпуск 1939 г., факультет № 138

При составлении «Хроники Университета Менделеева за 1940 г.» в газете «Менделеевец» (№17 за 1980 г.) обнаружили небольшую заметку о том, что в день перемирия на советско-финском фронте погиб выпускник факультета №138 (1939 г.) Наум Маркович Червинский. В списках выпускников МХТИ им. Д. И. Менделеева за 1939 г. его имя значится.

Из сборника «Хроники МХТИ им. Д. И. Менделеева 1918-1960 гг.» эта информация перекечовала в историю университета – «Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева – прошлое и настоящее со взглядом в будущее» (РХТУ, 2002): «В первый день перемирия погиб выпускник спецфакультета Н. Червинский. Так был открыт скорбный мартиролог нашей дани молоху войны».

Дальнейший поиск информации о гибели менделеевца проведен не был. Автором заметки в «Менделеевце» был ныне покойный профессор Алексей Сергеевич Федосеев, в студенческие годы занимавшийся по-

исковой работой. Вспомнить, при разговоре в 2005 г., источник информации о гибели Наума Червинского он не смог. Скорее всего, Наум Червинский был в числе выпускников 1939 г., призванных в ряды РККА.

Из личного дела студента Червинского Н.М. узнаем, что Наум Маркович Червинский родился в Киеве в апреле /мае 1913 г., закончил Киевский силикатный техникум по технологии вяжущих материалов в 1931 г. Стандартная тропа к высшему образованию тех лет для юношей, у которых в графе анкеты «Социальное происхождение» стояла запись «из служащих». Мать Наума, Вера Григорьевна Равинер, зубной врач. Отчим – Равинер Г.А. ответ. исполнитель на заводе «Красный строитель» – тогда платформа «Москворецкая» Московско – Рязанской железной дороги, сегодня «Шиферная». По рекомендации завода Наум пришел в Менделеевку на силикатный, а к сентябрю 1939 г. окончил кафедру №42 факультета №138. Беспартийный, не комсомолец, судя по анкетам – и никаких проблем. Время на политчасах Европы такое – англосаксы и германцы объявили Вторую мировую.

Каким РВК (Москвы или Воскресенска) был призван – неизвестно. Студент Червинский жил в 4-м корпусе Всехсвятского студгородка. Мама Наума скорбную весть получила в Томилине, улица Лескова, 5. На ИХТ факультет помнят о своем питомце. На официальных сайтах о наших потерях во время Финской войны отмечено:

Червинский Наум Маркович

1913 г.р. РСФСР, Московской обл., ст.Т омилино. Кр-ц 5 минб. Погиб в бою 12.03.1940 г. <http://www/patriot-izdat.ru>

Евгений Кузнецов

Студент набора 1939 г. Годы жизни: 1921– 2011

Евгений Филиппович Кузнецов – человек всесоюзно-известный. Заслуженный тренер СССР по легкой атлетике. В 1960-е годы один из тренеров (главный) сборной СССР лучшей легкоатлетической дружины в мире. В беседе с менделеевцами Е. Ф. заметил, что он учился в МХТИ и в 1939 г. принял участие в финской войне. Он был из отряда менделеевских студентов, призванных в РККА ранней осенью 1939 г. К сожалению, дальнейшего контакта с Е.Ф. не состоялось.

В статье, опубликованной в 2008 году, Е.Ф. вспоминает довоенные годы: «Из моих ровесников, тех, кто родился в 1921 году, лишь три процента дожили до дня Победы. Но сначала была война, как говорили тогда, с белофиннами, на которую я попал 18-летним юношей. Служил разведчиком артиллерийского полка. Морозы стояли зимой 1940-го небывалые — доходили до 52 градусов. Пушки отказывали, а люди в большинстве своем нет, хотя и приходилось нелегко. Меня выручала спортивная

закалка. Как-никак, без малого пять лет я отзанимался легкой атлетикой в столичном «Спартаке», куда попал с подачи чемпиона и рекордсмена страны в беге на 1500 метров Люки Гвоздовера (*выпускник и аспирант МХТИ им. Д.И. Менделеева, чемпион СССР – А.Ж.*). Мы познакомились с ним на стадионе АМО, и у него на глазах я пробежал, причем босиком, просто спортивных тапочек у меня тогда не было, стометровку за 12 секунд. Он похвалил меня, а потом порекомендовал своему тренеру Василию Михайловичу Стеблеву. И уже через день я был на базе «Спартака» в Тарасовке и начал тренироваться с известными мастерами. Так началось мое серьезное увлечение легкой атлетикой».

На просторах Интернета нашли биографию заслуженного тренера, где он подтверждает свою принадлежность к Менделеевке. Вот статья Алексея Сребницкого «Все зовут его Филиппыч» («Теория и практика физической культуры» №11 /1996 г):

«Замечено – не мной, но до меня: куда как проще и интереснее писать о новых людях, нежели о знаменитостях. Ведь о «гигантах», вроде бы, все уже сказано-пересказано. Все так, но каждый раз, встречаясь с Евгением Филипповичем Кузнецовым (а уж ему известности не занимать – заслуженный тренер СССР, а теперь – России, «отец», можно сказать, всей легкой атлетики приснопамятного студенческого общества «Буревестник», учитель многих великих спортсменов), всегда испытываешь огромное удовольствие и узнаешь для себя что-то «свеженькое».

Филиппычу, как звали его друзья всю жизнь и как зовут сейчас, уже «стукнуло» 75. В нынешнем году помучили его различные «болячки», но справился, снова «на плаву», разве что малость поиззящел фигурой. Пенсионер, но не просто на «госдотации», а неугомонно консультирует легкоатлетов-студентов, тех, кто без его советов обойтись не может. Правда, чаще встречается с ними не на легкоатлетических аренах, а «в интима», главным образом – за шахматной доской. Разговорами игра не мешает.

Филиппыч шахматы любил всегда. Более того, однажды рассказал мне, что в юном Саше Братчикове, которому суждено было стать одним из его наиболее заметных в спортивном мире учеников, его сразу же привлекла тяга юнца к древнейшей игре. Тот в мальчишках аж на Рождественский бульвар ходил – проверить себя в «уличных схватках» с пенсионерами. Учитель и ученик и теперь встречаются нередко и непременно расставляют на доске фигуры, а сбоку водружают шахматные часы. Блиц – любимая игра. В чью пользу? Об этом умолчим, но вот что говаривал их частый партнер, гроссмейстер Алексей Суэтин:

— Братчиков — лучший шахматист среди бегунов. Но и Евгений Филиппович весьма не плох...

Но недаром говорил в свое время Маяковский: я – поэт, этим и инте-

ресен. И каким бы ни был Филиппыч мастером передвижений пешек и слонов, были в его жизни фигуры и поважнее. Его любят и знают за служение легкой атлетике, а длится оно многие-многие годы.

Рос он на московском дворе, а это значит – футбол, лапта, а зимой коньки в парке Горького и лыжи на Ленинских горах. Спортивного паренька заметил тренер спортшколы в Замоскворечье Григорий Кукушкин и пригласил в свою группу бегунов. Год спустя 14-летний Женя «попался» на глаза фанатику легкой атлетики Василию Стеблеву и стал тренироваться у него в спартаковской Тарасовке. Увы, вместе поработать пришлось недолго: в 38-м Стеблев был по ложному навету репрессирован и сгинул в сталинских лагерях. А вскоре Кузнецов, уже студент МХТИ (*выделено мною – А.Ж.*), был призван в армию и стал участником бесславной «финской кампании». Отделался, славу Богу, одной контузией и дослужился до старшего сержанта.

Повоевал, само собой, и в Отечественную — на Ленинградском фронте. В вещевом мешке артиллерийского разведчика наряду с нехитрым солдатским скарбом путешествовали по позициям учебник «Легкая атлетика», брошюры Михаила Ботвинника, а также беговые туфли и спартаковская майка. В редкие минуты затишья он сооружал из молодых березок и длинной ветки устройство для прыжков в высоту и демонстрировал товарищам по оружию прыжки «хорайн».

В 45-м бывший легкоатлет, демобилизовавшись, разыскал знакомого еще по довоенным годам Николая Озолина и под его «патронажем» поступил в высшую школу тренеров. Самому о результатах и рекордах думать уже не приходилось – лучшие годы да и здоровье отняла война, а с легкой атлетикой расставаться не хотелось. И с тех пор его тренерская судьба была связана со студенческим спортом, под какими бы названиями и знаменами он у нас в стране ни существовал.

Как-то раз по моей просьбе Кузнецов попытался составить список спортсменов, из тех, кого он открыл, тренировал, «доводил», консультировал, — разумеется, в легкоатлетическом мире известных. Но вскоре у него устала рука, а у меня – иссякло терпение. Больно уж много имен пришло на память Филиппычу, и все это, заметьте, безо всякой попытки незаслуженно себя прославить. Тогда я попросил его выделить «самых-самых», и он после долгих раздумий (боялся, вдруг кого да обидит!) назвал три имени. Все трое – хорошо знакомые мне фигуры.

Началось все с Игоря Ильина, который всего на семь лет был моложе своего тренера. С него Кузнецов практически начал свои тренерский путь в мире большой легкой атлетики. Нельзя сказать, что был Ильин барьеристом высшего мирового уровня, однако выиграл четырехсотметровку на Первой спартакиаде народов СССР, владел национальным рекордом на этой дистанции, побеждал на чемпионатах страны. Многие

в те годы они с Кузнецовым делали наощупь, и недавно Филиппыч признался мне, что сам лишь потом понял, как многому научил его, тренера, его первый ученик.

Ильин был и остался для Кузнецова самым близким из воспитанников прежде всего как личность. Учился Игорь в МВТУ — безо всяких «скидоч» на занятость тренировками и соревнованиями. Был истинным интеллектуалом во всем, и в спорте в том числе, продумывая каждую деталь своей подготовки. Например, настоял на том, чтобы тренер разрешил ему продолжать занятия боксом, в летние месяцы хоть на неделю-другую да выбирался в альпинистский лагерь. Считал, что бокс и альпинизм дают ему, барьеристу, такие качества, как гибкость, ловкость, выносливость, а опасностями, связанными с этими увлечениями, попросту пренебрегал. Словом, неудивительно, что Ильин остался для Кузнецова самым любимым учеником.

Александр Братчиков. Он запомнился в легкоатлетическом мире тем, что сокрушил много лет казавшийся незыблемым рекорд Ардалиона Игнатъева в беге на 400 метров — 46,0. Хотя на десятую долю секунды да «обогнал» уже сошедшего с дорожки рекордсмена. Я уже говорил об увлечении Братчикова древнейшей игрой, а стало быть, об аналитическом складе его ума, без которого, по твердому убеждению Филиппыча, на «длинном спринте», хоть гладком, хоть с барьерами, делать нечего. И хоть многие его коллеги были с этим тезисом не согласны, предпочитая примитивное «даешь скорость!», делом-то (то есть результатами) они свою правоту подтвердить не могли!

Нет, все же оговорился Филиппыч, не трое их было, а четверо. Ибо как сбросить со счетов рано ушедшего из жизни Валентина Чистякова, который хоть и бегал «барьерный спринт» — 110 метров, а все равно многое почерпнул у Кузнецова. А «свела» их, если так можно выразиться, жена Чистякова, красавица Наташа, которую так рано, в расцвете сил, оставил Валя вдовой с пятью ребятишками.

Тоже, скажу я вам, умница-разумница. Бегала и спринт, и барьеры, а попала к Филиппычу — ушла на гладкий бег на 400 метров. Работала как одержимая, на Олимпиаде в Мехико стала бронзовым призером. Окончила «без дураков» медицинский институт, стала дипломированным врачом. Под жестким ударом судьбы со смертью мужа не согнулась, воспитывала детей. Сейчас живет в Америке, вышла (дай ей Бог счастья!) замуж. И вот очередная «новость от Филиппыча»: на Олимпиаде в Атланте в составе легкоатлетической сборной России выступал старший сын Наташи и Валентина Виктор, прыгун с шестом. Правда, большого успеха не имел, но и попасть в сборную страны — немалое достижение. Важно начало.

Назвал я имя Наташи Чистяковой и вдруг подумал, что среди «птенцов

гнезда Филиппыча» за все долгие годы девушки не то чтобы были исключениями, но работал он с ними довольно неохотно, с большим выбором. Почему бы это, поинтересовался как-то я: истинный замоскворецкий рукав — и такое «восточное» отношение к противоположному полу?

— С женщиной труднее работать, — убежден Филиппыч. — Она не склонна думать и анализировать, а всегда целиком полагается на тренера. Мне с такими учениками неинтересно...

Вот-те раз! Знаю десятки тренеров, просто-таки мечтающих о беспрекословном подчинении им учеников. А этому, видите ли, спорщиков подавай.

...Конечно, не только о «королеве спорта» и ее рыцарях беседуем мы, встречаясь с Филиппычем. Иной раз притормозит беседа из-за какой-то особой каверзы на шахматной доске (мне, первокатегорнику, с ним непросто приходится!), а там и свернет разговор. На судьбу старшего сына, Олега, — ему сорок шесть, экономист, зав. лабораторией Института планирования и прогнозирования народного хозяйства. Или на будущее внучки Катюши — шестнадцать лет, прекрасный, но и не безопасный возраст! Но, «возвращаясь на круги своя», Филиппыч вдруг напоминает:

— Да, имей в виду: Ильин пятьдесят пять раз побеждал на соревнованиях! И рекорды страны бил...

С чего начинал — о том и помнишь до конца. Тому и радуешься».

Такова судьба нашего менделеевца со стажем обучения чуть больше двух месяцев. В архиве Центра истории РХТУ — визитная карточка, да горечь от несостоявшейся встречи...

Иван Палилов

сотрудник

Так же как и К. А. Мерецков, Иван Константинович Палилов — сотрудник МХТИ, Герой Советского Союза, и так же, как и К. А., Иван Константинович не заканчивал Менделеевский институт, а работал начальником 2-го отдела. На финскую был мобилизован и воевал в ранге красноармейца. Иван Константинович был скромным человеком, может быть даже «чемпионом по скромности среди Героев, известных менделеевцам».

И. К. Палилов родился 15 августа 1919 г. в селе Семеновка Козловского

уезда Тамбовской губернии. В армию призван в октябре 1939 г. Служил в дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений (КОВО). Участник советско-финской войны – декабрь 1939 г.- март 1940 г. Курсант полкковой школы 5-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона.

После финской войны, как и десятки тысяч её участников (в Союзе, кстати, не выделяли ветеранов финской войны), взялся за оружие в июне 1941 г. Окончил Харьковское военно-политическое училище.

Принимал участие в Орловско-Курской битве, где был ранен. В составе 2-го Украинского фронта сражался за Днепр, освобождал Украину. Принимал участие в разгроме Ясско-Кишиневской группировки врага. В составе 1-го Белорусского фронта участвовал в Висло-Одерской операции, в боях за Берлин.

Его рота первой переправилась через реку Пилицэ (Польша) и захватила мост, чем способствовала переправе 2-й танковой армии.

Ивану Константиновичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Палилов награжден 3-мя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За Боевые Заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Юбилейными медалями.

После увольнения из Советской Армии в запас в 1965-м году в звании подполковника работал в МХТИ (РХТУ) им. Д. И. Менделеева начальником отдела. Добрый, несуетливый, но четкий в разговоре и делах, он пользовался уважением коллег, был секретарем партбюро общих отделов.

Умер 24 марта 1994 года. Похоронен на Хованском кладбище.

Николай Баршин

Учебный мастер военной кафедры (с 1972 г.)

Справка из сборника «Менделевцы – ветераны Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»: Баршин Николай Николаевич – родился 28.04.1914 г. в с. Подхороши Липецкой области. После окончания 6 классов занимался сельским хозяйством. В 1936 году был призван в ряды РККА. В 1939 г. участвовал в польской кампании. В 1940 г. красноармеец Баршин участвовал в финской войне. С началом Великой Отечественной был снова мобилизован.

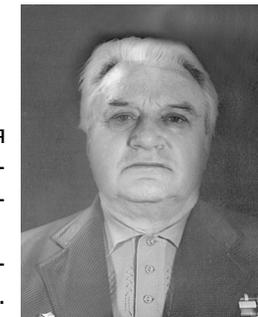
Принимал активное участие в борьбе с фашистами в качестве рядового 51 отдельного батальона 383 стрелковой дивизии на 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Награжден орденом Великой Отечественной войны второй степени, медалью «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941-1945 гг.».

К сожалению, нет конкретных сведений об участии Николая Николаевича в финской войне (армия, дивизия, полк и т. д.)

Александр Соколов

преподаватель военной кафедры

Александр Петрович Соколов родился 10.02.1921 г. деревне Редькино Калининской области. С 1940 г. в рядах РККА, в финской войне участвовал как красноармеец.

С августа 1941 г. на фронтах Великой Отечественной Войны (Южный, Юго-Западный фронты). Под Мелитополем, Ворошиловоградом в качестве сержанта-помощника командира стрелкового взвода, с мая по ноябрь 1942 г. Лейтенант.

Позднее А. П. Соколов принимал участие в боях под Ржевом (Западный фронт). С августа 1944 г. до окончания войны с фашистской Германией – участник боевых действиях на 1-м Украинском фронте в качестве командира взвода, командира взвода химических войск. После окончания Военной академии химической защиты им. К.Е. Ворошилова – на преподавательской работе.

С 1961 г. полковник Соколов А. П. начальник цикла кафедры военной подготовки МХТИ им. Д.И. Менделеева. С 1976 г. – старший преподаватель учебного цикла гражданской обороны.

А. П. Соколов награжден орденом Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями.

Михаил Комин

Заведующий лабораторией кафедры №34 ИХТ факультета

В МХТИ им. Д.И. Менделеева работал с 1959 г. Об участии Михаила Павловича в финской войне авторы узнали из характеристики за подписью «треугольника института» от 1976 года:

«М.П. Комин принимал непосредственное участие в боевых действиях во время Карело-Финской кампании 1939 – 1940 гг. в должности командира взвода». Непопулярная война даже названия нет в ближайшей памяти: «Карело – Финская кампания».

На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 гг. Подпол-

ковник. Награжден орденами Красного Знамени (дважды), Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды и медалями.

Сын Михаила Павловича – Сергей Комин не прошел мимо Менделеевки, оставил о себе добрые воспоминания и в пионерском лагере, и в команде КВН (1972 г.). Но «мрежи другие его ожидали» – институт культуры, телевидение. При разговоре об отце сказал, что документов об участии М.П. в финской войне у него, к сожалению, нет.

Николай Басович

Механик военной кафедры с 1975 г.

В декабре 1939 г. – феврале 1940 г. принимал участие в качестве электрорадиотехника авиаэскадрильи в финской войне.

Николай Георгиевич Басович родился 19 декабря 1907 г.

В сентябре-октябре 1939 г. участвовал в освобождении Западной Украины в составе боевой авиаэскадрильи.

В годы Великой Отечественной Войны (1942–1943 гг.) лейтенант Н. Г. Басович – начальник электрорадиоцеха авиадивизий на Юго-Западном, Сталинградском фронтах. Награжден орденом Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной Войны II ст., медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями.

Николай Платонов

Начальник тактико-специального цикла подготовки военной кафедры (с 1957 г.)

Николай Михайлович Платонов родился 10.12.1919 г. В сентябре-октябре 1939 г. служит в должности и. о. начальника химической службы полка РККА – участник польской компании (Западная Украина).

С января по март 1940 г. лейтенант Н. М. Платонов начальник химической службы 34-го ОСБ на финском фронте.

В начале ВОВ старший лейтенант Н. М. Платонов – начальник химической службы стрелкового корпуса 1-й и 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта (1943–1944 гг.). Был ранен.

Николай Михайлович награжден орденами Красного Знамени, Отечественной Войны первой степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями.

Не одно поколение менделеевцев технических факультетов училось у полковника Платонова и у его коллег по кафедре. Практически все они были ветеранами войны, популярных «в студенческом мире» анекдотов о военных кафедрах у нас в Менделеевке не водилось. Их просто не по-

нимали – перед глазами был живой пример офицеров-бойцов, общение с ними было школой жизни для студентов – юношей и девушек.

Евгений Фокин

студент набора 1939 г.

Фокин Евгений Павлович родился 8 декабря 1921 г. в Ликино-Дулёво (современное название поселения в Орехово-Зуевском районе Московской области). После окончания средней школы в 1939 г. поступил в МХТИ им. Д.И. Менделеева. В ноябре 1939 г. с 1 курса института на основании Закона о всеобщей воинской обязанности был призван в ряды РККА. Участник советско-финской войны (подробности не известны). Участник Великой Отечественной войны.

Вернулся на Миусы только в 1946 г. после демобилизации. Окончил кафедру Н.Н. Ворожцова в 1951 г. (в этом же году окончил МХТИ П.В. Ковтуненко, из первокурсников 1939 г., призванных с институтской скамьи в РККА).

По окончании МХТИ работал на Тамбовском анилино-красочном заводе, где внедрил в производство два технологических процесса с очень высокой экономической эффективностью. На основе этих материалов Евгений Павлович в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию.

С 1958 г. Евгений Павлович работал в НИОХ СО АН СССР, в 1970 г. защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора. Основными направлениями работ Е. П. Фокина в институте являлись фундаментальные исследования химии хинонов и ароматических соединений.

Интересы Евгения Павловича не знали границ, а его целеустремленность к созданию полезных веществ и технологий была беспредельна, при этом он всегда занимался теми делами, которые его интересовали именно с практической точки зрения. Так, уже в последние годы жизни он участвовал в создании регулятора роста растений на основе пихтового масла (запатентован препарат «Пихторос»), живо интересовался и обратился к созданию наноматериалов, обладающих полезными свойствами. Скончался 20 июня 2013 года на 92-м году жизни.

(<http://www.sbras.ru/HBC/hbc.shtml?19+687+1>)

Андрей Юшин

преподаватель

Андрей Иванович Юшин родился в 1916 г. в Рязанской губернии. Окончил ФЗУ (Подольск) в 1936 г. Работал слесарем на автозаводе им. И.В. Сталина (Москва).

В 1937 г. призван в ряды РККА. Принимал участие в войне с белофиннами и в Великой Отечественной войне (из автобиографии). Послужной список авторам

пока неизвестен.

В МХТИ (1947-1995) доцент кафедры политэкономии.

Награды: «За оборону Москвы», «За Победу над Германией», Юбилейные медали.

Михаил Соловьев

препаратор военной кафедры

Михаил Иванович Соловьев родился в 1915 г. Участник финской и Великой Отечественной войны. В составе 37 танкового полка 24-й танковой армии в качестве механика -водителя танка Т-34 участвовал в боевых действиях на центральном фронте

С 1975 г. работал в МХТИ им. Д.И. Менделеева препаратором.

Награжден орденом Отечественной войны II ст., медалями: «За трудовое отличие», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Юбилейными.

Глава седьмая

Наши деды и отцы на финской

Маленькая, открытая для будущих воспоминаний глава о наших, о своих из Бессмертного полка на «зимней», стуженной войне...

Отцы и деды нынешних поколений менделеевцев, кто принимал участие в финской войне. Память об их боевых делах в те дни не заслоняет огненная рампа Великой Отечественной войны.

Алексей Клишин

Участником боевых событий 1939–1940 гг. был преподаватель средней школы из волжской провинции. Призван Алексей Клишин на финскую войну 29.11.1939 г. Небольшой очерк об отце из газеты «Московские новости» мы печатаем с разрешения автора – профессора кафедры философии Клишиной Светланы Алексеевны.

Отец

Я думаю и горю о нем всю свою жизнь. «Мама, расскажи об отце», – приставала я девчонкой к матери, вечно усталой и измученной многочисленными – от второго брака – детьми. «Ну, он был умный, в школе хорошо учился, меня очень любил. Когда окончил физмат пединститута, мы поженились и поехали в Архангельскую область, его туда направили в школу. Приехали, устроились и сразу побежали в лес, я леса сроду не видела. Собирали грибы, я набрала полную корзину поганок. Он выбросил всю корзину, смеялся, показывал мне хорошие грибы. А через два месяца его забрали на финскую войну». Рассказ этот казался мне скучным, не нравился, я требовала: «Ты расскажи, какой он был». – «Ну, какой? Обыкновенный. Хороший был».

От отца остались потрепанный профсоюзный билет и две пожелтев-

шие фотографии. Профсоюзный билет был выдан в профсоюзе рабочих речного транспорта в 1935 году профстудкомом Астраханского речного техникума. Отметки: в 1936 г. принят на учет в Астраханский пединститут. 1 июля 1939 года снят с учета, в октябре 1939 года принят на учет апаринской средней школы. Последняя запись: «Снят с учета 29 ноября 1939 года. Уход в РККА».

На одной фотографии отец в фуражке и гимнастерке со знаками инженерных войск, худенький, суровый. На обороте почерком, безумно похожим на мой, написано: «Любимой жене. Сегодня, в годовщину соединения наших жизней 29 июня 1939 года, говорю тебе от души: я люблю тебя, мой нежный друг, живу лишь тобой». На другой – он с двумя друзьями, все трое невероятно юные, совсем мальчики, с пухлыми губами, торчащими ушами, веселые. На обороте надпись: «Любимой жене Анне. Мой нежный друг! Пока светит солнце, любовь моя и преданность тебе не остынут. 10 марта 1941 года, г. Сокаль».

Солнце светило недолго. В ноябре 1941 года он погиб. Похоронки не было, было известие «пропал без вести».

Бывая в местах, откуда приходили последние письма отца, бежала я на братские кладбища, бродила среди могил в надежде натолкнуться на его фамилию. Тщетно. Тайна его гибели тревожит меня, не дает покоя. Что чувствовал он в последний смертный час своей жизни, успел ли подумать о чем-то, мучился ли от боли или умер сразу от автоматной очереди или взрыва снаряда, где гниют его кости – ничего не знаю.

Непохороненный отец – мука и крест моей жизни, моя вина и отчаяние. И что это такое – «пропал без вести»?

Все оставалась надежда, что он вернется. Вот откроется дверь, фантазировала я в детстве... Начитавшись детективов, придумывала, что стал он разведчиком, где-то выполнял важное государственное задание – и вот вернулся и уже который день рассказывает таинственные приключения своей заграничной жизни.

Какая была бы жизнь, если бы отец был жив! Я оглядывалась на него, ждала его поощрений, побаивалась его упреков, обращалась к нему в горе и радости. Когда получила в школе медаль, а замотанные домашние забыли меня поздравить, отец был тут как тут. Как он гордился мной! Когда одолела труднейший конкурс в университет, увидела свою фамилию в списке принятых, понеслась по улице, приплясывая от радости, он мчался рядом со мной и извинялся за меня перед прохожими, на которых я натыкалась, как слепая. Когда грубила кому-то, он укоризненно качал головой. Когда наливалась тяжелой тоской в ненастье, знала – это отцовское, он не любил дождя.

Какая была бы жизнь, если бы отец был жив! Я бы не голодала в общезжитии на 22 руб. стипендии, не переживала бы из старых бабушкиных

шалей себе сарафаны, не страдала бы от вечных плавленных сырков и баклажанной икры – обычного меню нашего общежития. Не комплексовала бы от нищеты, не плакала бы от обид. Отец помог бы, защитил, баловал бы, покупал туфли и сумки, которые я безумно люблю, возил на море и закалял мои слабые легкие. И моя личная жизнь была бы, может быть, совсем другой беспечнее, легче, без ненужных притязаний и разочарований. Мужчины, которых я любила, должны были заменить мне отца. Не заменили. Любовь к живым ускользала, исчезала как мираж, и, оглядываясь назад, я с недоумением спрашивала: «Что это было? И было ли вообще? И куда исчезло?»

Любовь к отцу прошла все испытания временем, возрастом. Она-то и оказалась истинной любовью. Он никогда не становился моложе меня, он мужал и старился вместе со мной, всегда оставаясь на 25 лет старше. Теперь он уже глубокий старик, и теперь уже я ухаживаю за ним, берегу его покой, терпеливо сношу его поучения и ворчания по поводу сегодняшней жизни. Умрем мы вместе, как в сказках, в один день.

И всё мне кажется – только тогда и упокоится его бесприютная, тоскующая душа.

Владимир Равичев

«Мой отец Равичев Владимир Максимович родился 16 августа 1918 года в местечке Новая Деревня, Касимовского района, Рязанской области. Образование 8 классов. В 1939 году был призван в Красную Армию. Участвовал в финской войне (Карельский фронт). В Отечественную войну воевал в 14-ой армии, Мурманск(Кольский полуостров). Участвовал в освобождении городов Петсамо и Киркенес (Норвегия). Демобилизован в 1947 году. Работал после окончания курсов бухгалтером на Мурманской судостроительной верфи (места работы не менял).

Умер 2 июня 2001 года.

Моя мама Нина Владимировна отказалась от эвакуации и всю войну трудилась в Мурманске».

*Равичев Л.В.
Менделеевец №3/ 2015*

Из студенческих рефератов

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне кафедра истории и политологии РХТУ провела конференцию, на которой студе-

ты 1 курса выступили с докладами, лучшие из которых были включены в сборник «Моя семья в годы Великой Отечественной войны». Кафедра физического воспитания в рамках теоретического курса организовала написание рефератов среди 2,5 тысяч студентов 1-3 курсов на военную тематику, среди которых особого внимания заслуживали воспоминания студентов о своих предках – участниках боевых действий, трудового фронта, детей войны. Восемь толстых папок с этими воспоминаниями были переданы в Музей истории РХТУ и с благодарностью приняты сотрудниками Центра истории для последующей обработки. Эти материалы – живое свидетельство связи поколений нашей страны и благодарной памяти о бессмертном подвиге наших отцов и дедов.

Обрабатывая материалы из студенческих рефератов, авторы обратили внимание, что в них есть упоминания об участии родственников наших студентов в финской кампании 1939–1940 гг. Приводим краткие выдержки из записок студентов, сделанных по материалам семейных архивов и устных рассказов их родственников. (Номера студенческих групп указаны по состоянию на май 2015 г.)

1. *Артемова Анна Н-11*

Артемов Петр Михайлович 1919-1984. Родился в Каргопольском районе Архангельской обл. Закончил 2 курса техникума связи. Призван в 1939 г. Принимал участие в Советско-финской войне. С июня 1941 г. – командир батальона стрелкового полка. 24 марта 1945 г. получил звание Героя Советского Союза за умелое руководство батальоном в ожесточенных боях.

2. *Асс Валентина Э-11*

Прадедущка по маминной линии Свиридов Иван Сергеевич был кадровым военным. Участвовал в боях на озере Хасан и финской войне 1939–40 гг. Последнее место службы Белосток. В июне 1941 г. участвовал в обороне Брестской крепости, где героически погиб.

3. *Барсегян Яна П-34*

Мой прадед Томилин Андрей Яковлевич прошел 3 войны: финскую, Отечественную и Советско-японскую. Был водителем грузовика. Был лично знаком с маршалом К.К. Рокоссовским.

4. *Беда Наталья К-12*

Мой двоюродный дедушка Измайлов Исхак Измайлович родился в 1921 г. в Нижегородской обл. В 18 лет был призван в Красную Армию. Прошел «русско-финскую» и Отечественную войну. Последнее письмо пришло в октябре 1941 г. из Бессарабии...

5. *Бенедюк София К-11*

Мой прадед Попов Михаил Семенович 1908-1974. На войне служил водителем. Прошел финскую, а затем Великую Отечественную войну, ни

разу не был ранен, хотя ездил вблизи линии фронта. Получил прозвище «Попов-чёрт» за лихую езду.

6. *Демакова Елизавета О-16*

Дедушка моего папы Ильин Григорий родился в Татарстане. Воевал на финской войне, где получил серьезное ранение.

7. *Егорова Ирина ТМ-32*

Наш родственник Лапшин Александр Николаевич 1912-1962, офицер, прошел финскую войну и всю ВОВ до Вены.

8. *Ермолаев Никита К-20*

Мой прадед Дергачев Иван Матвеевич прошел две войны: финскую и Великую Отечественную. Работал в колхозе. Имел 5 детей. Умер в 1976 г.

9. *Ершова Татьяна П-21*

Прадед по линии отца Башарин Иван Тимофеевич призывался в 1941 г., а за плечами уже была русско-финская война 1939–40 гг. В марте 1942 г. попал в плен и был расстрелян немцами.

10. *Ефимов М.А Н-32*

Мой прадедущка Антонюк Михаил Филиппович родился в 1909 г. на Украине. Воевал в советско-финской войне, Великую Отечественную закончил в Вене.

11. *Ефимова Т.А. П-16*

Мой прапрадед Никишов Дмитрий Никитович – советский военный деятель, генерал-майор. С 1915 г. служил рядовым в русской армии, участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте. С 1917 г. в Красной гвардии. В 1937 г. окончил Академию Генштаба. В январе 1940 г. назначен начальником штаба 9-й армии. Участвовал в Советско-финской войне...

12. *Забашта Мария П-18*

Кириков Александр Александрович в рядах РККА с 1933 г. «Принял участие в Карело-финской войне 1939 г.».

13. *Заплавин Антон Н-13*

Мой прадедущка Поляков Александр Антонович призван в 1939 г. Участник советско-финской войны. Участвовал в битве при Хонканиemi. Ранен в колено. Вернулся из госпиталей в 1941 г.

14. *Левин Иван Ф-36*

Прадедущка по линии матери Ступак Антон Егорович родился в 1907 г. коренной москвич. Прошел финскую войну. В 1941 был призван в армию, только успев увидеть в роддоме новорожденного сына. Пропал без вести под Москвой в октябре 1941 г.

15. *Мазура Е.К. О-16*

Мой родственник Соломатин Гавриил Васильевич участвовал в Советско-финской войне 1939–1940 гг. Прошел всю ВОВ – был в плену, бежал, партизанил. Дошел до Берлина и расписался на Рейхстаге.

16. Мануйлова Юлия О-11

Мой прадед по линии матери Веречинский Федор Константинович начал войну совсем мальчишкой, его призвали на финскую войну. Уже в первом бою ему оторвало руку. Во время артобстрела он подвозил снаряды, командовал кавалерийским обозом. Награжден медалью «За отвагу». Работал в совхозе, одной рукой пахал и сеял, растил виноград. Никогда не унывал и очень ценил жизнь.

17. Меньков А.О. О-26

Мой родственник Потоцкий Илья Константинович призывался и воевал в финскую войну, был обморожен. Прошел всю Отечественную войну от звонка до звонка, закончил в Венгрии на озере Балатон.

18. Майорова К.И. ТМ-27

Миняйло Александр Дмитриевич 1911 г.р. Прошел советско-финскую войну. Воевал на ВОВ с июля 1941 г., в 1944 г. пропал без вести.

19. Маслянникова Д.В. П-24

Мой прадедуска Джамбинов Василий Николаевич родился в 1921 г. в Ростовской области. В военном билете есть запись, что с сентября 1939 г. по 1941 г. он служил на границе с Финляндией, а это значит, что он принимал участие в финской войне.

20. Прядко Артем Ф-25

Прадед Буренок Савелий Нестерович 1901–1941 воевал в Советско-финскую войну. Пропал без вести в 1941 г.

Другой прадед Канунников Сергей Никитович 1913–2002. Воевал в Советско-финскую войну. Великую Отечественную войну закончил в Венгрии.

21. Федюшкина А.Г. П-16

Мой прадед Шикалов Александр Иванович 1918 г.р. был призван на срочную службу в 1936 г. Принимал участие в советско-финской войне, а затем в ВОВ. Служил водителем танка. В 1942 г., когда танк был подбит, попал в плен. Спасло его то, что был похож на подростка, и немцы его пожалели и не расстреляли. Вернулся домой в 1947 г. Только в 1991 г. был признан участником войны.

22. Фомин Евгений КС-10

У дедушки был дядя по линии отца Фомин Петр Игнатьевич – офицер, погиб на финской войне.

23. Черкащенко Е.А. Э-23

Черкащенко Александр Иванович – родился в 1922 г. в Сибири. Военную службу начал рядовым артиллерийских войск. Участвовал в боевых действиях на советско-финляндской войне 1939–40 г. ВОВ встретил на о. Рыбачий и закончил в Японии в 1946 г. Кадровый военный, полковник, начальник управления 27 НИИ МО СССР.

24. Юдаев Павел П-31

Прапрадедуска Назаркин Василий Васильевич 1900 г.р. Воевал с 1939 г. участвовал в советско-финской войне, был контужен. В 1988 г. награжден орденом Отечественной войны второй степени.

25. Юдин Антон Н-13

Прадед Коротков Степан Алексеевич 1911 г. был участником двух войн. В 1939–40 г. – в советско-финской войне. Был ранен, продолжил в Крандштадте, воевал на Балтийском флоте.

26. Ромашова Татьяна О-25

Ромашов Петр Иванович. Призван Красногорским военкоматом Московской области в 1939 г. Участник советско-финской войны. Затем Великой Отечественной.

27. Гладышева Анна П-18

Быков Федор Осипович. 1908 г.р. Один из первых воздушных десантников. Прошел войну, начиная с финской и заканчивая японской.

28. Рукина Александра И-15

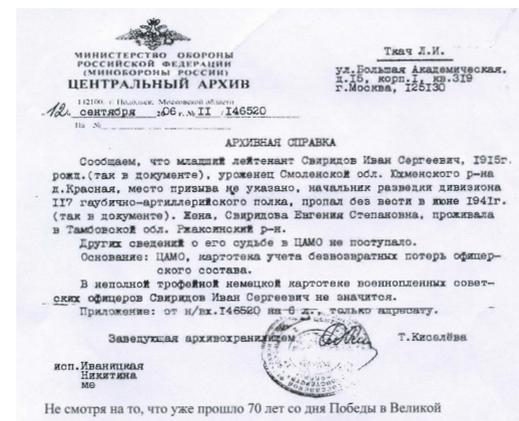
Мой прадедуска по линии матери Дубинин Сергей Андреевич 1918–1994 г. Родился в Тамбовской области. Связист. Во время финской кампании был окружен врагом в болотах, в результате чего был контужен и обморожен. Прошел всю ВОВ. Сохранилась переписка с его будущей женой.

29. Сементеев Денис И-14

Прадед Давыдкин Алексей Анисимович в армию ушел в 16 лет. Был спортсменом-лыжником. Прошел всю финскую войну и Великую Отечественную.

30. Тебекина Александра ТМ-36

Мой прадедуска Шелютто Константин Алексеевич принимал участие в финской кампании. ВОВ начал в должности младшего командира под Минском закончил начальником штаба полка в Восточной Германии.

Глава восьмая

На той стороне

Женщины на финской

О женщинах на финской лишь исследователи-историки, да порой политики вспоминают (ветераны – никогда). К. Якимович: «Женщины на фронте всегда являлись источником повышенного внимания, даже если их было мало или не было совсем. Советские наблюдатели докладывали о женских голосах, якобы слышавшихся из окопов противника, финские дозорные в точности повторяли эту информацию о русских позициях. Можно с уверенностью сказать, что на финской передовой женщин не было вообще. Члены женской полувоенной организации «Лотта-Свярд» находились как минимум в двадцати километрах от места боя, прикомандированные к ближайшему стационарному госпиталю. В палаточных медсанчастях прифронтовой полосы все врачи и санитары были сплошь мужского пола».

Однако, уже в начале работы над материалами о финской войне в программе НТВ «Коктейль Молотова» (НТВ, 22.08.2010, 8-30, отметим, что в телепрограмме газеты «Кимры – сегодня» напечатано «Коктейль молотова») услышали, как офицер запаса Мещанов, ветеран войны 1939/1940, вспоминал, что в плен к нам попало целое подразделение снайперов-кушеч – *женщин*. Ветерана не проверить, но канал солидный, верить ему должно... Запомнил он их яростными, с отменным русским матом.

О судьбе женщин на «зимней» войне вспоминал и Вячеслав Михайлович Молотов, чьё имя вдруг стало нарицательным даже для Кимр...

«В отношении попавших в руки белофиннов женщин-санитарок применялись специальные издевательства и невероятные зверства».

В одном из первых советских сборников о финской войне 1939–1940 гг. «Бои на Карельском перешейке» снайпер, заместитель политрука по штатному расписанию Ш. Щуклин, вспоминая о действиях в составе од-

ного из батальонов (вероятно, даже ОЛБ, судя по тексту – «перед операцией все мы, бойцы, командиры и политработники, осмотрели и вычистили оружие, запаслись патронами, гранатами и продуктами»):

«...на соседней елке ветер шевелил полу белого халата. Этого мне было достаточно. В следующую секунду грянул выстрел. С ёлки медленно стала валиться белая фигура. Она была привязана верёвкой поперёк туловища, и поэтому повисла вниз головой. Щюцкоровская шапка слетела, по ветру растрепались длинные рыжие завитые волосы.

- Женщина?! – воскликнул я удивлённо».

Якимович. 1972. Глава седьмая.

О доступных финских источниках...

Знакомство с финскими источниками о «зимней войне» у авторов не очень обширное – языковая немочь, небольшое информационное поле переводов с финского (подчеркнем, именно с финского). Дело вот в чём, значительное количество русскоязычных переводов о советско-финской войне выполнено с англо-американских изданий. К примеру, книга министра иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннера «Зимняя война» («The Winter war»), выпущенная в США в середине 1950-х. В предисловии к книге, написанном сотрудником Стэндфордского университета Ан.Г. Мудром отмечено: «Финская литература о войне весьма обширна, к сожалению языковые трудности не позволяют студентам-историкам ознакомиться с ней. Мемуары господина Таннера представляют первый такой опыт на английском языке».

Издание мемуаров для американского читателя несёт, безусловно и, даже очевидно, свою специфику. Вольно, а скорее невольно, может быть подспудно, но с помощью американских издателей действие склоняется в сторону интересов (даже информационных выгод) США. К одной из задач В. Таннера – как можно дальше дистанцироваться от фашистской Германии периода Второй мировой войны, что сделать очень трудно, и в то же время добавляется и другая – приблизиться, как только можно, к США. Ко времени написания мемуаров Таннера прошло не больше десяти лет после окончания Второй мировой войны, где Финляндия «отметилась» не только как жертва, сколько как жестокий агрессор – отмываться надо было, и не только специально для общества дяди Сэма.

Не добрались авторы до первых книг о советско-финской войне, выпущенных в Европе. Тот же В. Таннер упоминает о них – это книги британского профсоюзного босса Уолтера Ситрина – «Мой финский дневник» и полковника швейцарской армии Анри Валлотона – «Finland 1940: Ce que j'ai vu et entendu» («Что я увидел и услышал»), две книги некоего датского журналиста.

Добровольцы на финской стороне

По данным доклада Юхо Нюкканена, министра обороны правительства Финляндии времён войны (с русскими, с «Советами», со Сталиным и пр.) прибыли из:

Швеции – 8000 человек
 Франции – неизвестно
 ЮАС – неизвестно
 Англии – 230 человек
 США – 350 человек
 Дании – 800 человек
 Венгрии – 450 человек
 Норвегии – 8000 человек
 Германии – неизвестно
 Италии – 150 человек
 Бельгии – неизвестно
 Эстонии – неизвестно

(Указаны все страны, оказывавшие военную помощь Финляндии).

Советский министр иностранных дел В.М. Молотов в докладе на заседании Верховного Совета СССР в 1940 г. не привел конкретных данных об иностранных добровольцах, но вспоминал о них жестко, как и требовало время. Не стоит забывать, что на дворе Европы, на парадном «дворе» Европы (Версаль – Сан-Суси) «идёт» (хотя и сидя) Вторая мировая война. Запал горит, и любая искра... Чемберлен и Даладьё в курсе, собирают поляков, чехов под свои ружья. Молотов: «Здесь произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других, которые помогали финляндской буржуазии всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолётами, а также своими людьми под видом «добровольцев», своим золотом и всяким снабжением, своей бешеной агитацией во всем мире за всяческое раздувание войны против Советского Союза».

Сказано В.М. Молотовым резко, с позиций классовых, а то, что конкретных цифр по добровольцам нет, не главные они, самое ключевое в цитате – «раздувание войны против Советского Союза», какой здесь миф – это голая правда.

Об агитации пишут Э. Энгл и Л. Паананен (пишут в первую очередь для американского читателя): «Мэр городка Лауритсала, финский еврей по имени Сантери Якобссон, отправился в Швецию за поддержкой еврейского населения этой страны. Ему действительно удалось привлечь раввина Маркуса Эренпрайса к работе по сбору средств для Финляндии».

Агитация в нейтральной Швеции возымела своё действие. 8 тысяч шведов вызвались добровольцами на финско-советский фронт – «помочь в борьбе против русских». Авиаэскадрилья, чьей эмблемой стала пиратская символика – череп и скрепленные кости, была сформирована из поставленных Швецией самолётов. Число самолётов разные источники указывают по-разному – до 30 боевых единиц, включая 12 самолётов «Гладиатор» со шведскими добровольцами.

Агитацию и набор добровольцев вели не только общественно-религиозные структуры Финляндии, это не центральная линия работы по набору добровольцев. Министерство иностранных дел Финляндии считало вопросы, связанные с военным снаряжением, добровольцами, помощью займами главными направлениями в своей деятельности. «Чем дольше продолжалась война, – пишет В.Таннер, глава МИД Финляндии тех лет, – тем чувствительней становилась ограниченность людских ресурсов. Вполне понятно, что мы страстно желали принять в свои ряды добровольцев из других стран. В конце декабря во все зарубежные представительства нашей страны были разосланы инструкции ставки о регистрации добровольцев: мы решили принимать только скандинавов, британцев, французов, итальянцев, венгров, испанцев, поляков и американцев. Эти люди должны были обладать определенной военной подготовкой, прибывать организованными группами под командованием своих офицеров, со своим снаряжением и вооружением. Все исключения из этих правил выносились на рассмотрение главнокомандующего, который также выносил решение о приеме специалистов. Русские и немцы регистрации в качестве добровольцев не подлежали». (Что означает «регистрации в качестве добровольцев не подлежали» вызывает вопросы – может быть, это на совести переводчиков книги). Табу на русских понять просто, даже без экивоков, немцы (неудобны) под литературный заказ для американцев. Но и немцы, и русские с той стороны были, примеров тому хватает.

Русский след с той стороны войны

Здесь и ниже – русские в квалификации Запада, в смысле выходцы из недр Российской империи, РСФСР, Советского Союза – d'origine, эмигранты (политические и экономические), перебежчики- ренегаты. В последние годы у нас в стране много напечатано и показано о русских в зарубежье. Что они унесли с собой, что хотели бы вернуть на Родину (свою Родину...). Порой до слёз прошибают вести о наших оттуда – Турция, Сербия, Чехословакия, русский Берлин, русский Париж, русский Харбин, русский Ревель – великая трагедия и место в её действиях и обстоятельствах есть для всех.

Каждый советский школьник помнил о судьбе русского гения Ильи Ефимовича Репина, оставшегося в годы революционной смуты в своём имении Куоккала, в нескольких километрах от Петрограда (в 1917 уже не было Санкт-Петербурга, даже не по воле трудящихся или РСДРП(б)). Эти километры, как мы видим, и вылились в тяжёлую войну зимы 1939–1940 гг. Не могу вспомнить источник информации (очевидно, это был гид репинского музея в Пенатах, разговор 1975 г.), но якобы красноармейцы без должного пиетета обошлись с эпистолярным наследием Ильи Ефимовича, то ли не было чётких указаний со стороны Льва Мехлиса, то ли замполитрук был таким, как в воспоминаниях ивановского студента Шилова. Русский след появляется в серьёзных мемуарах министра иностранных дел Финляндии Вейне Таннера (С. 176-177): «Зарубежные круги, стоявшие в оппозиции к коммунизму, хотели видеть Финляндию, сунувшей голову в ярмо дел пропаганды, направленной против советской системы и финансируемой иностранцами. Например, предлагалось пригласить в Финляндию Льва Троцкого, выделить ему территорию, которая станет местопребыванием Временного правительства России. Во главе этого правительства предполагалось поставить Троцкого и Керенского. План этот, по всей видимости, должен был стать своего рода ответом на образование правительства Куусинена в Териоки. За этими планами обычно стояли белогвардейцы, которые были вынуждены в свое время покинуть страну, а теперь рассчитывали, что финская война ознаменует конец Советов».

Мечтать не вредно, но о поражении СССР в конфликте 1939–1940 гг. мечтали многие том числе (увы, но это так) русские – «которые не русские», а точнее и не советские. Пытались даже создать формирование (политико-военизированное) «во главе» которого встал бы перебежчик из рядов ВКП(б) – референт И.В. Сталина, некоторые авторы именуют (коронуют) его как «бывшего секретаря политбюро», ни больше, ни меньше. Рекламу перебежчику в 1990-х сделал «Огонёк» Коротича – журнал издательства ЦК КПСС с удовольствием перепечатывал залежавшиеся на прилавках времени записки Бориса Баженова чуть ли не с пометкой «специально для Вас».

Бежавший через южные границы СССР в 1928 г. в Персию «охотник» Баженов так описал свою «благородную» миссию «единственного человека века» (смотрю текст мемуаров) в «организации победы над СССР» :

«Когда Советы напали на Финляндию, оказалось, что я поступал правильно. Я был единственным человеком, решившим по поводу этой войны действовать, и все главные эмигрантские организации меня дружно поддержали и пошли за моей акцией. Было написано письмо маршалу Маннергейму, в котором организации просили маршала оказать мне полное доверие и обещались меня всячески поддержать. Пись-

мо подписали и Общевоинский Союз, и газета «Возрождение», и даже председатель Высшего Монархического Совета (хотя я к монархизму не имел ни малейшего отношения). Маннергейм предложил мне приехать в Финляндию.

Я исходил из того, что подсоветское население мечтает об избавлении от коммунизма. Я хотел образовать Русскую Народную Армию из пленных красноармейцев, только добровольцев; не столько, чтобы драться, сколько чтобы предлагать советским солдатам переходить на нашу сторону и идти освобождать Россию от коммунизма. Если мое мнение о настроениях населения было правильно (а так как это было после кошмаров коллективизации и ежовщины, то я полагаю, что оно правильно), то я хотел катить снежный ком на Москву, начать с тысяч человек, брать все силы с той стороны и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями.

Французское общественное мнение в это время было полностью на стороне маленькой героической Финляндии. Французские власти приветствовали мою инициативу и помогли быстрому преодолению формальностей – заведующий политическим отделом Министерства иностранных дел возил меня в военное министерство, чтобы сразу быстро были сделаны все бумаги, и какой-то генерал в министерстве желал мне всяческого успеха.

В начале февраля я выехал в Финляндию. На аэроплане через Бельгию, Голландию и Данию в Стокгольм я прилетел без приключений. Из Стокгольма нужно было перелететь в Финляндию через Ботнический залив на старом измученном гражданском аэроплане. Перед отлетом мы сидели в аэроплане и долго ждали. У финнов военной авиации не было, у Советов была, и сильная. Она все время безнаказанно бомбардировала Финляндию. Над заливом летали советские патрули. Надо было ждать, чтобы патруль прошел и достаточно удалился. Тогда аэроплан срывался и мчался во всю силу своих моторов и с надеждой, что советскому патрулю не придет вдруг в голову повернуть обратно, потому что в этом случае от нас остались бы рожки да ножки... Маршал Маннергейм принял меня 15 января в своей Главной квартире в Сен-Микеле. Из разных политических людей, которых я видел в жизни, маршал Маннергейм произвел на меня едва ли не наилучшее впечатление. Это был настоящий человек, гигант, державший на плечах всю Финляндию. Вся страна безоговорочно и полностью шла за ним. Он был в прошлом кавалерийский генерал. Я ожидал встретить военного, не столь уж сильного в политике. Я встретил крупнейшего человека – честнейшего, чистейшего и способного взять на себя решение любых политических проблем. Я изложил ему свой план и его резоны. Маннергейм сказал, что есть смысл разговаривать с пленными одного лагеря (500 человек): «Если они пой-

дут за вами, организуйте вашу армию. Но я старый военный и сильно сомневаюсь, люди, вырвавшиеся из ада и спасшиеся почти чудом, захотели бы снова по собственной воле в этот ад вернуться».

Думаю, под «адом» в словах Маннергейма значит жестокая бойня на советско-финляндском фронте. Поход «господина главнокомандующего» («б. секретаря политбюро») описан в режиме литературы «fiction» – приведём для ясности одно из (к моему удивлению) часто цитируемых после перестройки «воспоминаний» Баженова:

«В лагере для советских военнопленных произошло то, чего я ожидал. Все они были врагами коммунизма. Я говорил с ними языком, им понятным. Результат – из 500 человек 450 пошли добровольцами драться против большевизма. Из остальных пятидесяти человек сорок говорили: «Я всей душой с тобой, но я боюсь, просто боюсь». Я отвечал: «Если боишься, ты нам не нужен, оставайся в лагере для пленных».

Даже Коротич из «Огонька» не мог повторить этой брехни, хотя ему платили из кассы ЦК КПСС времен Горбачева.

«Но все это были солдаты, а мне нужны были еще офицеры. На советских пленных офицеров я не хотел тратить времени: при первом же контакте с ними я увидел, что бывшие среди них два-три получекиста-полусталинца уже успели организовать ячейку и держали офицеров в терроре – о малейших их жестах все будет известно кому следует в России, и их семьи будут отвечать головой за каждый их шаг. Я решил взять офицеров из белых эмигрантов. Общевоинский Союз приказом поставил в мое распоряжение свой Финляндский отдел. Я взял из него кадровых офицеров, но нужно было потратить немало времени, чтобы подготовить их и свести политически с солдатами. Они говорили на разных языках, и мне нужно было немало поработать над офицерами, чтобы они нашли нужный тон и нужные отношения со своими солдатами. Но в конце концов все это прошло удачно.

Было еще много разных проблем. Например, армии живут на основах уставов и известного автоматизма реакций. Наша армия должна была строиться не на советских уставах, а на новых, которые нужно было создавать заново. Например, такая простая вещь: как обращаться друг к другу. «Товарищ» – это советчина; «господин» – политически невозможно и нежелательно. Значит, «гражданин», к чему солдаты достаточно привыкли; а к офицерам «гражданин командир» – это вышло. Я назывался «гражданин командующий».

Удивительно, что референт из 1920-х годов даже не знал, что в РККА не было солдат – служивших в РККА согласно всем уставам Красной Армии именовали просто красноармейцами.

«Баженову приходилось преодолевать то предубеждение против эмигрантов, которое сложилось у красноармейцев под влиянием совет-

ской пропаганды. Так свидетельствовал корреспондент брюссельского журнала «Часовой» А. Маевский, беседовавший с пленными в Финляндии: «Многие пленные... воображали, что в Финляндии ещё хуже и что там властвуют только генералы и дворяне и чуть ли не на улицах вешают публично людей. Поэтому естественно их изумление, когда их, «освободителей», принимали с места в карьер в штыки и пули. К русской эмиграции отношение в высшей степени враждебное. Русская эмиграция представляется им как сборище бежавших князей, генералов, помещиков, дворян, которые вывезли из обедневшей поэтому России свои капиталы, понастроили за границей себе дворцы, входят в стачки с «иностранными диверсантами и капиталистам», всюду мешают развитию отношений с Европой и проч. Слушают с разинутыми ртами о том, как живёт эмиграция, как трудится, как работает и как дорожит русским именем. Слушают, молчат, но, видно, этому не верят. Слишком это для них невероятно».

(Ночами не спала «родная» эмиграция, всё время «пахала», чтобы в киржачском колхозе «Новый путь» всё лучше и лучше жили люди. Оттого и промотали весь Черноморский (и др.) флот, собранный на жилистые копейки этих людей - А.Ж).

«Баженову всё же удалось преодолеть рознь между бывшими красноармейцами и офицерами-эмигрантами. Сам же он доверие офицеров завоевал только тогда, когда не дрогнул во время бомбёжки Хельсинки, не ушёл в убежище, а продолжал спокойно объяснять задание в помещении штаба, размещённого на пятом этаже высокого здания. После этого ветераны Белого движения начали называть сталинского секретаря не «господин Баженов», а «гражданин командующий». На всё это и на обучение и снаряжение РНА ушло почти 2 месяца».

Безусловно, в составе финских войск были русские выходцы из различных слоёв былой Империи, не только сам Маннергейм, но и другие офицеры. В одном из материалов газеты «АиФ» о войне 1939–1940 гг. особо подчёркивалось, вероятно, как дистанцирование от специфически фашистских структур вермахта и рейха, присутствие в финском офицерском корпусе евреев. Однако, в расовом реестре отбора возможных добровольцев на фронт войны ни славян, ни евреев нет – повторим ещё раз: во все зарубежные представительства Финляндии были разосланы инструкции финской ставки о регистрации добровольцев: «мы решили принимать только скандинавов, британцев, французов, итальянцев, венгров, испанцев, поляков и американцев» (Таннер). Список странный, но финская ставка своё дело знала. Тем более, что первое издание книги Таннера было адресовано англоязычному лицу.

Практика войны реестр отбора опровергла: в добровольцах в основном оказались шведы и эстонцы. Неожиданным и не очень приятным

сюрпризом с той «русской» стороны оказались орудия главного калибра российского линкора «Император Александр III», что под личиной «Генерал Алексеев» был воровски утащен белыми в Бизерту. Академик А.Н. Крылов, чуть ли не последний из русских с нашей стороны видевший линкор на стоянке в тунисском военном порту Бизерты: «Я обратил внимание адмирала (французский контр-адмирал Bouis – А.Ж.) и на наши снаряды, длиной по 6 ф. 5 д., т. е. в рост довольно высокого человека, и некоторые другие детали. Я нарочно все время молчал и только отвечал на редкие вопросы адмирала.

Когда мы сели на катер, то адмирал Буи мне сказал: «Amiral, c'est la premiere fois que je vois qu'est ce que c'est un cuirasse» (адмирал, я в первый раз вижу, что такое броненосец)».

Вот эти мощные орудия флагмана Черноморского флота, построенные на деньги российской казны, бьют по своим. С какой стати? Да как обычно – метили в систему, попали в человека, того самого, на денежки родителей которого – псковского или смоленского – и выстраивался этот флот. Не хочу размахивать в записях о войне криминальной квалификацией, но это ведь преступление – и людей из так называемой черноморской эскадры из Бизерты, и деятелей французского правительства (кстати, в какую сумму финнам обошлась эта помощь от Франции?). Орудия такого калибра должны были бы стоять, в будущем 1942 г., на защите Севастополя и громить орды фашистских захватчиков из Европы, а они, скорее всего, стреляли по защитникам и беззащитным жителям Ленинграда.

В своём ответе на парламентский *запрос* премьер-министр Франции Даладьё 12 марта 1940 года (вот это оперативность в подсчётах затрат – война закончится завтра в 12 часов по московскому времени, а за несколько часов до этого в Париже уже *запрос*) отмечает, что Франция поставила оружия больше других стран. (Вопрос: «Как вы думаете, что значит «поставила»: займы, в аренду, в кредит?» – Можно долго рассуждать, но смысл остаётся – продавала). На день выступления Даладьё Франция поставила: 145 самолётов, 496 орудий, 5 тысяч пулемётов, 400 винтовок и 20 миллионов патронов для лёгкого оружия. Вот в этих «поставках-продажах» и были транспортированы восемь стволов 305/52мм пушек российского линкора «Император Александр III».

В 1944 г. в Нью-Йорке вышла в свет книга некоего В. Зензинова. Заметим, что в первом открытом в СССР документе о «войне в Финляндии» – докладе «О внешней политике правительства» Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года – нет ни слова о русских следах с той стороны. Удивляет некоторое пренебрежение (организованное забвение) докладом В.М. Молотова

в современной исторической литературе о войне 1939/1940 гг. Удивительно то, что абсолютное большинство тезисов и выводов доклада В.М. Молотова не опровергли ни время, ни люди (политики, идеологи, агенты влияния той стороны), ни документы из архивов.

Особенно важен заключительный тезис доклада: «Коротко говоря, задачи нашей внешней политики заключаются в том, чтобы обеспечить мир между народами и безопасность нашей страны. Выводом из этого является позиция нейтралитета и неучастие в войне между крупнейшими державами Европы. Эта позиция основана на заключенных нами договорах, и она полностью соответствует интересам Советского Союза. Эта позиция оказывает, вместе с тем, сдерживающее влияние на расширение и разжигание войны в Европе, и потому она в интересах всех народов, стремящихся к миру и стонущих уже от новых громадных лишений, вызванных войной».

Доклад руководства был доведён до сведения практически каждого советского человека – его напечатали даже многотиражные газеты (заводские, колхозные, вузовские и пр.), в том числе многотиражка Менделеевской «Московский технолог» №16 от 2 апреля 1940 г.

Глава девятая

Война без моторов

Лошади

Войн XX века без лошадей не было – кавалерия, лёгкая артиллерия на конной тяге, обоз, посыльные, парады. Кавалерийские части участвовали в боях во время советско-финской войны, была и артиллерия на конной тяге, гужевые лошади в обозе тоже были. Маршал Кирилл Мерецков, вспоминал об одном кавалерийском подразделении, переброшенном на фронт с началом войны (без указания наименования части): «С кавалерией же получилось нехорошо. Командир не позаботился вовремя о подковах. Нужно идти в наступление, а лошади скользят по льду и падают. Атака сорвалась. Но это были уже лишь отдельные неудачи. За плечами остались десятки километров тяжелейшего пути».

Для бойцов этой войны очень часто лошади были надёжней моторов, однако требовали ухода, что не всегда получалось у наших тыловиков. Расстояния, да и дорог в СССР было не меньше, чем в России, хватало, по формуле Гоголя, и первых (не только среди военных), и вторых. Вопросы, именуемые сегодня логистикой, решались на занесённых снегом пространствах Карелии трудно, слаженность тыловых служб, порой, напоминает действия австро-венгров из времён Первой мировой на маршрутах Швейка. Обидно, но об этом говорят почти все свидетели и участники войны. Незавидна была судьба конного состава подразделений, попавших в окружение в снегах между Ладогой и Онегой, там, где сражались наши парни из 10-го ОЛБ, в зоне ответственности 8-й и 15-й армий. Даже финны спустя полвека сочувствуют этой ситуации: «Находящиеся в окружении русские голодали, но их лошадям, которым полагалось тащить пушки и фургоны с припасами, приходилось еще хуже. С самого начала вторжения судьба их была незавидной, но, попав в окружение, несчастные животные стали бесполезны, их разве что можно было использовать

в качестве пищи для голодающих солдат. Снабжение фуражом огромного количества лошадей русских на территории, намеренно превращенной ее защитниками (т.е. финнами – А.Ж.) в пустыню, было ужасающим. По существовавшим у финнов нормам одной лошади требуется 26 фунтов фуража в день. Это составляет порядка 1,261 тонны фуража в день на всех имеющихся в подразделении животных. Русские не планировали кормить своих лошадей по таким завышенным нормам».

Об отношении к своим верным лошадам на финской знаем от Сергея Дудина, ленинградского поэта, «трубившего» на финской срочную.

«Молодость не нуждается в снотворном. Хорошо спится с устатку. Приятно спать на кровати под хрустящей прохладной простыней. Ещё лучше спать на душистом сене под самой крышей сарая, но слаще всего спится под брюхом коня. Это место мы переняли у Кукушкина (герой повести С. Дудина «Где наша не пропадала»). Следуя его примеру мы рубили лапник, настилали его на снег и клали коней. Потник из-под седла служил нам матрацем, полушубки – одеялами, тёплый живот коня – нагретой стенкой лежанки. Но спать нам приходилось только урывками. Наш полк вели в бой, и мы застряли глубоко в болотном снегу перед линией укрепления. Застряли мы основательно и вторую неделю, коченея в снегу, не могли тронуться с места...»

Другой наш поэт, родом из починковского хуторка Загорье, Александр Твардовский оставил нам в память о финской небольшой цикл стихов «В снегах Финляндии». Удивительно, но в стихах, порой лирических, много искренних «бытовых» мгновений тех дней. Нужно только быть готовым стихи эти воспринимать. Не прошел сын обрусевшей шляхты и мимо судьбы животных в морозы 1940 года.

Жеребёнок

Гнедой, со звёздочкой-приметой,
 Неровно вышедшей на лбу,
 Он от своих отбился где-то,
 Заслышав первую стрельбу.
 И суток пять в снегу по брюху
 Он пробивался по тылам.
 И чуть живой на дым от кухонь,
 Как перебежчик, вышел к нам.
 Под фронтовым суровым небом
 Прижился он, привык у нас,
 Где для него остатки хлеба
 Бойцы носили про запас.
 Бойцы ему попонку сшили —
 Живи, расти, гуляй пока,

И наши лошади большие
 Не обижали стригунка.
 И он поправился отменно,
 Он ласку знал от стольких рук,
 Когда один из финских пленных
 Его у нас увидел вдруг...
 Худой, озябший, косоротый,
 Он жеребёнка обнимал,
 Как будто вечером в ворота
 Его шутиливо загонял.
 А тот стоит и вбок куда-то
 Косит смущённо карий глаз.
 Его, хозяина, солдатом
 Он здесь увидел в первый раз.

Американо-финские историки (книгу собирали американцы со скандинавскими корнями) не могли забыть о животных на войне. Несколько небольших сюжетов из книги Э. Энгл и Л. Пааненен следует привести. Можно сомневаться в достоверности фактов, поскольку книга написана в первую очередь для американцев, от клюквы Голливуда не спрятаться, но мнение той стороны нужно обязательно слышать.

Сюжет первый о финских лошадях: «Лошадям финнов неплохо жилось во время Зимней войны. Их хорошо кормили, содержались они в конюшнях, а ветеринарная служба была самой лучшей за всю историю войн. Лошади быстро научились ложиться во время артиллерийских обстрелов или воздушных налетов. Финские фермеры позднее жаловались, что лошади на пахоте и в мирное время продолжали ложиться, когда над полем пролетал самолет». (Цитирую по комментариям к основному тексту, автор комментариев не указан, вероятно, они авторские.)

Сюжет второй о русских лошадях: «Лошади русских, не погибшие от голода и не забитые для питания солдат, иногда служили для других целей. Так, у Койринойя русские использовали их для «нейтрализации» финских мин, гоняя несчастных животных по замерзшим минным полям. Финны, наблюдая за ужасными страданиями лошадей, старались пристрелить их до того, как те попадут на мину. Иногда им удавалось убить их, прежде чем животное будет искалечено; иногда же приходилось слушать полное муки ржание искалеченных животных, продолжавшееся по несколько часов кряду».

Рассказ тяжёлый. В РККА большинство красноармейцев из крестьянских фамилий, рождённые ещё до революции парни прекрасно помнят свой сельский быт, где многое, почти всё, в жизни связано с лошадью. Не вяжется эта американо-финская «нейтрализация» в один логический

узел. Однако, война не требует знания логики, как и любая другая бойня, живёт логистикой.

Сюжет третий, тоже американо-финский – русские лошади и пастор. Некий Эрkki Палолампи, работавший до войны редактором газеты, вел дневник, куда вносил свои впечатления от фронтовой жизни. В нем он описывает случай, когда «кавалерию без всадников» гнали по льду. «Одна из лошадей была тяжело ранена неподалеку от финских позиций, ее стоны и крики звучали почти как человеческие. Финны хотели положить конец ее страданиям, но в ясную погоду и под прицелом винтовок противника подобная миссия стала бы самоубийством. Командир запретил всем покидать позиции. Напряжение росло, и батальон, повидавший много страданий и смертей, начинал терять самообладание от мучений одного раненого животного, лежащего на льду. Солдат пробиравал холодный пот. Срочно было необходимо что-то предпринять. Пастор Эльяс Симойоки, капеллан батальона, вышел вперед. Он отпевал погибших и молился за раненых, помогая уносить их в безопасное место. Поскольку во время Зимней войны в подразделениях официально не существовало должности капеллана, он сражался наравне с остальными. Все любили Симойоки. Он всегда подчинялся приказам... но лишь до этого момента. Пастор взял свой пистолет и спокойно пошел по открытому заснеженному пространству. Ни с той, ни с другой стороны не прозвучало ни единого выстрела, было ясно: все хотели, чтобы лошадь была избавлена от мучений. Симойоки дошел до лошади и совершил акт милосердия. Животное утихло, и пастор начал свой долгий путь назад. Стояла мертвая тишина. Противник дождался, пока пастор доберется до своих позиций, а затем открыл огонь».

Дневники Эрkki Палолампи почитать не довелось, вероятно, на русском языке их не издавали, но, если это действительно фронтовые записки, их время на русском обязательно придёт. Правнуки должны знать всё о войне прадедов, даже если эта правда звучит в переводе с финского, как «Чудеса зимней войны». [Хельсинки, 1966 г.]

Собака щюцкора

Красноармейцы в РККА в основном крестьяне, люди с особым подходом к миру животных, особенно домашних. Земля была чужая, и собаки тоже не свои. Использовали ли финны в боях в Лапландии собачьи упряжки для транспортировки раненных, грузов и проч., сведений мало. (Видел фото времен войны с оленьей упряжкой). Вероятно – да, финны были на своей земле и использовали любую возможность для борьбы, для внезапных атак, для разведки. «Нередко финские разведчики использовали для донесений собак, – пишет К. Якимович (С. 160), подроб-

но описавший ход 105-дневной войны в районе реки Тайпалеен-йоки (ныне река Бурная), на самом восточном фланге линии Маннергейма. – Проведя рейд по тылам противника, они укрепляли на ошейнике пса боевое донесение и отпускали его. Когда в советских частях обнаружили, что перебегающие лед Суванто-ярви животные являются ценным связником врага, за ними началась настоящая охота».

Книга Якимовича увидела свет в начале 2010 года (ссылки на источник информации о собаках, конечно, нет), но мне вспомнилось, что в книжке поэта Н. Тихонова «Двойная радуга» я читал об этом лет 30 назад, а точнее – в 1964 г. в рассказе «Палатка под Выборгом» – воспоминание о русском писателе Виссарионе Саянове на этой самой «незнаменитой» финской.

«... Морозное мартовское утро. Темно-зеленые ели и сосны на холмах. Кругом снег. На нем причудливые следы лыж. Черно-серые лбы древних валунов торчат из-под снежных грив. Блестят застывшие гладкие озера. Все как будто мирно. И солнце пригревает по-весеннему. И небо голубеет привычно. Но стоит перенести взгляд на дорогу – и сразу картина войны перед вами. Очередная пробка. Поток машин, которому нет конца, уперся в какое-то препятствие и забурлил на месте. Легковые машины пробуют пробраться мимо тяжелых, доверху нагруженных и накрытых брезентами грузовиков, застревают и останавливаются. Пехота обходит эти застрявшие машины и безостановочно втягивается в ближний лес. А тут, на перекрестке, треск и шум, и голоса командиров, и крики шоферов, помогающих вытянуть скатившуюся в кювет машину, и шум пролетающих самолетов, к счастью наших. Будь у противника по сильнее авиация, этот перекресток зашумел бы по-другому. Уже в стороне зажглись маленькие костры, и у них греются люди, которые потеряли терпение и замерзли на открытой всем ветрам дороге. Пробки на дорогах были тогда обычным явлением. Отсутствие дорог не позволяло продвигаться с той скоростью, с какой могла бы перебрасываться техника того времени.

На дивизию полагалось три дороги, чтобы двигаться как следует, а тут три дивизии шли по одной дороге. Встречные машины, желавшие на перекрестке прорваться, часто застревали, на них наезжали со всех четырех сторон, и дальше начинали выяснять, кому надо быстрее двигаться к цели и кто должен уступить дорогу. Над дорогой стоял самый разнообразный шум, и в нем тонули отдельные звуки. Саянов, как ни странно, обладал среди прочих своих талантов талантом устранять эти заторы. Он пробирался к месту самого яростного столкновения, к месту, где кипели все страсти вокруг сцепившихся машин. И тут, когда командир, в коричневом полушубке, в очках, – с добродушной улыбкой, но решительный и быстрый, наводил порядок, то убеждая, то приказывая,

то шутя вместе со всеми, вдруг водворялась тишина. Он умел как никто рассасывать пробки. Мы ждали сейчас терпеливо, так как верили – нас в этом убеждали окружающие, – что пробка эта небольшая, сама быстро ликвидируется. Мы хорошо отдохнули накануне в знакомой части, выспались. Хорошая погода, хорошие вести о нашем безостановочном продвижении – всё говорило: не стоит торопиться, все образуется само собой. И мы вразвалку ходили вдоль колонны машин и разговаривали, встречая знакомых, останавливаясь у маленьких костров, синий дымок которых пахнул восхитительно горько.

Вдруг Саянов показал мне на перекресток, где было самое большое скопление машин, и сказал:

– Ты видишь эту собаку?

Я взглянул туда, куда он указывался, увидел большую серую собаку, овчарку, нервно сновавшую между солдат, быстро обнюхивавшую встречных, нырявшую в толпу, снова появлявшуюся. Она ни минуты не была без движения. Странно, что в общей суматохе никто не обращал на нее внимания.

– Это финская собака, – сказал Саянов, – шюцкоровская. Смотри, как она крутится!

Когда собака появилась снова на дороге, мы пошли к ней. С некоторого расстояния мы стали наблюдать за ее поведением. Казалось, она не хочет оставлять перекрестка. Она кружила по лесу, вокруг него, возвращалась на дорогу, снова бросалась в толпу солдат, снова кружила по лесу, низко-низко нагнув голову, подняв уши. Она кружила все по одному и тому же месту.

– Ты знаешь, что происходит? – сказал Саянов. – Я давно уже слежу за ней. Видишь, у нее на шее кожаный широкий ошейник с карманчиком. Карманчик открыт. Он пуст. Она, бегая по лесу, зацепилась за куст и потеряла записку. А может быть, она должна была получить записку от хозяина. Он назначил ей randevu возле этого перекрестка...

– Что же с ним случилось? – спросил я. – Если ты так хорошо представляешь происходившее, давай дальше...

Саянов усмехнулся:

– Я тебе сейчас все расскажу. Ее хозяин шюцкоровец, кроме всего, еще «кукушка». Он сидел на дереве и не стрелял, а следил за передвижением наших войск. Собака бегала от него в тыл с донесением и прибегала обратно. Но последний раз, когда он ее посылал, он не мог знать, что мы так быстро выйдем на этот перекресток. Поэтому она пришла, а его уже нет. Возможно, что он просто удрал в другом направлении, возможно, его темная душа подбила его все-таки обстрелять дорогу, и его сняли как миленького. А собака прибежала, и мы сейчас с ней познакомимся поближе...

Мы стали приближаться к овчарке. Она нюхала автомобиль, точно большое, тяжелое колесо могло что-нибудь объяснить ей. Мы подошли совсем близко. Она взглянула на нас таким усталым, испуганным, недоумевающим взглядом, что сразу стало ясно: не первый день она кружит здесь, ноги едва держали ее. Исхудавшая от голода и напряжения, не понимавшая, что происходит, она была готова упасть на дорогу. Но, собрав последние силы, вдруг побежала, шатаясь, в сторону от нас, на боковую дорогу. Мы пошли за ней. Навстречу собаке шла группа людей, непохожих на строевых командиров. Один из группы увидел собаку и, сунув руку в карман, вытащил несколько кусков сахара и протянул овчарке. Поставив уши, она секунду вглядывалась в человека, предлагавшего сахар, осторожно приблизилась и взяла сахар. В то же мгновение человек схватил ее за ошейник, и она привалилась к нему и стояла, грызя сахар, стояла, шатаясь, смотря безумными глазами, в которых уже не было страха. Она доверчиво ела сахар.

– Это щюцкоровская собака, – сказал Саянов, – посмотрите на ошейник.

– Мы уже второй день видим ее здесь, – ответил человек, державший ее за ошейник, – она, по-видимому, не ела несколько дней и так много бегала, что уже больше не в силах двигаться...

– Щюцкоровская собака! – закричал за нашей спиной боец, снимая с плеча винтовку. – Дай я сейчас подлюгу шарахну, товарищ командир!

Но Саянов закрыл собаку собой и сказал примирительно:

– Она сдалась, видишь, а мы пленных не бьем. Что с собаками воевать, – сказал он строгим голосом, – вон еще там осталось, с кем драться...

Он махнул рукой в сторону Выборга, откуда слышались глухие выстрелы орудий.

– Я врач. Наш медсанбат тут, за углом, в лесу. Я возьму её с собой. Нас сторожить будет. Пропитаем! – сказал человек, за которым теперь послушно шла эта худая, жалкая, истощённая овчарка.

С перекрестка нам кричал шофер, и, судя по его радостному крику, дорога освободилась. Мы сели в машину и, оглядываясь, видели, как вверх по пригорку удалялась группа работников медсанбата, и среди них овчарка, миролюбиво помахивавшая серым хвостом.

... Через несколько дней, когда мы уже жили в палатке в лесу, Саянов, вернувшись однажды к вечеру после своих странствий по переднему краю, сказал, весело усмехаясь:

- А я, знаешь, нашу находку видел!
- Какую находку? – спросил я.
- Овчарку, что врач увел!

– Где же ты видел? Есть что-то новое?..

– Есть, – ответил он, снимая с пояса свою тяжело набитую полевую сумку, – хозяин объявился у нее.

– Как?! – закричал я. – Щюцкоровец!

– Да, он ночью приходил на лыжах. Видимо, моя версия, что он удрал в другую сторону, верна. А теперь, когда дорога пустынна, части прошли, такого движения нет, он отправился ее разыскивать и дошел ночью до медсанбата и там ее увидел. Она сидела у освещенной палатки и была хорошо видна. Он звал ее условными свистками, но она не пошла. Вышли люди. Тогда он последний раз свистнул и потом выстрелил в нее, но промахнулся. Пуля только поцарапала ей ухо. Тут наши выскочили, но он удрал. Ему вслед стреляли. Но он ушел. Что ты скажешь?

– Я скажу, что из тебя вышел бы недурной детектив, – так лихо ты разобрался в этом темном деле. Ну, что же собака?

– Собака живет спокойно и просила тебе кланяться!» ...

Поэты и писатели, так густо «заселившие» той холодной зимой Карельский перешеек, народ наблюдательный, охочий до всяких историй, особенно перебивающих обыденный ритм жизни, даже на войне, и здесь нам явлен небольшой шедевр о людях на войне.

Кто такой щюцкоровец или, точнее, что такое щюцкор? Собственно, щюцкор – это резерв финской армии. Название Щюцкор пошло от шведского Skyddsk'r – охранный корпус. Сразу вспоминаем германские SS – Schutzstaffel – тоже охранный корпус. Вспомните Латвию по Вилису Лацису – сталинскому мудрецу – айзерги – то же самое. Функции щюцкора и «SS» были тождественны: внутри страны – расправа с неугодными режиму (кто-то считает это демократией), в военное время – ведение боевых действий совместно с армией или самостоятельно. В этом случае чаще и «работа» с мирным населением (старики, женщины, дети) – вспомните об этнических чистках и концлагерях в оккупированном Петрозаводске – это не Маннергейм (так утверждают любители), а щюцкоровцы. Щюцкор существовал с 1918 года, а в 1927 в Финляндии был принят закон, согласно которому щюцкор стал частью вооружённых сил республики. Подчинялась организация щюцкор президенту страны. К 1939 году численность щюцкора превысила 100 000 человек. Винтовки,

противогазы, котелки и прочее личное имущество щюцкоровец держал дома (и в городе, и на хуторах). Кроме того, на базах охранного корпуса имелись десятки орудий, бронемобилей и даже лёгкие речные и морские суда (Ворошилов о щюцкоре).

Вереск

Михаил Дудин, ветеран финской, вспоминал:

«На страницах «Звезды» я встретился со своими сверстниками Недогоновым и Наровчатовым, Максимовым и Лукониным, так же, как и я проползшими на животе по мёрзлому *вереску* Карельского перешейка от Сестры до Выборга, о которой двадцать лет назад Николай Тихонов сказал коротко и по-тихоновски вразумительно, сказал, как камень срезал: «*Река Сестра, а берега не братья*». И в этом нам пришлось убедиться в ту холодную и громкую, как колокол, зиму. Холодный колокол гудел позади».

*Брат наш вереск, мёрзлый вереск,
Ляг ты в изголовье.
Мы тебя согреем, вереск,
Нашей кровью.
Ты впитаешь её, вереск,
Выпьешь в полной мере.
Ты оттаешь, мёрзлый вереск.
Мёрзлый вереск.*

Николай Тихонов

Глава десятая

Из алфавита войны

Заместитель политрука

Политруки сегодня не в чести у тех, кто делает историю, да и военными уставами эта категория комсостава давно отменена. Историки сегодняшнего дня часто отзываются (без особой аргументации) об этих людях, мягко говоря, нелестно. «Время всё расставит по своим местам», – говорит расхожая формула от истории. Попробуем вспомнить о самом «низшем» чине в иерархии комиссаров-политруков – о заместителе политрука. Лев Захарович Мехлис – начальник ПУРККА, активный участник всех военных «затей» страны в 1939–1940 гг., после окончания «зимней» войны отмечал, что в ходе боевых действий выявилась истина: без военных знаний комиссары и политработники не могут быть «полноценными руководителями». Комментируя этот несложный вывод, отечественный историк В. Некевич даёт яркую, на его взгляд и вкус, иллюстрацию:

«Живая картинка, дающая наглядное представление об уровне пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии в начальный период финской кампании, представлена в воспоминаниях одного из ее участников, разведчика 17-го отдельного лыжного батальона. Это подразделение, находясь еще на границе с Финляндией, во время краткой передышки перед походом получило «патриотическую зарядку со стороны подвернувшегося (sic! — В. Н.) малограмотного политрука». Разъяснения последнего сводились к следующему: «Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают». «Малограмотный» политрук подвернулся не кому-нибудь, а бойцам 17-го отдельного лыжного батальона, сформированного в Московском военном округе.

Мифический, почти легендарный «малограмотный политрук», что вёл беседу с иваново-вознесенскими студентами, скорее всего, это был

общественник (если он был на самом деле), дитя сталинского призыва, инициированного Л.З. Мехлисом. Сам же В. Невежин пишет, что в рядах РККА появилась и такая «неуставная» должность, как *заместитель политрука*. Выдвигать на эту должность старались «политически благонадёжных» из «проверенных товарищей». Однако, бывали случаи, что в низовое звено политсостава попадали люди с ещё неустоявшимися политическими взглядами и убеждениями». Можно согласиться с историком по слабости в политграмоте и заместителей политруков, да ещё представьте себе его аудиторию – студенты старших курсов, прослушавшие солидный цикл общественных наук, знакомых с творчеством известных публицистов того времени.

Кому довелось быть в армии на лагерных сборах военной подготовки студентов или стажировках, помнят, каково было продемонстрировать свою столичную политэрудицию какому-нибудь армейскому политработнику. Каюсь, но смысла большого, а тем более умысла особого эти политбои не имели. Офицер молодой, забот у него выше крыши (жена, маленькие дети), а здесь студенты со своей политграмотой.

Другой ивановец, ветеран финской войны, Михаил Дудин в своей автобиографической повести «Где наша не пропадала» даёт свой портрет заместителя политрука в артбатарею на конной тяге. *«Ивановец Порфиша Атюнов, только что окончил десятилетку (по закону «О всеобщей воинской обязанности» от сентября 1939 г. в армию выпускников средней школы призывали с 17-ти лет) юнец, ни разу не державший в своих руках бритву. Маленький и осторожный, с воробьиным голосом, при упоминании женского имени он высовывал из-под чьего-нибудь локтя свою милую хитроватую мордочку и говорил «Чик – и нету» – и скрывался. Что значило это восклицание, никто не знал».*

Это дорожный портрет мальчишки, что через месяц-другой станет этим самым «неуставным командным звеном» – заместителем политрука. Портрет замполитрука на фронте, земляка-ивановца – у Дудина гораздо оптимистичней: *«У Порфиши была особая страсть к военной форме».* Да и кто до войны не любил военную, особенно командирскую, да ещё форму командира-отпускника в своей родной деревушке, в рабочем ли посёлке? *«Он ходил, как и все в полушубке, в меховой шапке, на которую была нахлобучена тяжёлая каска. Кроме противогаза и карабина (речь идёт об артиллеристе – А.Ж.) Порфиша таскал на своих плечах бинокль, буссоль* и полевую сумку положенную ему, как заместителю политрука. На его ремне были прикреплены связка гранат и кобура нагана».*

Я, собственно, искренне верю в этот портрет со всей, может быть, нелепой амуницией. Рождённый в 1921 года Порфирий Атюнов (или его реальный прототип) не имел ни опыта, ни нюха к атмосфере войны, откуда он мог взяться – страна умудрилась (в жёстком окружении) про-

жить без войны целых 18 лет. *«Каждое утро Порфиша, если он ночевал у огневиков, раздевался до пояса и натирал своё жилистое тело снегом, потом чистил зубы и брился, хотя на его подбородке росло три волоса в четыре ряда. Он это делал для закалки. И правильно делал».* Погиб идеальный замполитрука (у Дудина) при попытке подорвать финский дот. Попытка была бы как в кино почти классической, по Сухову, *«через трубу»*, единственное уязвимое место огневого логова финнов. Погубил его бинокль. *«Порфише оставалось проползти под снегом не больше десяти метров. Проползи он их, – на наших бы глазах произошло чудо. Футляр бинокля, сбившись на спину, взбугрил снег и вылез наружу....»*

Безумству храбрых... А то все «бомблять и бомблять».

Медальон

Мы с тобой простились на перроне.

Я уехал в дальние края.

У меня в «смертельном медальоне»

Значится фамилия твоя.

Повторяют ветераны и очевидцы – медальоны с личными данными на фронте ещё с финской не любили. Отчего, кто придумал, кто принёс в окопы эту легенду, поди нынче узнай. И мы не знаем, у парня из ИЛФИ, автора процитированных строк, был ли он – этот самый медальон. Справка коротка: «Арон Копштейн (род. В 1915г.) погиб в боях с белофиннами в 1940 году». Неожиданно проясняется, что эти пенальчики-медальоны были латунными. Из М. Дудина – «Аютов сбросил полушубок, отдал комсомольский билет Щеглову-Щеголихину, выбросил в снег смертельный медальон (у М. Дудина смертельный медальон был без кавычек – А.Ж.). Мы почему-то очень ненавидели эти латунные коробочки с нашими адресами. Мы их называли пропуском на тот свет, куда нам спешить вовсе не хотелось. Для меня, вузовского специалиста по материаловедению, удивительно, что эти коробочки были из латуни. Казалось бы, во всех военных музеях эти именные медальоны пластмассовые, из реактопластов тех лет. Какие же идентификационные знаки были у командиров (офицеров) того времени. Вероятно, личный жестяной жетон.

Мины

Уровень нашей готовности (справедливее сказать, неготовности) к войне с финнами на линии Маннергейма зимой 1939–1940 годов можно показать одним из воспоминаний маршала Мерецкова. Первый этап

компания – «нужно было преодолеть полосу обеспечения, имевшую ряд многополосных заграждений». Но вначале полосы минного поля. И это, почему-то, оказалось самым сложным в декабре-январе. «Мины применялись разные: противопехотные и фугасы большой взрывной силы, обычные и ловушки». О финских минах-ловушках «народное русское радио», от деревни к деревне, от погоста к погосту говорило ещё долго. «Пугалки» были на века, и было, чего страшиться – на кону стояла твоя жизнь. Отступая, финны вывезли всё мирное население, перебили или угнали домашний скот и опустошили оставляемые места. «По пути то тут, то там валялись в селениях и на дорогах брошенные как бы впопыхах велосипеды, чемоданы, часы, бумажники, портсигары, радиоприёмники». Об этом вспоминает не только маршал Мерецков, рядовые красноармейцы сохранили это для памяти потомков. «Стоило слегка сдвинуть предмет с места, как раздавался взрыв. Но и там, где, казалось, ничего не было, идти было опасно. Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев, лесные просеки и опушки, обочины дорог буквально были усеяны минами. Армия несла потери. Бойцы боялись идти вперёд». Что же в остатке (осадке) этих размышлений маршала. Некому было разминировать все эти ловушки. Мины кто только не поставлял финнам – надо было сбывать старые, надо было испытывать новые образцы. Война, особенно не на своей территории, всё спишет, всё проверит на людях. У РККА, как ни странно, не было ни сапёров, ни специалистов по разминированию, ни миноискателей. Понять можно всё, и этот дефицит средств – «варились в собственном соку», до всего приходилось доходить собственным горбом, что там разведка могла достать. Было и извечно русское «авось» по дороге на войну – «Где наша не пропадала...» Необходим был в кратчайшие сроки метод борьбы с минами, иначе дело швах. К Жданову в Смольный «пригласили» ленинградских специалистов, и гражданских, и военных «академиков по связи» под руководством Н.М. Изюмова. Сказали просто – «нужны миноискатели». «Когда?» – поинтересовались академики. «Завтра», – ответил Жданов.

«Уже на следующий день, – пишет в своих мемуарах К.А. Мерецков, – первый образец миноискателя был готов. Его испытали, одобрили и пустили в поточное производство. Перед наступающими частями ставили густой цепочкой саперов с миноискателями. Они обшаривали каждый метр местности, и как только раздавалось гудение в наушниках, сигналили, после чего мину взрывали. Эта процедура сильно замедляла продвижение. Зато имелась гарантия безопасности, и войска смело пошли вперед, преодолевая сугробы и снежные заносы при 45-градусном морозе, ледяном, обжигающем ветре и непрерывно борясь с «кукушками» — засевшими в нашем тылу на высоких деревьях финскими снайперами». Анализировать этот текст К.А. Мерецкова, нашего человека с Миус,

в 2015, да и в 1970 году (дата написания мемуаров) ох, как сложно. И проблема мин (да миноискателей), проблема разведки, включая военно-техническую разведку, «инструкцию по глубокому бою», над которой усиленно трудился автор, проходя службу в БВО (совместно с Захаровым, Малеровским, Курасовым, Шумовичем и начальником артиллерии округа) ещё в 1935 году. И «инструкция» была введена в действие в РККА. Через 4 года о ней позабыли, время ли торопило или просто переключились на победные марши 1939 года – Халхин-Гол «братская рука помощи» Польше...

О финских минных полях вспоминают любители истории и с «той стороны». Две дамы из Штатов, Элоиза Энгл и Лоури Паананен, для своих мам, живущих в «бодрящих северных краях», написали книгу «The Winter War (The soviet attack of Finland 1939–1940)». Красивое предисловие (от авторов) – «Данная книга не является авторским толкованием истории, она не писалась по заданию, на нее не выделялось никаких денежных средств, и за ее написанием не осуществлялся контроль ни со стороны частных компаний, ни со стороны правительственных учреждений». Классный абзац – следует думать, вслед за Луизой и Лоури, что все остальные о финской войне (1939-1940), по крайней мере на англо-американском языке, издания – заказные, оплаченные из бюджета и фондов CIA, FBI, ME-6, госдепа США, Интеллидженс сервис и иже с ними, тех, которых хватает на каждую нашу русскую душу.

Дамы о минах пишут с толком и расстановкой: «Минные поля и заграждения были устроены на всех путях подхода. Русские путались в хитроумно натянутых через дороги нитях и проволоке, соединенных с взрывчаткой. Стоило кому-нибудь из них открыть дверь сарая или вступить на мост, они приводили в действие мины-ловушки. Случись русскому солдату пнуть ногой мертвую свинью, она взрывалась, попытка померить меховую накидку тоже заканчивалась взрывом. Даже кучи навоза финны с дьявольским хитроумием превращали в мины». Об этом же в письме домой одного из красноармейцев: «Какие только хитрости не встречаются нашими: стоит велосипед, как только наши берут его, всё взлетает на воздух. На дороге валяются вещи, но как только их потянут, – тут же взрыв. В избе мины приспособляются к часам, ручкам, даже к пуку сена». («Солидарность». *Центральная профсоюзная газета 2010. №17. С. 15*).

Элементы мифотворчества в делах с минами безусловно есть, но мнения исследователей сходятся. Энгл и Паананен продолжают (без ссылки на источник информации): «Неподалеку от границы на финской стороне, где заминированные участки были наиболее плотными, местные жители наблюдали, как советские солдаты, взявшись за руки и распевая песни, продвигаются вперед, не обращая внимания на взрывы,

стоны искалеченных товарищей и выстрелы финских снайперов. Солдатам, нагруженным пропагандистскими листовками, подарками, деньгами и одеждой для финского населения, которое они были призваны освободить, и со следовавшими за ними по пятам политруками, готовыми стрелять в любого, кто вздумает повернуть назад, не оставалось иного выбора, как продолжать двигаться вперед».

Это сверхдлинное предложение безгонорарных американок по папорту цитирую лишь для того, чтобы вспомнить рассказ смоленских стариков, на чью долю выпала оккупация. И подтверждённые десятками документальных свидетельств того, как стариков и детей гнали на минные поля в годы Великой Отечественной. Кто гнал? Каратели. Почему среди них были финны? Ответ простой (на сегодня) – добровольцы. Была ли на них форма «ваффен-СС» или что-то сшитое в Турку – неважно. Большая политика часто глушит маленькую людскую правду.

Подлодка С-2

Директиву о боевом развёртывании подводных лодок Балтийский флот получил в 13.49 по московскому времени 29 ноября 1939 года. Есть информация о действии подлодок уже в первые дни войны. Несмотря на зимние условия плавания, когда в подлодке температура держится около +5°C и наружный корпус обмерзает, личный состав самоотверженно выполняет задание командования:

1. ПЛ Л-1 – командир капитан-лейтенант Могилевский, военком политрук Калабугин, – в 13.25 1 декабря 1939 г. выполняет боевое задание, поставив минное поле у подходов к г. Турку. Минная постановка выполнена не смотря на трудные навигационные условия в узкости, на течении.

2. ПЛ М-78 – командир старший лейтенант Афонин В.Д. в 11.05 1 декабря 1940 г. обнаружила неприятельское минное поле на подходах к Ханко.

В августе 2010 года телеканал НТВ привлек внимание своей аудитории к советской подлодке С-2 из состава Балтийского флота времён финской войны. Отечественные патриоты, поисковики-дайверы обнаружили на дне Балтики в сентябре 2008 года погибшую советскую подлодку. С обнаружением находки не торопились, и только в августе 2010 г. состоялась траурная панихида прощания.

Российский историк А. Широкоград уточнил обстоятельства гибели С-2: «При форсировании пролива Южный Кваркен 3 и 4 января 1940 г. погибла на минах подводная лодка С-2. Это была единственная потеря наших подлодок за всю войну». За ту войну...

Глава одиннадцатая Дела химические

Алхимия, химия, искусство химии (Genie chemigre), позднее химическая технология во все века работала на Молоха войны. Порох Древнего Китая, «греческий огонь» Византии, «черный порох» францисканца Роджера Бэкона», динамит Нобеля, все им: Молоху, Марсу, Аресу... Любое достижение науки химии и химического промысла почти мгновенно оказывалось в арсеналах военных. Да и сами химики активно работали на дело войны. Ярчайший пример из начала XX века германский химик Фриц Габер – нобелевский лауреат и военный преступник. Германский ура-патриот, чье имя в любом учебнике по химической технологии, Габер не только решил задачу фиксации атмосферного азота (пахнет порохом, но это всего лишь двойные технологии, они и сегодня работают на выполнение «продовольственных программ» для семимиллиардного человечества), но и стал отцом газовой войны на полях сражений Первой мировой (пахнет хлором, «горьким миндалем» – отсюда маленький шажок до выполнения фашистских задач по уничтожению миллионов «иных» в газовых камерах). Об этом горько говорить, но лучшие умы химиков Европы XX века активно работали (не покладая рук) на будущую бойню.

Вот что можно увидеть, пролистав некоторые документы тех лет, прочитав десятки книг и статей о «зимней войне», в которых будто бы ни слова о химии и химических технологиях.

Цемент и бетон

«Больше всего досаждали ДОТы» – слова маршала Мерецкова, но говорили об этом все участники событий. ДОТы линии Маннергейма в гранитном обрамлении или даже среди болот стояли твердо. Отсутствие опыта у командиров и бойцов РККА по штурму таких оборонительных полос. Танки тех лет сами легко становились мишенью для орудий – лучший вариант под базой танк блокировал сектор обстрела из ДОТа

своим корпусом. Авиация не умела точно бомбить немасштабные мишени, особенно при атаке наших – боялись (и справедливо) задеть своих. «Сталин сердился, – пишет Мерецков, – почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии – это гарантия безопасности СССР. Если застрять надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем усилия империалистических кругов». (К сожалению, почти все после «если застрянем» сбылось в истории нашей Родины с трагическими последствиями).

Решились военачальники разгадать секреты фашистских ДОТов – не «рановато», но спохватились... Позднее говорили, что секретные фотоальбомы на тему «линия Маннергейма» спокойно лежали в окружном штабном сейфе у «секретчиков».

Цель разведки – где ДОТы, сколько их и какой материал заложен в конструкции. Задачи материаловедческие поставили военному инженеру с группой саперов – «проникнуть во вражеский тыл, подорвать ДОТ, изучить его покрытие, а кусок бетона принести для исследования».

Вот как все сложно оказалось – не знали наши спецы из военных НИИ и РУКА (Разведывательное управление Красной Армии), какой цемент использовали французы для линии Мажино или другой французской линии обороны Мареф (Южный Тунис), откуда были эскизы для ДОТов 1935-1938 гг. на Карельском перешейке. Кусок бетона послали в Москву (во куда, а где же славный Питер с мощными научными школами ученых силикатчиков?): «Научно-исследовательский институт проделал анализы и сообщил: цемент марки 600». Название НИИ не приводится, но к 1940 г. все силикатчики в Москве или в своем большинстве были выходцами от нас, из Менделеевского. Кто-то из наших выпускников и определил марку цемента – 600. (600 – это предел прочности образца данного бетонного композита при сжатии в кгс/см²). Маршал Воронов пишет о цифре 450. (Сегодняшние наши силикатчики утверждают, что такой марки цемента нет).

Бетонно-цементная проблема затронула даже будущего патриарха отечественного атомного проекта Юлия Борисовича Харитона. Об этой давней истории вспоминает внук Ю.Б., доктор биологических наук Семенов А.Ю. в книге «Человек столетия. Юрий Борисович Харитон»:

Одну из историй о дедовой работе в конце 30-х годов однажды рассказала мне бабушка. Осенью 1939 года после начала финской войны дед с бабушкой и мамой жили в Ленинграде, в Лесном, неподалеку от Ленинградского политехнического института. В это время продолжались ночные обыски и аресты, в частности и в профессорском доме, где они тогда жили. И вот однажды в 3 часа ночи в их квартире раздался звонок. В прихожую вошли три человека в черных кожаных пальто и предложили

деду собирать вещи и ехать с ними. У бабушки не возникло сомнений, что это арест. Оправившись от первого шока, она начала собирать вещи в дорогу, однако вид ее был таким потерянным, что старший из пришедших людей подошел к ней и сказал: «Не бойтесь, это не то, что вы думаете. Я не могу сказать больше, но вот мой телефон, по которому вы можете звонить, чтобы узнать о здоровье вашего мужа». Бабушка немного успокоилась, но совершенно не могла понять, в чем, собственно, дело. Примерно через два месяца дед вернулся домой. И только значительно позже он рассказал ей, чем ему пришлось заниматься. Оказалось, что советские войска в ходе боев с финскими столкнулись с превосходно укрепленной линией Маннергейма. По-видимому, ДОТы на этой линии были сделаны из какого-то нового материала, который не поддавался обычной взрывчатке. Войска несли большие потери, и было принято решение командировать на передовую специалиста по взрывчатым веществам (дед в то время заведовал лабораторией взрывчатых веществ в Институте химической физики). Попав на передовую и организовав в полевых условиях микролабораторию, дед начал подбирать комбинацию взрывчатки, которая была бы эффективна против материала ДОТов. В конце-концов ему это удалось и наступление на финском пошло успешнее.

Все по русской поговорке – «На охоту ехать – собак кормить».

Вот так в боевых условиях проверялся армейский (родной РККА) миф о том, что финские ДОТы сделаны из специальной резины – снаряды, мол, отскакивают как мячик от стенки. Проверили, «что ДОТы всего лишь бетонные», но миф о резиновых финских ДОТах остался и дошел до наших годов. Химия...

ОВ и противогазы

Вещи очень разные и часто несовместимые. Противогаз с коробкой (килограмм- полтора) в общей двухпудовой амуниции красноармейца, а ОВ что газовое облако – «вот оно прошло и нету...» Отсюда и жалобы ветерана из ивановских студентов Павла Шилова. Ему подпевает российский автор книг о финской войне Борис Соколов: «Бестолковость командования очевидна. Зачем разведчикам громоздкий противохимический комплект? Что, финны у себя в тылу будут бить по ним химическими зарядами? Да и снарядов таких у финской армии не было. Командование Красной Армии стало жертвой собственной пропаганды. Ведь уже 3 декабря 1939 года «Правда» заявила «финны пускали в ход газы. В этом районе употребили хлорпикрин. Правда газ им не помог у всех наших бойцов есть противогазы. Да и недолго работала ядовитая гадина. Химик тов. Огольцов под огнем врагов ликвидировал установку...»

Оборвав цитату из газеты «Правда» за 03.12.1940 г., историк Б. Соколов преподносит для нас очередную им сотворенную «тайну финской войны». «А может советская сторона сама собиралась использовать против финнов отравляющие вещества и снабдила красноармейцев противогазами, а для отвода глаз пустила газетную «утку» о «ядовитых гадинах».

Круто заворочено, жаль только, что историк не ведает (вне поля его времен и интересов) о делах и заботах службы противохимической защиты страны. В РККА противогазы были на вооружении не только красноармейцев и командиров, специальные противогазы и средства индивидуальной противохимической защиты были и у лошадей кавалерийских, артиллерийских и других соединений Красной Армии. Были они и у финнов, часто германского производства – это не так уж важно, да и установить при желании можно.

По поводу хлорпикрина – можно гадать, но финские производственные мощности по хлору (отбеливатель для развитой целлюлозно-бумажной промышленности Финляндии) известны. Другой момент, откуда могли явиться химические снаряды у финнов – западные друзья: Англия, Франция, (огромные запасы химического оружия времен Первой мировой войны и постоянное желание сбыть, освободить место на складах для новейших образцов), Германия, следуя заветам отца химической войны, нобеля Фрица Габера могла с удовольствием предоставить эту самую «ядовитую гадину». Вот здесь действительно тайна финской войны, и безусловно названные страны – Англия, Франция, Германия, да кое-кто еще могли (хотели, без сомнений у автора) подтолкнуть финнов к химической войне. Ох, как хорошо взглянуть на этот вид войны со стороны и порассуждать на эту тему. Традиции воевать до последнего солдата – русского ли, польского... – у политических и военных «гениев» Запада в крови. Примеров тому в истории последних двух веков (XIX и XX) не пересчитать... (Возражаете – готовьте примеры).

Коктейль Molotov

Об этом Cocktaile'e говорят и сегодня довольно часто, особенно в новостных программах ТВ. Неважно говорящие на русском (не по-московски, не по-МХАТовски) телебарышни с упоением зачитывают с монитора-суфлера тексты о терактах, и когда дело доходит до «коктейля Молотова», на их детально загримированных лицах обнаруживается особый оскал, словно они ощущают на губах воображаемый вкус, выделенной, но таинственной для них смеси коктейля.

На мой взгляд название, тиражируемое в наших СМИ, «Коктейль Молотова» не соответствует точности перевода на русский термина Cocktaile Molotov. Точнее и справедливее должны звучать имена, имев-

шие отношение к большой химии СССР: Пятаков (председатель Всехимпрома), С. Ордженикидзе (нарком НКТП), Рыков (председатель СНК СССР, крестный отец 30% «Рыковки»). В.М. Молотов, человек больше канцелярский, кабинетный, дышать «химией» мог лишь в типографии, когда редактировал «Правду». Финны, к их чести, не столбят за собой патент на зажигательную смесь на основе нефтепродуктов, но за приоритет на «торговую марку» (с определенным клюквенно-голландским послевкусием) держатся стойко, по-нордически, по-фински. «Хотя бутылки с бензином использовались в войнах и раньше, именно финские солдаты назвали их «коктейлем Молотова».

Зачем понадобился в снегах Карелии и Финляндии бензиновый коктейль. Ответ прост – борьба с танками. Ждали «войну моторов», а получили, как всегда, войну людей. Вот финская точка зрения на военную идеологию русских (толерантная): «Для действующих в пешем порядке русских солдат танки символизировали мощь, защиту и крохотную часть России-матушки, идущую с ними в бой. Танки вселяли уверенность и морально поддерживали солдат, чьим иллюзиям относительно военных действий зимой в Финляндии вскоре предстояло рассеяться. Пока танки участвуют в боевых действиях, они отвлекают на себя огонь артиллерии, который иначе был бы направлен на пехоту. В Красной Армии были убеждены, что танки обеспечат им победу; Эстерман (генерал-лейтенант Хуго Виктор Эстерман, командующий финской армией на Карельском перешейке), наблюдая за поспешным отходом своих сил, решил, что русские, по-видимому, правы в своих расчетах». Голь на выдумки хитра, и в снегах болот и лесов «зимней войны» нашим танкистам пришлось не сладко. Мины (включая примитивные из обрезков стальных труб с химическим названием по-фински Kloriharsti – хлорид канифоли), завалы из бревен и валунов, особая тактика ночных атак.

Вот в разгар минной войны финнов «из штаба Маннергейма поступил приказ о формировании специальных подразделений истребителей танков на уровне рот, батальонов, полков и дивизий. «Коктейль Молотова» появился тогда, когда Государственное управление (Финляндии) по спиртным напиткам приняло участие в войне, 40 тысяч обычных поллитровых бутылок было выделено для наполнения их смесью сырого керосина, дегтя и бензина. На ранних этапах войны солдаты оборачивали горлышко бутылки смоченной бензином тряпкой, поджигали ее и бросали бутылку. Позднее воспламенение обеспечивала укрепленная на горлышке бутылки ампула с серной кислотой».

«Коктейль Молотов» – не знаю отношения финнов к коктейлям, отчего кажется, что им больше по душе 40% и 56% «Столичная», «Сибирская», «Абсолют» и т.д., но к В.М. Молотову они явно не равнодушны – гамма эпитетов к его имени чрезвычайно широка до херстовского американиз-

ма «яйцеголовый».

Менделеевцы, что в годы Великой Отечественной войны (1941 г.), разливая подобные смеси в бутылки, собранные московской пионерией, и ведать не ведали, что готовят «Коктейль Молотова». Не очень ясно, отчего для наших военачальников бутылки с бензином были неожиданностью (если это не очередной ненародный миф о неожиданности) – вспомните японцев с бутылками на бамбуковом шесте на Халхин-Голе, да и еще раньше в Испании зажигательные смеси были в ходу. Мрачная драма противостояния человека танку разворачивалась по всей заснеженной границе. Начиналась она с докладов о появлении танков, и истребители танков заползли в заранее отрытые по обочинам дорог щели и окопы. Окопы тщательно маскировались еловыми ветками и ветками других вечнозеленых деревьев и обильно присыпались снегом, потому что находящиеся в башнях танков русские постоянно ожидали подвоха. Статистику атак советских танков с бутылками «коктейля», конечно же никто не вел. Однако литературная оценка с финской стороны имеется. Она такова: «В то время финская армия использовала 70 тысяч бутылок, 20-тысяч из которых были изготовлены непосредственно на линии фронта. Экипажи русских танков ждала ужасная участь, когда финны поджигали и бросали бутылки, целясь, как правило, в воздухоборники или открытые люки. При этом гибло до 60-70% финских солдат. Но они думали лишь о том, как подороже продать свою жизнь, а если удастся то и выжить».

Говоря современным языком, метатели «коктейля» были смертниками, так же как и японские самураи с бамбуковыми шестами на Халхин-Голе. С советской стороны боевые зажигательные смеси на финском фронте были, но метать их должны были огнемётные танки – на 30 ноября 1939 года в четырех отдельных химических танковых батальонах было 208 танков ХТ-26 и ХТ-130. На «помощь» таких танков рассчитывали в борьбе на линии Маннергейма. Однако небольшая дальность огнемётания (50 м) не позволяла таким танкам эффективно действовать из-за легкой брони. В полосе действий 8-й и 15-й армий, там, где воевали менделеевцы–добровольцы, в боевых действиях участвовало не менее 150 огнемётных машин. Подвергались ли они атакам «любителей коктейля», неизвестно, но и сами химтанки славы не обрели. Информации о службе менделеевцев (выпускниках МХТИ, к примеру) в отдельных химических танковых батальонах нет.

Грелки

Среди людских потерь РККА в «зимней» войне тысячи людей проходят в бюрократической графе военной статистики – «обмороженные».

Больно об этом рассуждать – свои бойцы, свои командиры. Больно от того, что отечественная химия не помогла, отчего-то не доходило до вождей-командиров с их агиткой – «если завтра война», что за «окном» в природе может быть больше чем 100 по Фаренгейту. Химическими грелками занимались уже после войны. Занялся этим и НИУИФ им. Я.В. Самойлова, где плодотворно работали многие поколения выпускников-менделеевцев.

Ниже приведены два документа из архивов НИУИФа:

Первый – это описание изобретения на способ получения смеси для химических грелок (заявка от 10 мая 1941 г. – не быстро государственная «улита едет», но дело на уровне разработки способа).

Второй – приказ НКХП СССР Денисова о благодарностях и премиях сотрудникам НИУИФа за «спецпроизводства» (здесь вот и самое место для химических грелок).

Впрочем, и в истории Великой Отечественной войны о химических грелках отечественного производства известно мало. Однако пропаганда часто говорила о обмороженных фашистах европейской кровью (да разве от этого легче). Были и другие химические дела на той войне.

Ружейная смазка

В 1920-х годах, чтобы как-то прокормиться в нелегкие для высшей технической школы времена, впрочем и для науки тоже, в Менделеевском занимались «бытовой» химией, включая «синьку» и другие красители, эфиры, занимались и ружейной смазкой. Позднее эта тематика ушла из НИРовских планов МХТИ, и может быть поэтому и случилась неприятная история с самозарядной винтовкой Токарева. Вот взгляд на обстоятельства дела с часто критикуемыми сегодня винтовками СВТ-38 и СВТ-40: «До сих пор бытует мнение, что самозарядные винтовки Токарева (СВТ 40 и СВТ-38 оказались плохим оружием с массой изъянов, себя не оправдали и были сняты с производства с началом Великой Отечественной войны. Такой же безуспешной была якобы попытка сделать из нее снайперскую винтовку из-за плохой кучности, и поэтому в октябре 1942 года ее производство прекратили, вернувшись к «мосинке», на которую лишь перешел оптический прицел ПУ, разработанный для СВТ. Но почему-то немцы высоко оценили это оружие и даже официально приняли на вооружение трофейную СВТ под индексом 258(r) - СВТ-38 и 259(r) - СВТ-40. Использовали они и снайперский вариант. У них винтовка нареканий не вызывала. Более того, по ее образцу они пытались сделать свою G-43 (W). Знаменитый конструктор Хуго Шмайссер заимствовал у Токарева газоотводную систему перезарядки для своего «штурм гевера». После войны бельгийские оружейные мастера исполь-

зовали систему запираания СВТ в конструкции автоматической винтовки FN FAL, которая до сих пор состоит на вооружении в ряде стран Запада. В Финляндии СВТ и сегодня ценится очень высоко и считается прекрасным оружием с высокими боевыми качествами. Местные специалисты просто не воспринимают критику в ее адрес и удивляются, что в России это оружие так скомпрометировано. Финны с их культом оружия очень трепетно относятся к правилам обращения с оружием, поэтому им просто не знакомы слабости СВТ. Простая и надежная конструкция винтовки подводит лишь при плохом обслуживании и неправильной эксплуатации. Но для не слишком грамотных крестьян, составляющих основу личного состава РККА, это оказалось выше понимания. Претензии к надежности винтовки появились в конце 1941 года, когда вообще упало качество всей продукции, а в армию призвали солдат старших возрастов. За 1941 год был выпущен 1031861 экземпляр СВТ, в 1942-м - лишь 264148. В октябре 1942-го снайперскую СВТ сняли с производства. В обычном варианте винтовку продолжали выпускать, хотя и в небольших количествах из-за дороговизны и сложности изготовления. (Все детали производились на металлообрабатывающих станках, требовался большой расход металла, в том числе легированной стали. Чтобы понять это, достаточно сравнить отпускную цену СВТ в официальном прейскуранте 1939 года - 2000 рублей с ценой на некоторые пулеметы: «Максим» без станка с ЗИП - 1760 рублей, пулемет ДП с ЗИП - 1150 рублей, авиационный пулемет ШКАС крыльевой - 1650 рублей. В то же время винтовка Мосина образца 1891/1930 годов стоила всего 166 рублей, ее снайперский вариант с прицелом - 245 рублей). Более того, в серию пустили автоматический вариант винтовки АВТ. По правилам эксплуатации автоматическая стрельба из этой легкой винтовки могла производиться лишь короткими очередями в редких случаях: «при недостатке ручных пулеметов и в исключительные моменты боя». Бойцы это правило не соблюдали. Более того, не обеспечивался надлежащий уход за механизмом винтовки. В войска перестала поступать качественная смазка, без которой автоматика начинала отказывать, залипать на морозе и тому подобное. Так было скомпрометировано это весьма неплохое оружие.

С началом Великой Отечественной войны потребовалось вооружать стрелковым оружием десятки миллионов человек на фронте и в тылу. Поэтому было восстановлено производство дешевой и простой винтовки Мосина. Ее производство вскоре достигло 10-15 тысяч штук в день. Ежедневно вооружалась целая дивизия. Поэтому дефицита оружия не существовало.

История СВТ показывает, что оружие для русского солдата должно быть предельно простым, живучим, неприхотливым в эксплуатации и чрезвычайно надежным. Производство СВТ и АВТ продолжалось до 1945

года, поскольку потребность в скорострельном оружии оставалась высокой до конца войны. Только 3 января 1945 года постановлением ГКО СССР СВТ и АВТ были сняты с производства, изъяты из войск и сданы на склады. Спустя две недели таким же постановлением было прекращено производство винтовки Мосина. За годы войны войскам было передано 5530000 ППШ (себестоимость в 1941 году - 500 рублей, а в 1943 году - 142 рубля) и 11760000 винтовок и карабинов. (Немецкие войска получили чуть более 1 млн. единиц MP 40».)

Эпилог

В дневнике спецкорреспондента «Комсомольской правды» поэта 1930-х Джека Алтаузена 13 марта 1940 г. есть запись (возможно, Джек находился в районе северного Приладожья, т.е. там, где воевали менделеевцы): «В 10 утра мы узнали, что военные действия с финнами будут к 12 часам прекращены. Осипов, Бершадский и я ринулись на передовые позиции; к 11 мы были там, артиллерия уже не работала, с правого фланга ещё действовали финские автоматы и миномёты, за сопкой Чёрная шло последнее сражение. Мы вошли в блиндаж к комбригу. Перед блиндажом стояли бойцы и радостно обсуждали конец войны. У всех взволнованное, приподнятое, праздничное настроение. В блиндаже у комбрига сидел пленный финн. Его только что привели. Попади он вчера, его бы закололи на месте, а сегодня он сидит и ест сало, испуг прошёл, мирно рассказывает, что давно думал сдаться. Щупленький, с рязанской простоватостью в лице, он похож на поросёнка, которого уже никто не трогает, и поэтому он не визжит. Мне кажется, что это финский дезертир, который, узнав об окончании войны, решил сдаться в плен и этим уберечь себя от обвинения в дезертирстве. В 12 часов мы вышли из блиндажа комбрига и пошли пешком к высоте Чёрная, за которой шёл двухнедельный бой...

...Возвращаясь обратно к штабу корпуса, я напоролся на свалку трофейного оружия. Меня особенно поразили торчащие из этой груды штыки, на которой застыли ручейки крови и мелкие обрывки человеческого мяса. Штыки удивили меня, они сверкали на солнце, эта была деталь, которая натянула мои нервы до предела. С закрытыми глазами я сел в машину и боялся раскрыть их, чтобы ещё раз не увидеть торчащие над полем боя штыки.

До Суоярве мы ехали с остановками, машина застревала, пропускала колонны, в одном месте вытаскивали застрявшую нашу машину, подошёл боец в каске, мы дали ему закурить, он заплакал, вчера у него убило двух братьев. Они все втроём служили в одном батальоне, в одном взводе, в наступление пошли вместе, снаряд разорвался рядом, братья

были убиты, а он остался жив. Все комсомольцы. Мы крепко пожали ему руки и поехали дальше...»

Итог войны, оценку нашей победы, определение ее как «незнаменитой» еще в 1943 году дал Александр Твардовский в пронзительном стихотворении «Две строчки». Память возвращает поэта на финский лед в 1940-й, позади трагический 1941-й, тяжелые поражения на родной Александре Трифоновичу Смоленщине, вяземский котел, изнуряющие бои подо Ржевом, да и 1942-й – Сталинград, Харьков. И вот нахлынуло:

Две строчки

Из записной потертой книжки
 Две строчки о бойце - парнишке,
 Что был в сороковом году
 Убит в Финляндии на льду.
 Лежало как-то неумело
 По-детски маленькое тело
 Шинель ко льду мороз прижал,
 Далеко шапка отлетела.
 Казалось, мальчик не лежал,
 А все еще бегом бежал,
 Да лед за полу придержал...
 Среди большой войны жестокой,
 С чего – ума не приложу, –
 Мне жалко той судьбы далекой,
 Как будто мертвый, одинокий,
 Как будто это я лежу
 Примерзший, маленький, убитый
 На той войне незначимой,
 Забытый, маленький лежу...

А. Твардовский, 1943 г.

Легко нашелся и финский поэтический отклик на трагические дни зимы 1939/40 гг. Юрье Юльях – командир роты, участник сражения при Тайпале в сборнике «Киирастули» («Чистилище») опубликовал не менее пронзительные строки :

Встреча в лесу

Винтовки ствол и пара недремлющих глаз
 подстерегают тебя в пути.
 Ты начеку и готов был не раз выстрел произвести.

В мгновение ока душа замри –
у вечности жизнь на весах:
вернёшься ли ты из разведки живым,
иль прахом сгинешь в лесах?

Взаимное право – друг друга убить,
но кто его высветил так?
Не может другой сюда приходить –
он для тебя ВРАГ.

Известно ль тебе, кто он и чей,
чем жил, и пришёл откуда?
Ты знаешь лишь то – он один из людей
пред смертоносным дулом.

Лицом к лицу: Запад – Восток,
так люди встречают друг друга.
Один лишь помнит встречи итог,
а о другом – где-то тоскуют.

Перевод Кожухова Татьяна

Историограф и исследователь Баир Иринчев
перевёл эти строки жестче:

Не знаешь, кто он и откуда
Не знаешь о нем ничего.
Живой, человеческого рода
В прицеле ствола твоего.

Так встретились запад с востоком
Той страшной военной зимой.
Один – не забудет веки,
Второго – не дождутся домой

перевод Баира Иринчева

Литература

1. Барышников Н.И., Барышников В.Н. Зимняя война// Аврора. 1990. №2. С. 24-45, №3. С. 83-90.
2. Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
3. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть. К политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта 1939-1940 гг. // Вопросы истории. 1990. – С. 28-45.
4. Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева (журнал). Вып. 1-45. 2000-2015.
5. История внешней политики СССР 1917-1966 гг. Ч.1. 1917-1945. М.: Наука, 1966.
6. История инженерного химико-технологического факультета/ Под общ. ред. А.П. Денисюка. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2005.432 с.
7. Иринчев Баир. Оболганная победа Сталина. Штурм линии Маннергейма. М.: Эксмо-Яуза, 2009.
8. Жуков А.П., Денисова Н.Ю. Миусы помнят. Мартиролог Менделеевки (1939 2015).
9. Зимняя война 1939-1940 (неизвестные страницы) // Родина, 1995. №12.
10. Зубакова Л.Б. Выпускники органического факультета первых послевоенных лет// Исторический вестник. РХТУ им. Д.И. Менделеева, М.: 2002, С.21-26.
11. Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М.: Яуза-Эксмо, 2010, 608 с.
12. Лазарев А.В. Советско-финляндская война 1939-1949 гг. и средства массовой информации Ленинграда (диссертация). СПб.: СПбГУ, 2003.
13. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата 1925-1945 гг. М.: Наука, 1971.
14. Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагрус, 2000.
15. Менделеевец (газета МХТИ им. Д.И. Менделеева) 1949-2015 гг.
16. Менделеевцы – ветераны- участники Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: РХТУ им Д.И.Менделеева, 2000, 2005, 2015.
17. Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1968.
18. Московский технолог (газета МХТИ им. Д.И. Менделеева). 1940. №9, 14, 16.
19. Наровчатов Сергей Избранные произведения в 2 томах. М.: ИХЛ, 1972.

20. Невежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных битв» 1939-1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997.
21. Новый мир (журнал). 1939. №12.
22. Петров П.В. Зимняя война 1939-1940 гг. М.: 2013.
23. Прометей/ Историко-биографический альманах. М.: Мол. гвардия, 1966.
24. Райман М. и др. Рождение державы. М.: Политическая энциклопедия. 2015. –839 с.
25. РХТУ им. Д.И. Менделеева – прошлое и настоящее со взглядом в будущее. М.: 2002, с.86.
26. Сандер Г.Ф. Зимняя война. М.: Вече, 2012.
27. Семенов а.Ю. Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М.: ИздАТ, 1999.
28. Соколов Борис Тайны финской войны. М.: Вече, 2000.
29. Справочник лыжных батальонов и эскадронов в период Финской кампании 1939-1940// <http://www.soldat.ru/skihtml/page1/>
30. Сталин И.В. ППС, т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1949.
31. Тайны и уроки зимней войны 1939-1940/ Под общей редакцией В.А. Золотарева. СПб.: Полигон, 2002.
32. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2003.
33. Твардовский А. / Интернет ресурс «Русская поэзия»/ Веб. Ruroem.ru/tvardovskiy/all.aspx.
34. Тихоноль Н. Собрание сочинений в 7 т. М.: ГИХЛ, 1985.
35. Фролов Д.Д. Советско-финский плен 1939-1940. По обе стороны колючей проволоки. Хельсенки - СПб.: Алетейя, 2009.
36. XX лет МХТИ имени Д.И.Менделеева М., 1940 с.64-65
37. Чубарьян О.Г., Вехвилейнен О. Зимняя война 1939-1940. И.В. Сталин и финская кампания. М.: Наука, 1999.
38. Широкопад Александр. Финляндия через три войны к миру. М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2009.
39. Электронный ресурс. ОВД «Мемориал». <http://www.obd-memorial.ru>
40. Энгл Э., Паанен Л. Советско-финская война: прорыв линии Маннергейма. 1939-1940. М.: Центрполиграф, 2008.
41. Якимович Кирилл На фланге линии маннергейма. Битва за Тайпале. М.: Вече, 2010.
42. Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940

Война между Советским Союзом и Финляндией, возникшая в результате политики реакц. правительства Финляндии, превратившего терр. страны в плацдарм для возможного нападения агрессивных держав на СССР. Враждебная СССР позиция Финляндии создавала серьёзную угрозу сев-зап. границам СССР и непосредственно Ленинграду. Ведя подготовку к войне, Финляндия особое внимание уделяла созданию укреплений в приграничных р-нах и гл. обр. на Карельском перешейке, где граница проходила в 32 км от Ленинграда. Финляндию финансировали Великобритания, Франция, Швеция, Германия и США. На их средства была построена «Маннергейма линия». Сов. пр-во, проводя политику мира и испытывая озабоченность в отношении безопасности СССР, в условиях усиления нем. фаш. агрессии, в 1938-39 неоднократно пыталось улучшить взаимоотношения с Финляндией.

Ещё в апр. 1938 Сов. пр-во предложило пр-ву Финляндии начать переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, но последнее отклонило это предложение. В обстановке начавшейся 2-й мировой войны 1939-45, СССР в окт. 1939 снова предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, но финл. пр-во ответило отказом и, провоцируемое США, Великобританией и Францией, а также гитлеровской агентурой, заняло враждебную позицию в отношении СССР. 13-14 окт. в Финляндии была объявлена мобилизация. Поскольку финл. пр-во не шло на заключение договора о взаимопомощи, Сов. пр-во 14 окт. предложило рассмотреть вопрос об аренде п-ова Ханко и терр. обмене, к-рый предусматривал компенсацию терр. уступок со стороны Финляндии (на Карельском перешейке, на п-овах Рыбачий и Средний и ряд островов в Финском заливе) вдвое большей территорией Сов. Карелии. Хотя это не затрагивало суверенитета Финляндии, финляндское правительство отвергло советское предложение.

После срыва переговоров финл. пр-во уклонилось от рассмотрения новых соз. предложений и привело войска в боевую готовность. К концу нояб. 1939 в финл. вооружённых силах насчитывалось до 600 тыс. чел. и имелось 9 пех. дивизий, 5 пех. бригад, 5 отд. пех. полков, 22 отд. пех. батальона, 1 кав. бригада, ок. 900 орудий, 60 танков, к-рые поддерживались ВМФ (29 боевых кораблей) и ВВС (до 270 боевых самолётов). Гл. силы сухопутных войск армия ген. Х.В. Эстермана (6 пех. дивизий, 4 пех. и 1 кав. бригады и неск. отдельных батальонов) сосредоточились на Карельском перешейке. На мурманском, кандалакшском, ухтинском, репольском и петрозаводском направлениях были созданы спец. группы и объединения. Общее командование осуществлял маршал К. Маннергейм. В стране была развернута антисов. кампания. Рассчитывая на помощь

зап. держав, финн. военщина 26 нояб. вступила на путь вооруж. провокаций на границе. Сов. пр-во предложило Финляндии отвести войска на Карельском перешейке на 2025 км, но она не приняла этого предложения и пошла на дальнейшее обострение обстановки 28 нояб. Сов пр-во было вынуждено денонсировать договор 1932 о ненападении с Финляндией.

Финл. пр-во не приняло во внимание предупреждения Сов. Союза 29 нояб. Финн. войска повторили провокационные действия на границе. В ответ на это войска Ленингр. Воен. округа утром 30 нояб. при поддержке Сев. и Балтийского флотов перешли в наступление на фронте от Баренцева м. до Финского залива. Со стороны Сов. Союза это был вынужденный шаг. Даже когда уже начались воен. действия, Сов пр-во предложило Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи на самой широкой основе. Однако это было отвергнуто пр-вом Финляндии, к-рое 30 нояб. объявило войну СССР.

Войска Ленингр. Воен. округа (команд. командарм 2-го ранга К.А. Мерецков, чл. Воен. совета А. А. Жданов) развернулись на фронте 1500 км на мурманском направлении, 14-я армия (2 стрелк. дивизии), на кандалакшском, ухтинском и ребольском, 9-я армия (3 стрелк. дивизии), на петрозаводском 8-я армия (4 стрелк. дивизии), на Карельском перешейке 7-я армия (9 стрелк. дивизий, 1 танк. корпус 3 отд. танк. бригады, 13 арт. полков). Боевые действия поддерживали 9 авиаполков и Балтийский флот. Планом операции предусматривалось сковать фин. войска в сев. и центр. Финляндии, а войсками 7-й армии нанести гл. удар на Карельском перешейке в общем направлении на Виипури (Выборг) и на 910-е сутки наступления выйти на рубеж СТ Хиитола-Выборг. Боевые действия велись на озерно-лесистой местности в условиях суровой зимы и глубокого снежного покрова, исключавшего возможность движения вне дорог. Наиболее тяжелые бои развернулись на Карельском перешейке. Войска 7-й армии (команд. командарм 2-го ранга В.Ф. Яковлев, а с 9 дек. командарм 2-го ранга Мерецков) при поддержке авиации и флота, преодолевая упорное сопротивление противника медленно продвигались вперед. В итоге ожесточенных боев им удалось к 12 дек. преодолеть сильную оперативную зону заграждений гл. 2565 км, и выйти к переднему краю гл. полосы обороны «линии Маннергейма». 29 дек Сов. командование приняло решение прекратить дальнейшее наступление на Карельском перешейке и начать планомерную подготовку к прорыву «линии Маннергейма». Балтийский флот (команд. флагман 2-го ранга В.Ф. Трибуц) овладел рядом островов в Финском заливе и блокировал побережье Ботнического и Финского заливов. Севернее Ладожского оз. наступали 14-я армия (команд. комдив В.А. Фролов) при поддержке Сев. флота (команд. флагман 2-го ранга В.П. Дрозд) в Заполярье на петсамском направлении 9-я армия (команд. комкор. М.П. Духанов, с сер. декабря - комкор. В.И. Чуйков) на кандалакшском, ухтинском и ребольском направлениях, 8-я армия (команд. комдив И.Н.

Хабаров, с января - командарм 2-го ранга Г.М. Штерн) на петрозаводском направлении. Войска этих армий прорвали пограничные укрепления противника и, сломив его сопротивление к середине декабря, с боями продвинулись на значит. глубину. В конце декабря 7-я армия была разделена на 7-ю и 13-ю. 7 янв. на Карельском перешейке был образован Сев-Зап. фронт (команд. командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, чл. Военного совета Жданов) в составе 24 стрелк. дивизий, танк корпуса 5 отд. танк. бригад, 21 артполка, 23 авиаполков Сев-Зап. фронт имел задачу прорвать «линию Маннергейма», разгромить осн. силы противника на Карельском перешейке и на 1318-е сутки выйти на рубеж Кексгольм-СТ-Антреа-Выборг. Гл. удар наносился в общем направлении на СТ-Антреа. Для глубокого обхода выборгской группировки противника через Финский зал. была создана резервная группа. В результате ожесточенных боев войска 7-й армии прорвали гл. полосу «линии Маннергейма» и подошли ко 2-й полосе. Войска 13-й армии прорвали передовую позицию «линии Маннергейма» и подошли к гл. полосе. Фин. командование, опасаясь выхода сов. войск в тыл осн. группировки в ночь на 17 февр. начало отводить свои войска на главную (в полосе наступления 13-й армии) и 2-ю (в полосе наступления 7-й армии) полосы «линии Маннергейма». Войска 7-й армии 21 февр. вышли ко 2-й полосе, а войска 13-й армии к гл. полосе «линии Маннергейма», но прорвать их с ходу не смогли. Войска 9-й, 8-й и 15-й (с февр.) армий, наступавшие севернее Ладожского оз., также продвинулись вперед. После паузы сов. войска 28 февр. возобновили наступление. Они сломали сопротивление противника вынудили его начать отход по всему фронту и, развивая наступление, охватили выборгскую группировку фин. войск с СВ овладели большей частью Выборга, форсировали Выборгский зал., обошли Выборгский укрепленный р-н с С-3, перерезали шоссе на Хельсинки. Падение «линии Маннергейма» и разгром осн. группировки фин. войск поставили противника в тяжелое положение. Не спасла его и помощь со стороны зап. держав, к-рые за время войны передали Финляндии 350 самолетов, 1500 орудий, ок. 6000 пулеметов, ок. 100 тыс. винтовок, 2,5 млн снарядов и др. 12 марта в Москве был подписан Сов-финл. мирный договор 1940 (см Советско-финляндские соглашения) и 13 марта воен. действия были прекращены. По условиям договора граница была отодвинута на Карельском перешейке (на 150 км от Ленинграда), северо-западнее Ладожского оз. и в районе Куолярви. СССР передана часть территории на п-овах Средний и Рыбачий и предоставлен в аренду на 30 лет п-ов Ханко. СССР обязывался вывести свои войска из р-на Петсамо (ныне Печенга). В ходе войны Красная Армия получила опыт по прорыву мощного укрепленного р-на в условиях суровой и снежной зимы, к-рый был использован в дальнейшем развитии тактики оперативного искусства и в боевой подготовке войск.

Большая Советская энциклопедия. 3-е издание

Приложение №2

Стихи ветеранов финской войны

Анатолий НЮНИН

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

В обложке серой ты нарядом не кичишься,
 Без золотых тиснений твой наряд,
 Два ордена краснеют на странице,
 И строчки букв выводят стройный ряд.
 Ты маленький, но ты как жизнь мне дорог,
 Ты сросся с сердцем крепко, навсегда,
 Ты – небольшой кусочек коленкора,
 Но не отдам тебя я никогда.
 Ты молод, как страна моя родная,
 Тебе недавно было двадцать лет,
 Но у тебя история большая,
 Полна горячих схваток и побед.
 Рубил ты немцев, дрался с шляхтой польской,
 Стоял на страже наших рубежей,
 И кровью обогащался комсомольской
 В лихие дни кулацких мятежей.
 Носившие тебя с собой в кармане,
 На всех участках были впереди,
 Герои шли в атаку на Хасане,
 Держа билет у сердца, на груди.
 Два ордена... Пятнадцать черных строчек...
 Но ты огромен, ценность велика.
 Недаром так тебя похитить хочет
 Кровавая шпионская рука.
 Я берегу тебя, и ты, как жизнь мне дорог,
 Ты сросся с сердцем крепко, навсегда.
 Ты не простой кусочек коленкора,
 С тобой я не расстанусь никогда.

Июнь, 1939 г.

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

По тропинкам, горам, перевалам
 Мы гурьбою шагаем вперед,
 Мы с веревкою лезем по скалам,
 С ледорубом идем через лед.
 Утром солнце на небе сияет,
 Ночью холод ползет с ледника,
 Дождь палатку насквозь просекает,
 Давит на плечи груз рюкзака.
 Бурно речка бежит по ущелью...
 С гор туман наплывает сырой...
 Мы своею поставили целью
 Видеть край наш – Советский, родной.
 Мы усталости, страха не знаем
 Вечно радостью, счастьем полны,
 С песней звонкою, бодро шагаем
 По просторам Советской страны.
 Загорелые мускулы крепки,
 Взгляд отважен, улыбка легка,
 Ноги к тропкам привыкшие, цепки,
 Не страшит нас и вес рюкзака.
 Закаляется тело и воля,
 Нам отваги чужой не занять
 И клянемся по первому зову
 Наш Союз от врагов защищать!
 Если в край наш спокойный и мирный
 Хлынут своры фашистских собак,
 Мы колонной пойдем по тропинкам,
 Заменяв на винтовку рюкзак.
 Мы на скалах с винтовкой заляжем,
 Через снег пронесем пулемет
 И фашистскому рылу покажем,
 Как соваться в чужой огород.

Август – ноябрь 1938 г.

НА СОБРАНИИ

Кто на лавочке сидел,
 Кто в окошечко глядел...»
 Кто сидел – роман читал,
 Кто тянулся и зевал.

На трибуне кто-то что-то
 И о чем-то говорит,
 Коля с Борею читают,
 Подва письма всем строчит.
 В зале шум и разговоры,
 Вяло прения идут.
 Видно чувствуют, что скоро
 ОТФ придет капут.

Ноябрь 1938 г.

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Спит спокойно Голушко,
 Сладкий храп несется.
 Физкультурная работа
 Кое-как плетется.
 Сам себе актив и масса,
 Всеми сам руководит.
 Сам всех секций председатель,
 А работа все стоит.
 В чем ошибки, где причина?
 Нужно помнить навсегда:
 Одиночка всей работы
 Не решает никогда.

ДЕВУШКЕ

За сугробы, за мерзлые кочки
 Эти строчки к тебе полетят,
 Ты прочтешь их от точки до точки,
 Теплой лаской они прозвучат.
 Сотни верст нас сейчас разделяют...
 Долго поезд по рельсам идет...
 Зря амуром любовь называют,
 Ведь любовь – скоростной самолет!
 Сотни верст для любви – не преграда,
 Счастье птицей летает стальной,
 Я с тобою, и ты со мной рядом,
 Пусть хоть шар между нами земной.
 Наше счастье никто не отнимет,
 Нашу радость никто не возьмет,
 Пусть же выше на крыльях поднимет
 Наше счастье стальной самолет.

Январь 1939

Игорь ТУЖИЛКИН

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

По дорогам, минами изрытым,
 По полям, истерзанным войной,
 Я иду в прожженной и пробитой
 Серенькой шинели фронтовой.

Ты всегда со мной, в боях, походах,
 Видишь, как тебя боится враг?
 Знает он – хранишь от непогоды
 На груди моей гвардейский знак.

Нас с тобою не сломить невзгодам.
 Уж не раз у трепетных костров
 Выливал я ледяную воду
 Из твоих широких рукавов.

Помню, как осколками гранаты
 Воротник пробило твой насквозь,
 И тогда обрезать на заплаты
 Мне кусок полы твоей пришлось.

Ты от этого не стала хуже,
 Скоро мы пойдем опять в метель.
 Будешь охранять меня от стужи,
 Фронтовая серая шинель.

Северо-Западный фронт. 1943 г.

СКУПЫЕ СТРОЧКИ

В твоём письме скупые строчки,
 Но как они встревожили меня.
 Я много раз с начала и до точки
 Его читал, наверное, три дня.

Пусть мечется в ночи осенней, липкой
 Над головой свинцовая гроза,
 Коль светятся ласкающей улыбкой
 Далёкие, но близкие глаза.

В тревоге дней ни ласки, ни покоя.
 Пусть пот течет с усталого лица,
 Но мне легко – я знаю, что со мною
 Далекие, но близкие сердца.

Пусть для меня грядущее незримо,
 Но вот письмо, и снова мыслей рой.
 И вспомню я о стороне родимой,
 О девушке далекой, но родной.
Северо-Западный фронт. 1943 г.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Осенней сыростью
 пропитана насквозь
 Неласковая тьма
 октябрьской ночи.
 И вязнут ноги
 в глиняную скользь
 Изорванных снарядами
 обочин.

 Разрывы мин слышны
 невдалеке.
 Висят ракеты
 над передним краем,
 И на дороге,
 словно на реке,
 Холодный свет
 дрожит и замирает.
 Усталых глаз
 сомкнуть не смеет сон.
 Тревожит ноздри гари
 терпкий запах.
 А временами дымный горизонт
 Цветет зарницами
 артиллерийских залпов.

*Северо-Западный фронт
 1943 г.*

Содержание

Застывшие «зачем» и «почему».....	6
Глава первая	
Исторический след или Путь к войне.....	9
Глава вторая	
«Зимняя война» по учебникам.....	15
Глава третья	
ОЛБ.....	27
Глава четвёртая	
Абрисы отдельных лыжных батальонов.....	44
Глава пятая	
Добровольцы из Менделеевского.....	89
Глава шестая	
Наши на той войне.....	135
Глава седьмая	
Наши деды и отцы на финской.....	149
Глава восьмая	
На той стороне.....	156
Глава девятая	
Война без моторов.....	166
Глава десятая	
Из алфавита войны.....	175
Глава одиннадцатая	
Дела химические.....	181
Эпилог.....	190
Библиография.....	193

Приложение №1. Советско-Финляндская война (справка...)
 Приложение №2. Стихи наших ветеранов

Научное издание

ЖУКОВ Александр Петрович
ДЕНИСОВА Наталья Юрьевна

Застывшие «Зачем» и «Почему»

Добровольцы-менделеевцы
на финской войне
1939 – 1940

Текст дан в авторской редакции

Дизайн и верстка А. Ю. Ильин

Подписано в печать 12.04.2016 г.

Формат 60x90. Усл. печ. л. 12,75
Тираж 500 экз. Заказ 25.

Российский химико-технологический
университет им. Д. И. Менделеева
Издательский центр

Адрес Университета и Издательского центра
125047 Москва Миусская пл., 9